

Мария Вель

Запретный возраст
18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Вель

Запретный возраст 18+

<https://litres.ru/74156114>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вернуться в 15 лет, зная то, что знаешь в 30. Школа, друзья, пиво, травка... и девушки, чьи взгляды теперь кажутся откровенными приглашениями. Билл Стивенс получает всё, о чём когда-то мечтал, — но сможет ли он утолить жажду, когда каждое желание доступно? Эротическая одиссея сквозь время, где границы дозволенного стираются, а прошлое становится полем для самых смелых фантазий.

Содержание

Глава 1. Часть 1.	4
Глава 2. Часть 1.	64
Глава 3. Часть 1.	133
Глава 4. Часть 1.	198
Конец ознакомительного фрагмента.	242

Запретный возраст 18+

Глава 1. Часть 1.

Внимание 18+

В тот день я чувствовал себя особенно напряженно. Именно поэтому я сказал, что сделал с тем стариком. Оглядываясь назад, это была, пожалуй, самая мудрая вещь, которую я когда-либо говорил в своей жизни.

Я приехал к нему в санаторий пригорода Спокана. Увядший, изможденный девяностолетний старик. Трудно было определить какой он расы, настолько он иссох со временем. Имя на бумаге, которую дал мне персонал, идентифицировало его как «Ли Ли», что, по моему мнению, сделало его китайцем.

Он страдал от рака, не только от одной его части, а от всего тела. Я взглянул на него и понял, что ему недолго осталось жить в этом мире. Его дыхание было рваным и нерегулярным, кожа бледная и лихорадочная. Его тело, наверное, в лучшем случае весило килограмм 35. На его костях не было никакой мускулатуры, и кожа свободно свисала с каждой конечности. Несмотря на всё это, он мысленно осознавал своё положение.

"Как дела, мистер Ли?", – спросил я, наклонившись над его больничной койкой.

"Не могу..." – тихо вздохнул он, – "...дышать".

Я кивнул, достал стетоскоп из кармана моего комбинезона и надел его на уши. Я слушал его лёгкие, и не слышал ничего, кроме плохих новостей. Он почти не дышал. Я фельдшер уже восемь лет, но даже новичок понял бы, что шансы господина Ли пережить поездку в больницу не самые утешительные. Ему нужна была дыхательная трубка в лёгкие.

Медсестра была воплощением "белого мусора". Осветлённые волосы, примерно 30 килограмм лишнего веса, и, надувая пузыри из жвачки, она смотрела на нас. Она наложила на его лицо маску, но это только изменило поток в два литра в минуту. Эффект этого был в том, чтобы дать ему меньше кислорода, чем было доступно в атмосфере, поскольку маска была закрытой системой. Обычное дело для санатория. Мой партнёр, не спрашивая меня, переключил подающую трубу в нашу переносную цистерну и запустил её до пятнадцати литров в минуту. Это немного помогло господину Ли, но не сильно.

"Ему нужна интубация", – сказал я, указывая размещение дыхательной трубки.

"Нет, нет, нет!", – закричала медсестра, удивив меня. – "Он не подлежит реанимации! Вы не можете вставить трубку!"

Мистер Ли презрительно посмотрел на медсестру, я схватил её за руку и вывел в коридор. "Не подлежит реанимации" – приказ врача, обычно предоставляемый таким людям,

как господин Ли, приказывая фельдшерам и больничному персоналу не использовать расширенные меры поддержания жизни, чтобы спасти человека. В конце концов, зачем возвращать Ли из мёртвых? Чтобы он мог продолжить умирать от рака? Но всё равно, она могла бы найти более тактичный способ сообщить мне об этом

"У Вас есть копия приказа?", – демонстративно спросил её я.

Она быстро пролистала папку и показала мне документ. Я посмотрел на него, убеждаясь, что всё законно. Имя пациента, слова "Не подлежит реанимации", подпись врача – всё было на месте.

"Хорошо", – сказал я, отдавая документ обратно. – "Но Вам не помешает в будущем поработать над своими манерами. Мистер Ли слышит всё, что Вы говорите".

Она засмеялась, снисходительно глядя на меня. "Он же овощ. Да ещё и узкоглазый. Что такого-то?"

Я отвернулся от неё с отвращением. Как долго бы я ни работал, меня никогда не перестанет удивлять, насколько грубыми, некомпетентными и бестактными могут быть медсестры в санаториях. В такие ситуации понимаешь, что если бы они хорошо исполняли свои обязанности, они бы не работали здесь.

Я вернулся к пациенту и посмотрел на него. Его дыхание, временно облегчённое увеличением кислорода, теперь снова ухудшалось.

"Мистер Ли?", – спросил я его, говоря громко, на случай, если он плохо слышит. – "У меня есть приказ врача не помогать вашему дыханию механически. Вы понимаете?"

Посмотрев в мои глаза, он понимающе кивнул.

"Это ваше желание, сэр?", – спросил я. – "Мне ничего не делать?"

Он слегка улыбнулся. "Да", – сказал он, задыхаясь. – "Пришло... моё время".

"Как пожелаете", – ответил я.

Мы погрузили его на нашу каталку и повезли к машине скорой помощи. Там я подключил его к своей машине ЭКГ, чтобы наблюдать за сердечным ритмом. Я положил свой пульсовый оксиметр на его палец, глядя на дисплей. Пульсоксиметр регистрировал количество насыщения кислородом в крови. Нормальные параметры для человека, дышащего комнатным воздухом – около 99%. Мистер Ли дышал стопроцентным кислородом, и его параметры были 74%. Да, он быстро умирал.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

Глава 1. Часть 2.

"Мистер Ли?", – обратился я к нему. Его глаза распахнулись, чтобы посмотреть на меня.

«Я собираюсь начать внутривенное вливание», – сказал я. «Может быть, Вам смогут дать кое-что в больнице, ну, знаете, чтобы облегчить боль и дискомфорт».

Он улыбнулся и кивнул.

Я приступил к работе, подготовил мешок соляного раствора и повесил его на крючок потолка машины скорой помощи. Его вены были настолько хрупкими, что я был вынужден использовать самую маленькую иглу, что у нас была, такую, что использовали для младенцев. Я медленно вставлял иглу, осознавая, что продвижение иглы с такой скоростью было, вероятно, очень болезненно для него.

«Простите, мистер Ли», – сказал я ему, когда наконец закрепил линию. – "Мне не нравится делать это медленно, но ваши вены не в очень хорошей форме. Лучше делать это так, чем потерять вену и начинать всё заново».

"Спасибо...", – небольшая пауза, – "...тебе".

"Без проблем".

Пока я настраивал скорость капель, я заметил, что он смотрит на меня со странной улыбкой на лице. Он сделал несколько глубоких вдохов, словно глотая кислород, а затем начал говорить.

"Ты... хороший мальчик", – сказал он, тяжело дыша. – "Ты относишься ко мне... с уважением... не как другие."

"Просто делаю свою работу", – улыбнулся я в ответ.

Он потряс головой. "За мной ухаживали и раньше...", – сказал он. – "Не все, как ты... Не... все."

"Ну", – пожал я плечами, – "я стараюсь."

"Какое...", – спросил он, – "...твое самое большое желание?"

"Самое большое желание?", – спросил я, поднимая бровь. Он кивнул.

Я рассмеялся, думая о своей жизни. Я был 35-летним частным фельдшером, и я слишком долго занимаюсь этой работой. Я не был каким-то бездельником, но и на вершине успеха я тоже не был. Моя работа постоянно находилась под угрозой исчезновения из-за Департамента Пожарной Охраны Спокана, который так и мечтал добраться до скорой помощи. Как и многие пожарные службы по всей стране, на протяжении многих лет они инициировали так много пожарных норм и правил, что у них больше не было огня, чтобы его тушить.

Они знали, что скоро налогоплательщики начнут задаваться вопросом, за что они вообще этим ребятам платят, и их миссия на следующее столетие, казалось, была захватом бизнеса медицинской помощи. Частные компании скорой помощи, у которых не было политического влияния или репутации героев, уже попали к ним в городах и пригородах по всей территории Соединенных Штатов. Это была общенациональная тенденция. Пожарная Охрана Споканы уже дважды пыталась, но городской совет голосовал против, а затем, утверждая, что тот же орган одобрил их, они были остановлены суровым распоряжением вышестоящего судебного судьи.

Когда они наконец добьются успеха, я буду для них слишком стар, а я не умею больше ничего делать. У меня была

бывшая жена и бывший ребенок, которым я плачу каждый месяц. В общем, я был в тупике и не видел выхода. Поэтому я ответил мистеру Ли:

"Я бы хотел снова быть пятнадцатилетним", – сказал я правду. – "Зная всё, что знаю сейчас. А как насчёт Вас, мистер Ли?"

Он улыбнулся, не отвечая на мой вопрос. Он просто сказал: "Неплохо", и закрыл глаза.

На мгновение его дыхание участилось, а затем полностью прекратилось. Я с тревогой посмотрел на него, зная, что могу что-то сделать, но мои руки связаны по приказу врача. Раньше я сталкивался с такими ситуациями, но это было нелегко. Я наблюдал за монитором после того, как его дыхание прекратилось. Его пульс ускорился до более чем 160 в течение нескольких секунд, а затем начал замедляться. Он замедлился до менее чем двадцати, и полностью прекратился, оставив на моей машине ЭКГ чередующуюся линию. Скольжение вскоре превратилось в плоскую линию. Мистер Ли был мертв.

Я закончил свою смену, не слишком много думая о мистере Ли с тех пор, как довёз его в больницу. Я сделал несколько звонков, съел жирный обед из фаст-фуда и отправился домой, в свою дешёвую квартиру в Южном Спокане. Дома я выпил несколько бутылок пива, пока смотрел фильм на НВО. Затем я лёг спать, ожидая очередную двенадцатичасовую смену на следующий день.

Глава 1. Часть 3.

Меня разбудила музыка, грохот из радиочасов. Это была песня "Heat of the Moment" группы Asia. Я сразу понял, что это было странно. Моё радио всегда было настроено на современную музыкальную станцию, которая играла Matchbox 20, Alanis, Goo Goo Dolls и других современных музыкантов. С детства не слышал "Heat of the Moment". Не помню, чтобы настраивал радио на классическую рок-станцию, и, поскольку я жил один, никто другой не мог этого сделать. Я открыл глаза и застыл.

Это была не моя спальня, по крайней мере, не знакомая спальня моей квартиры. Это была спальня в доме моих родителей в Западном Спокане, но всё же она выглядела иначе. Я навещал их на прошлой неделе, и знал, что моя старая спальня давно превратилась в гостевую, с новым ковром, новой кроватью и новыми обоями.

Эта комната была такой же, как когда я жил там: с деревянными панелями (мои родители сделали их еще в 70-х) и плакатами рок-музыкантов на стенах. Мой старый стереофонический 8-трековый плеер стоял на полке рядом с чёрно-белым телевизором. Грязные выщи были разбросаны повсюду, вместе с обложками альбомов (Van Halen, Journey, Led Zepplin) и другим мусором. Я смотрел на это всё с широко раскрытыми глазами.

Это сон? Должно быть, подумал я. Но это точно не казалось сном. Я внезапно сел и понял, что чувствую себя очень

сильным и энергичным. Не было боли в нижней части спины, как обычно. Не было перегруженности в горле от большого количества сигарет. Не было никакой слабой головной боли от пива, что я выпил прошлой ночью.

Как я понял, у меня даже был утренний стояк – что-то, что я редко испытывал. Я опустил глаза вниз и охнул. Моя голая грудь была безволосой, будто недавно выбритой. Живот был плоским, без следа пивного животика, который уже начинал у меня появляться. Что, чёрт возьми, здесь происходит?

Я встал с кровати, чувствуя себя одурманенным энергией, о которой я давно забыл. За моей кроватью было зеркало с эмблемой Aerosmith, выгравированной на нем. Я вспомнил, что выиграл её на ярмарке, когда мне было тринадцать (часть моего разума закричала: это было девятнадцать лет назад!). Я посмотрел в зеркало. Вместо лица с неряшливой бородой и бледными красными глазами я увидел гладкое лицо без морщин, с запутанными длинными волосами на макушке. Я едва узнал человека передо мной. Это был я, когда был подростком.

Застыв, я смотрел на себя (и всё же не совсем на себя). Что, чёрт побери, здесь происходит? Это не сон, я даже не мог убедить себя в этом. Реальность вокруг меня была слишком явной, слишком подробной. Сначала я вспомнил старого китайца с прошлой ночи. Он спросил: "Какое твоё самое большое желание?", и я сказал ему, что хотел снова быть пятнадцатилетним, зная всё, что знаю сейчас. Хорошо, я смот-

рел на лицо пятнадцатилетнего в зеркале прямо сейчас. Но это безумие, это невозможно. Желания не исполняются. Путешествия во времени было невозможно. Не так ли?

Стук в дверь заставил меня подпрыгнуть к потолку.

"Билл?", – донёлся мамин голос. – "Ты уже встал? Давай уже, собирайся в школу."

Школа? "О мой Бог", – пробормотал я, глядя на дверь.

"Билл?", – дверь скрипнула и я увидел свою мать, но не такой, какой я видел её на прошлой неделе. Скорее такой, какой я её в последний раз видел около семнадцати лет назад. У её светлых волос не было и следа серого, лицо было без морщин. У неё было около 10 килограмм лишнего веса, период, который она пережила, когда был подростком. Позже она потеряла все лишние килограммы. Её глаза закрылись, и я понял, что стоял посреди комнаты в нижнем белье.

"Билл, что ты делаешь?", – спросила она, подозрительно глядя на меня. Конечно же она сразу подумала о наркотиках.

"Э-э...", – оглянулся, мои мысли путались. – "Эм... ничего, мама, просто пытаюсь, ну, проснуться".

Кажется, это немного её утешило. "Оу", – сказала она. – "Ну, поторопись, а то опоздаешь в школу. Трейси сейчас выйдет из душа".

"Трейси?", – удивлённо спросил я. – "То есть, Трейси, моя сестра?"

Взгляд, которым она на меня посмотрела, при других обстоятельствах показался бы очень смешным. "Да", – осто-

рожно сказала она. Её глаза говорили, что она опять забеспокоилась насчёт наркотиков. – "Как много Трейси ещё живет в доме, Билл?"

"Извини", – ответил я машинально, полный восторга. – "Всё ещё не проснулся."

Она с сомнением кивнула и, кинув последний беспокойный взгляд, закрыла дверь.

Трейси!, – подумал я с сомнением. Трейси, моя старшая сестра. Она умерла в ночь своего выпускного, когда машина, на которой она ехала, пилотируемая пьяным учеником, погрузилась в реку Спокан. Трейси, вместе с другой девушкой-подростком, утонула, прежде чем она смогла вытащить себя из затонувшей машины. Трейси была жива!

Глава 1. Часть 4.

Я сел на кровать, и мой разум перешёл в состояние перегрузки. Часть меня отказывалась верить тому, что говорили мне глаза: что я был подростком в начале 80-х годов, а не 32-летним фельдшером в конце 90-х, что моей матери сейчас чуть больше 30-ти, и что моя мертвая сестра только что освободила мне душ, а не лежит в запечатанном гробу на кладбище.

Но холодная, логическая часть меня была вынуждена принять обстоятельства. Я снова подросток. Должен ли я теперь жить следующие семнадцать лет? Могу ли я изменить ситуацию? Неужели я застряну здесь? Мне нужно было учесть множество последствий. А что насчет Бекки, моей четырех-

летней дочери? Что с ней? Она ещё не существовала. Если бы я могу изменить ситуацию, и я сделаю это, Бекки, возможно, никогда не будет жить. Это было глубокое, очень глубокое дерьмо.

Я всё ещё сидел, погруженный в мысли, когда дверь снова открылась и я увидел своего отца. Как и моя мать, отец выглядел значительно моложе, чем я привык. Он был одет в брюки и свитер, очевидно, собираясь в школу, где он преподавал (преподаёт, точнее) восьмому классу английский язык и физкультуру. Он посмотрел на меня сверху-вниз, видимо, по совету обеспокоенной мамы (помню, мама всегда переживала, что я мог подсесть на наркотики).

Спустя некоторое время, он спросил: "Ты в школу сегодня собираешься?"

Я посмотрел на него на мгновение. Это было так странно. Я не мог серьёзно относиться к родительскому контролю, так долго я был без него, но мой отец этого не понимал. Наконец я ответил: "Да, пап. Уже собираюсь в душ."

Он кивнул, собираясь что-то сказать, но передумал. Он закрыл за собой дверь.

Перерывая свой комод и вытаскивая одежду, я удивлялся своим вкусам. Казалось, мне нечего надеть, кроме пары джинс, свитеров и футболок с эмблемами рок-групп. Какая была погода? Это было лето, весна, осень или зима? Должен ли я надеть майку с эмблемой рок-группы или свитер с эмблемой рок-группы? Выглянув в окно, я понял, что сейчас

зима. На земле лежит снег, а над головой серые облака. Я нашёл халат (мой старый красный халат!) в шкафу, натянул его на себя, открыл дверь и направился к ванной, чтобы принять душ

Когда я шёл мимо комнаты сестры, я заглянул туда, и увидел её. Семнадцать лет или около того, в паре джинс и в модном свитере. Она села перед зеркалом, расчесывая мокрые волосы. Она равнодушно взглянула на меня и начала поворачиваться обратно к зеркалу, но остановилась, заметив, что я смотрю на нее.

"Чего тебе, придурок?" – спросила она. Её голос был наполнен презрением, что ознаменовало наши подростковые годы. Презрение, о котором я жалел после её смерти.

Я вошёл в её комнату, от чего она свирепо посмотрела на меня, но мне было всё равно. "Трейси? Боже, я так рад видеть тебя."

Она выглядела совершенно враждебно, когда я шагнул вперёд и обнял ее. Она застыла в тревоге и замешательстве.

"Что, блять, с тобой не так?!", – огрызнулась она, отталкивая меня.

Я был настолько счастлив снова видеть её, что на мои глаза навернулись слёзы. На мгновение я потерял дар речи.

Она посмотрела на меня, отвращение читалось в её глазах. "Ты плачешь? Какого хера?! Выметайся из моей комнаты, придурок!"

"Трейси", – серьёзно заявил я, – "Мы с тобой сейчас сядем

и поговорим".

"Что?", – спросила она с удивлением.

"Об этом потом", – сказал я, и затем спросил, – "Какая сегодня дата?"

"Хм?"

"Дата", – повторил я. – "Ну, ты знаешь, день, месяц... год?"

Она пялилась на меня, не отвечая.

"Я серьёзно, Трейси, и я всё тебе потом объясню. Какая сегодня дата?"

"18 февраля", – сказала она наконец. – "Среда."

Я быстро облизал свои губы. "А год?"

"Что ты..."

"Просто скажи мне грёбаный год, Трейси!", – скомандовал я, от чего она даже подпрыгнула.

"1982", – ответила она. – "Почему ты это вообще спрашиваешь?"

В уме я сделал небольшие подсчёты. Я родился 10 февраля 1967 года. Мне исполнилось пятнадцать лет, но с мудростью (как это было) 32-летнего, который уже пережил будущее. Трейси было семнадцать. В июне 1983 года она окончит школу и умрёт той ночью. Это даёт мне полтора года, чтобы спасти ей жизнь. Я поклялся, что если ничего не поменяется, я бы изменил это. Я скорее сам застрелю этого пьяного ученика, прежде чем позволю ему вести мою сестру.

"Неважно", – сказал я ей. – "Объясню всё потом. Был рад

увидеть тебя, Трейси. Я люблю тебя."

"Уёбывай отсюда, ёбанный извращенец!", – закричала она.

"И ты тоже меня любишь", – ответил я, выходя из её комнаты и направляясь в душ.

Глава 1. Часть 5.

Когда я закончил принимать душ, мой разум принял все факты. Мне пятнадцать, это 1982 год, и мне предстояло снова прожить следующие семнадцать лет. Что мне делать? Что бы я изменил? Сколько ошибок прошлого я бы мог исправить? Могу ли я сказать кому-нибудь? Поверили бы мне? А как насчёт Бекки? Мысли о будущей дочери застряли в моей голове. Уже слишком поздно? Конечно, я бы не смог пережить ещё два года с этой сукой, её матерью. Смог бы я?

Оставив мысли о Бекки в стороне, я был очень рад, когда пришёл на кухню и сел за стол с миской хлопьев. Трейси уже была там, подозрительно глядя на меня, но ничего не сказала. Мой отец, как обычно, ел английские булочки и читал газету. Быстрый взгляд на неё убедил меня, что дата, которую назвала Трейси, была верной. Я посмотрел заголовки, напечатанные на обратной стороне бумаги.

УЧЕНЫЕ ГОВОРЯТ, ЧТО ПАРАД ПЛАНЕТ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ НИКАКОЙ ОПАСНОСТИ, прочитал я первый заголовок. О, да. Все планеты должны были встать в ряд в этом году, и это побудило многих предсказывать, что комбинированное гравитационное притяжение будет разрывать-

ся, или вызовет землетрясения, или ещё какая бессмыслица. Очевидно, ничего не случилось. А TAND T ТВОРЯТ ЧУДЕСА, ЧТО БУДЕТ ДАЛЬШЕ?, прочитал я другой заголовок. Я улыбнулся, думая, что могу рассказать им кое-что о том, что будет дальше. ЭКОНОМИСТЫ ЗАЯВЛЯЮТ, ЧТО РЕЙГАНОМИКА РАБОТАЕТ, ещё одно заявление. И это продолжалось бы ещё около двух лет, пока вся экономика не остановилась бы, сигнализируя о начале следующей Великой Депрессии или "рецессии", как это называют.

Я закончил свой завтрак и, после небольших поисков, нашёл рюкзак, в котором были все мои школьные книги и тетради. Если это и правда моё пятнадцатилетнее "я", то я точно знаю, что моя домашняя работа не выполнена, а задания не прочитаны, и я решил это исправить. Одна из вещей, о которых я сожалел позже в жизни, – это мои плохие оценки в старших классах, что не позволило мне попасть в лучший колледж. Насколько тяжело это будет сейчас?

Стук в дверь сигнализировал о прибытии Майка Мейчана, моего лучшего друга в школе. Майк был на год старше меня. Он научил меня курить марихуану, пить пиво, курить сигареты и прогуливать. Он вылетел из школы в одиннадцатом классе и несколько лет занимался мелкими подработками, прежде чем сдал свои экзамены и вступил в военно-воздушные силы, где в конечном итоге был уволен за марихуану. Я не общался с ним годами, в последний раз я слышал, что он всё ещё живёт со своими родителями. "Могу ли я на-

править Майка на другой путь? ", – подумал я, когда подошёл к двери и попрощался с семьёй.

Хотя я и ожидал этого, мне всё ещё было странно видеть его шестнадцатилетним.

"Чё как?", – промямлил он. Это была его версия "Как дела?".

"Ничё", – ответил я ему, стараясь не допустить ни малейшего намёка на поразительные изменения во мне. Я закрыл за собой дверь, и мы начали трёхкилометровую прогулку в нашу школу.

По пути я удивился незрелостью его разговора. Он сосредоточился на его фальшивых сексуальных подвигах с девушками, которых я никогда не встречал, на девушках в нашей школе, которых он хотел бы трахать, и других подростках. Я должен был напоминать себе, что мой разговор тогда был почти таким же, и теперь у меня было семнадцать лет зрелости над ним. Я кивнул и уместно ответил на его заявления. Он не заметил изменений во мне. В любом случае, я всегда был тихим.

Когда мы приблизились к школе, чувство нереальности снова нахлынуло на меня. Я видел людей, которых не видел годами. Но я видел их такими, какими они были тогда, а не такими, как мой разум говорил мне, что они должны выглядеть. Они шли в группах по два, три, иногда даже шесть человек. Как мальчики, так и девочки.

Я увидел Стива Йохана, который вступил в армию после

школы и был убит в результате крушения вертолета. Заметил Нину Блэкмор, худенькую, нервную, недружелюбную девушку, что пошла в медицинскую школу и работала врачом неотложной помощи в травматологическом центре Спокана. Она также стала прекрасно выглядеть в колледже, и в конечном итоге вышла замуж за богатого нейрохирурга. Увидел Кэрри Фаундер, одну из самых красивых девушек в школе, хихикающую с некоторыми из других "элит". Кэрри, насколько я знаю, выйдет замуж за неудачника, родит четырёх детей и в итоге разведётся. В течение этого времени она наберёт почти 45 килограмм. В конце концов, она станет жить в трейлерном парке с каким-то другим неудачником. Работая фельдшером, я забрал её с за передозировкой антидепрессантов и притворился, что я не знаю её. Я видел много других людей, о которых не вспоминал долгие годы, видел и другие лица, которые я узнавал, но имена так и не мог вспомнить.

Я бы солгал, если бы сказал, что не отвлекался на девушек. Как и у многих мужчин, в моей голове было особое место, одержимое похотливыми мыслями о подростках. Об этом не могло идти и речи, это запрещено. Это было то, чего я никогда не делал и не пытался сделать раньше, зная, что риск того не стоит. Но похотливая часть моего разума заметила, что теперь всё изменилось, не так ли? Теперь я сам подросток! Теперь это законно!

Глава 1. Часть 6.

В средней школе я был застенчивым. Фаза, через кото-

рую я позже прошёл. Из-за этой застенчивости мне удалось впервые переспать только когда я был в выпускном классе (и, честно говоря, это было в конце года). Но я больше не застенчивый, да? Мои глаза начали осматривать толпу, оставаясь на худощавых фигурах пятнадцати, шестнадцати и семнадцатилетних девочек, их обтягивающих задницах и твердой груди. Я начал представлять все возможности, и мой пятнадцатилетний член зашевелился в джинсах. Хотя я намеревался сделать так много с той возможностью, что мне дали, но и немного повеселиться тоже не помешает, правда? Конечно нет.

Мои размышления были прерваны Майком. Когда мы подошли к школе, он дёрнул меня за руку, отталкивая назад. "Нам лучше пойти по другой стороне", – встревоженно сказал он. – "Ричард Жополиций и его приятели стоят там".

Я посмотрел, куда он указывает, и увидел настоящий призрак прошлого. Ричард Фэрвью был одним из многих хулиганов в нашей школе. В высоту он был около 180 сантиметров и примерно такой же тупой, как человек, который постоянно вспоминал, что нужно дышать каждые пару секунд. Он наводил ужас на всю школу. Когда он не избивал кого-либо забавы ради, он стоял у входа и отбирал деньги на обед у детей, достаточно глупых, чтобы приблизиться к нему. Обычно с ним таскались пять или шесть его дружков. Они все курили сигареты и смотрели на толпу в поисках новых жертв. Несколько раз он надирал и мою задницу. Я задумался, слу-

чилося ли это уже или ещё нет, так как не мог вспомнить точное время, когда произошли эти события.

У меня на лице появилась улыбка. В последующие семнадцать лет я многому научился, как психологии, так и физическому бою. Задиры, насколько я знал, в основном полагались на подчинение своих жертв. Они полагались на свой размер и запугивание, чтобы получить то, что они хотели. Очень немногие из них действительно знали, как драться. Я, однако, много лет провёл на работе, где физическое нападение со стороны пациентов или членов семьи пациента случалось практически ежедневно. Несмотря на то, что в школе я был немного слабым, жизнь научила меня кое-чему о рукопашном бое. Самое главное, я узнал, что удар кулаком – это больно, но не настолько.

"Да ладно, пошли", – улыбаясь сказал я Майку, направляясь прямо к Ричарду и его шайке.

"Ты обкуренный что ли?", – спросил Майк. – "Он же с друзьями. Я бы с радостью отпинал его задницу один на один, но его друзья сразу вступятся".

"Нет, не вступятся", – уверенно сказал я Майку. – "Просто наблюдай. Отойди и стой в стороне. Его друзья ничего не сделают".

"Билл?", – встревоженно сказал он, но я уже направился вперёд. Неохотно он последовал за мной. Должен отдать ему должное, он был верным другом, готовым поддержать меня перед этими шестью парнями.

"Поверь мне", – заверил я его. – "У Ричарда сейчас корона с головы упадёт".

Когда мы подошли к задирам, Ричард сам посмотрел на нас и шагнул вперёд, блокируя путь. Справа были велосипедные стойки с цепочкой. Слева от нас был забор по периметру школы. Это было тактическое преимущество Ричарда, блокирующее его жертву.

"Эй, Билли-пидрилла", – заявил он, впиваясь в меня своими серыми, тупыми глазами, – "Доллара не найдётся?"

Я уставился на него в ответ, едва сдерживая улыбку. "Да", – сказал я ему, и мой голос был наполнен насмешливым презрением. – "Но ты его не получишь".

Он шокированно посмотрел на меня, почти отступая от моей смелости. Я думаю, он бы ушёл прямо сейчас, если бы в тот конкретный момент не проходила группа девушек и, услышав мои слова, не остановилась, чтобы посмотреть, что произойдёт дальше.

"Ты что сказал, петушара ёбанный?", – неуверенно спросил он.

Мне пришлось искать в памяти подходящее заявление, которое было бы оскорбительным для школьного хулигана из восьмидесятых. Через мгновение я придумал такое.

"Я сказал, почему бы тебе не отсосать мой хуй, мудила? Если ты, конечно, не слишком устал после того, как всю ночь ебал свою мамку".

Его друзья, как и группа подростков, коллективно охнули.

"И ты позволишь ему говорить о тебе такое, Ричи?" – спросил один из них, подстрекая его.

"Ты труп, уёбок", – сказал Ричард, подходя ко мне. Его кулаки сжались и поднялись в псевдо-боксерской позе.

Я фыркнул от презрения, что снова почти остановило его. Он ударил правой, и это, вероятно, сломало бы мне нос. Но это не сработало. Я легко уклонился влево, позволяя кулаку пролететь по воздуху и повернуть его тело. Как только он отвернулся от меня, я шагнул вперёд и ударил правым локотём по его спине, настолько сильно, насколько мог. Твёрдый удар вытеснил воздух из его лёгких и он закричал испуганным, болезненным криком. Его руки мгновенно упали, и он несколько раз шагнул вперёд, держась за спину.

Я поднял правую ногу и медленно положил её на его задницу. От тяжелого удара ноги он упал в цепь велосипедных стоек, издавая характерный металлический звон. Он отскочил и приземлился на задницу с тупым выражением лица.

Его друзья застыли на месте, а девочки разразились приступом смеха, указывая на него. Как я и планировал, это разъярило его. Он вскочил на ноги, пытаясь схватить меня и повалить на землю. Но он так ничему и не научился от своей первой атаки. Он направил весь свой вес вперёд, и снова я легко уклонился. Когда он проходил, я ударил его по ноге. На секунду он принял горизонтальное положение, прежде чем рухнул на тротуар, почёсывая руки и колени.

Когда он попытался подняться на ноги, я поднял ногу впе-

рѐд и ударил его по лицу. Его нос сломался с характерным хрустом, вместе с несколькими зубами. Я отвѐл ногу в сторону наблюдал, как кровь с его лица начинает литься на землю. Он казался совершенно ошеломлённым и застыл на месте, поэтому я шагнул вперѐд и снова ударил ногой, на этот раз по грудной клетке. Я почувствовал, как наступил перелом рѐбер, и Ричи, наконец, рухнул на замеле.

Глава 1. Часть 7.

Я посмотрел на его друзей, которые уставились на меня, не веря тому, что произошло. Они могли бы избить меня до смерти менее чем за минуту, если бы хотели, но, как я понял, они не собирались этого делать. Я уставился на них, сделав на лице самое злое выражение, какое только мог. "Вы тоже получить хотите?", – жестко спросил я.

Никто из них не ответил. Они отвернули глаза от меня, уставившись в землю.

"Тогда уѐбывайте отсюда", – приказал я, и они мгновенно повиновались, быстро продвигаясь по пути ко входу в школу.

Я поднял глаза, чтобы увидеть выражение лица Майка, девушек и нескольких первоклашек, которые подошли. Первоклашки, вероятно, были бы следующими жертвами Ричарда, если бы я не предпринял никаких действий. Они смотрели на меня так, будто бы я Иисус Христос, сошедший прямо с креста.

Я застенчиво улыбнулся. "Никто из вас ничего не видел, да? ", – спросил я.

С земли доносился скулёж Ричарда. Он фыркал кровью из носа и рта, держась за бок. Все они посмотрели на него на мгновение, а затем снова на меня. Последовал хор из "Нет".

"И хорошо", – просто сказал я, направляясь ко входу. Я оглянулся на Майка, который всё ещё стоял неподвижно, смотря на Ричарда. "Ты идёшь?"

"Что?", – он почти подпрыгнул. – "А, да."

Мы вошли в школу, прогуливались по переполненным залам, слушая хлопки дверями шкафчика и отрывки тысячи разговоров.

"Это было охуительно!", – наконец сказал Майк, глядя на меня.

Я пожал плечами. "Да пустяки. Этот биомусор не умеет драться, они просто делают вид".

"Биомусор?", – озадаченно спросил Майк. – "Что такое биомусор?"

Упс. Я случайно использовал термин, который в 80-х годах вообще не использовался в школах. Небольшая ошибка, но я и так знал, что мне нужно следить за своим языком. Что, если я вдруг начну говорить о войне в Персидском заливе, об Интернете, или что-то ещё в этом роде?

"Э-э", – сказал я, – "Услышал что-то такое по НВО на днях в фильме про полицейских."

"А, окей", – сказал Майк. – "Биомусор. Круто звучит."

"Вот и я так подумал", – ответил ему я.

Наши шкафчики были рядом друг с другом, это я помнил.

Замок свисал с ручки: стандартный, школьный замок. Майк начал крутить циферблат, а я уставился на свой.

"Что-то не так?", – спросил Майк, смотря на меня.

Я взглянул на него. "Слушай, ты случайно...", – медленно начал я, – "...не помнишь, какая у меня комбинация?"

"Что?", – спросил он, таращась на меня.

Я снова запнулся. По его лицу я видел, что он начал замечать изменения во мне.

"Эм", – сказал я, – "Что-то я заглянул, не могу вспомнить комбинацию".

"Заглянул?", – спросил он, смеясь. – "Да ты сегодня прямо блещешь словечками. Это тоже из того фильма?"

Я понял, что использовал другой анахроничный термин. Господи, становилось всё сложнее. Мне действительно нужно следить за тем, что я говорю.

"Да.", – я кивнул. – "Это был довольно смешной фильм".

"Как он называется?", – спросил он, открывая свой шкафчик и доставая оттуда несколько книг.

"Я забыл", – ответил я. – "«Смертельное оружие» или что-то такое. Так что, ты скажешь комбинацию или как?"

"Да", – сказал он. – "Помнишь, ты назвал мне её, чтобы я мог положить в твой шкафчик траву?"

"О да", – сказал я, вспоминая, что Майк, который продавал косяки по два доллара за штуку, иногда хранил свою записку в моём шкафчике.

"Короче, это 34-13-23."

"Спасибо", – с благодарностью сказал я, начав крутить циферблат. – "Теперь вспомнил."

"Глюк прошёл", – хихикнул он. – "Свидимся ещё."

Майк уже скрылся из виду в проходящих толпах детей, прежде чем я понял, что понятия не имею, в какой класс должен идти. Я стоял рядом со своим шкафчиком, смотрел, как опустошаются коридоры передо мной и отчаянно пытался думать. Какое было у меня расписание в десятом классе? Это бесполезно. Даже учебники не помогли вспомнить. В конце концов, прошло семнадцать лет. Эта информация давно была стёрта из моей памяти.

Пока я все ещё пытался вспомнить, появилась Трейси в сопровождении своей лучшей подруги, Синди Кендалл. Когда Трейси проходила мимо, она посмотрела на меня странным, подозревающим взглядом. Синди, если на то пошло, была симпатичной блондинкой, на образ которой я мастурбировал много раз в подростковом возрасте. Я вспомнил, как однажды она оставалась у нас на ночь. Тогда беглым взглядом я заметил белые трусики Синди, когда она вставала с дивана, одетая в ночную рубашку. Помню, я был одержим полусекундной вспышкой этих трусиков. В течение нескольких месяцев я не мог мастурбировать на что-то ещё. Это уже произошло? Я не знал.

Глава 1. Часть 8.

"Трейси!", – крикнул я, когда она прошла мимо. – "Подойди сюда на секундочку."

Она колебалась, явно не желая, чтобы её видели в компании младшего брата. Но, наконец, она подошла. Синди осталась стоять на расстоянии, наблюдая за нами.

"Что с тобой происходит сегодня?", – спросила она, оглядываясь. – "Утром ты вёл себя странно, а сейчас я узнаю, что ты подрался с Ричардом Фэрвью. И что ты надрал ему задницу. Это правда?"

"Да", – сказал я рассеяно. – "Но слушай, мне нужно..."

"Что значит «да»? ", – прошипела она. – "Ему скорую вызвали! Говорят, он совсем плох. Ты сделал это с ним?"

"Типа того", – подтвердил я. – "Но Трейси, мне нужно..."

"«Типа того»?!", – сказала она. – "Ричард Фэрвью в два раза больше тебя. Как, чёрт возьми, ты..."

"Трейс, завали ебало хоть на секунду", – скомандовал я.

Она удивлённо моргнула.

"Слушай", – сказал я ей, – "Нам нужно сесть и поговорить кое о чём. О чём-то, что, наверное, будет самой важной вещью, что ты когда-либо слышала".

Я пристально посмотрел на неё, зная, что на моём лице сейчас выражение взрослого человека. "Я изменился. Очень изменился. И я расскажу тебе об этом сегодня вечером".

"О чём ты говоришь?", – спросила она с широко открытыми глазами.

"Вечером", – пообещал я. – "Но сейчас мне нужно, чтобы ты сказала моё расписание."

"Твоё расписание?", – переспросила она, поднимая бровь.

"Да", – кивнул я. – "Моя неспособность вспомнить это – часть того, о чём я должен рассказать тебе сегодня вечером. А пока скажи, куда, чёрт возьми, я должен идти?"

Она на мгновение посмотрела на меня с подозрением, смятением, страхом и трепетом. Наконец, она начала говорить.

"Первым уроком у тебя математика..."

Она не смогла назвать мне номера кабинетов или что-то ещё, но она смогла дать достаточно информации, чтобы я мог пережить этот день. Я пришёл в класс алгебры вместе со звонком. На мгновение я запаниковал, когда оглядел кабинет, увидел всех учеников за их партами и учителя за письменным столом, что открыл классный журнал. Где, чёрт возьми, моя парта? Действительно ли это мой урок?

Учитель, темнокожий человек средних лет, поднял глаза, чтобы посмотреть на меня. Я даже не мог вспомнить его имя. Что-то арабское, кажется.

"Не могли бы Вы занять своё место, мистер Стивенс?", – спросил он мягко.

"Эм, конечно", – пробормотал я, направляясь к первой пустой парте. Я словил несколько странных взглядов от учителя и одноклассников, и это дало мне понять, что я выбрал неправильное место. Но никто ничего не сказал.

Спустя минуту, начался урок.

Я просидел всю алгебру, не понимая, о чём, чёрт возьми, говорит учитель (которого, как я понял, звали мистер Ар-

хед). Из-за высоких баллов на тестах, я всегда был на подготовительных курсах к колледжу. Я всегда хорошо отвечал на тестах по общим знаниям. Таким образом меня и записали на курсы, большую часть которых я сидел обкуренный, и получал от достаточно знаний, чтобы сдать хотя бы на "тройку". Алгебра не была чем-то, что я использовал каждый день в своей жизни, особенно в последние десять лет. Я безнадежно запутался в лекции мистера Акхеда.

С другой стороны, вторым уроком была история Америки. В прошлой жизни (как я уже думал о ней) у меня была половина степени бакалавра по истории. Эта тема всегда меня интересовала. Совершенно бесполезная степень, согласен, но обладание ею в сочетании с постоянным чтением по этой теме, которым я занимался на протяжении всей моей жизни, делало меня равным (или, может, даже лучше?) учительнице, когда она читала лекцию о причинах Гражданской Войны. Лекция показалась мне наивной и скучной, наполненной базовой информацией, что была уменьшена для удобства усвоения школьниками. Она давала информацию в чёрно-белых тонах, не касаясь одного спорного вопроса того времени. Об этом о мы много говорили уже в колледже. Странно, до тех пор, пока я не услышал эту лекцию, я никогда не понимал, насколько мы были запутаны и запрограммированы в школе.

Третий урок – анатомия человека и физиология. Это было немного скучно по нескольким причинам. Во-первых, это

был ещё один предмет, в котором я был достаточно осведомлён, так как был вынужден изучать его на уровне врача, чтобы получить квалификацию фельдшера. Информация не была уменьшена для школьников, хотя это и было несколько более упрощенно, чем то, чему меня учили. Вторая причина – учительница, миссис Крукшанк. Она была очень привлекательной женщиной около двадцати лет, наверное, только недавно выпустилась из колледжа. Я вспомнил, что она участвовала в нескольких моих эротических фантазиях во время мастурбации, и была частой темой для обсуждения среди моих сверстников, когда речь шла об учителях, которых мы хотели бы трахнуть. Когда она читала лекцию о системе кровообращения, я смотрел, как её тело перемещается назад и вперед к доске. Наблюдал за её задницей под брючным костюмом, который она носила, и как её сиськи подпрыгивали под свитером. Я же старше её, но в то же время и нет.

Глава 1. Часть 9.

"Уже несколько дней мы обсуждаем систему кровообращения", – сказала в какой-то момент учительница. – "Может кто-нибудь описать мне полный маршрут, который клетка крови проходит через эту систему?"

Очевидно, она ожидала, что никто не поднимет руки. Это был почти что риторический вопрос. Её ожидали только пустые взгляды 30 или около того учеников, пока я, решив немного повеселиться, не поднял руку.

"Да, Билли?", – выпалила она. – "Тебе нужно в туалет?"

Я застенчиво улыбнулся ей. Я знал, что она ничего не ждёт от меня, я завалил её предмет.

"Нет", – ответил я ей. – "Я собирался ответить на Ваш вопрос."

Её брови поднялись. "Ты знаешь маршрут, по которому проходит клетка через систему кровообращения?"

Класс смотрел на меня, очевидно, ожидая, что я сейчас что-нибудь пошучу, хотя я даже не был замечен в таком поведении раньше.

"Думаю, да", – мягко ответил я.

Она снисходительно улыбнулась. "Так рассказывай."

"Хорошо", – начал я. – "Почему бы нам не начать с того, как кислородсодержащая клетка покидает сердце? Это хорошее начало?"

Она подняла брови выше. "Конечно", – наконец сказала она.

Я кивнул. "Хорошо, кислородсодержащая клетка будет перекачиваться из левого желудочка через аортальный клапан в аорту, что затем будет входить в нисходящую и восходящую аорты. Конечно, в этот момент она может отправиться в коронарные артерии, но обсуждения ради предположим, что это не так.

Из аорты клетка будет перекачиваться через артерии в артериолы и, наконец, в капиллярное русло где-нибудь, где она затем отдаст свою молекулу кислорода клетке и возьмёт молекулу углекислого газа для транспортировки обратно в лег-

кие. В момент переноса капилляры станут живыми. Клетка будет проходить через них в вены, в конечном итоге пробираясь к верхней или нижней полой вене, в зависимости от того, какую часть тела она насыщала кислородом."

Миссис Крукшанк была явно в шоке, словно увидела, как обезьяна вдруг начала говорить. "Продолжай", – ошеломлённо сказала она.

Я кивнул. "Полая вена приводит, конечно, к сердцу, в частности, к правому предсердию. Клетка попадает в правое предсердие, а затем в правый желудочек. Оттуда клетка будет идти через легочный клапан в легочную артерию, которая, кстати, является единственной артерией в организме, несущей неоксигенированную кровь.

Лёгочная артерия перенесёт клетку в лёгочную капиллярную систему, куда она доставит свою молекулу CO_2 , которая затем будет выдыхаться лёгким, и возьмёт ещё одну молекулу кислорода из альвеол в лёгком. Оттуда теперь кислородсодержащая клетка проходит через лёгочную вену, единственную вену в теле, которая содержит кислородсодержащую кровь, к левым предсердиям. Левые предсердия будут перекачивать клетку в левый желудочек, и процесс начнётся заново", – я улыбнулся. – "Слышал, это занимает немного больше минуты."

Весь класс молчал, глядя на меня. Наконец, миссис Крукшанк заговорила:

"Всё так, Билли", – сказала она. – "Очень хорошо."

"Я читал немного об этом", – сказал я, опуская глаза обратно на парту.

Во время обеда стало очевидно, что я уже немного изменил историю. Пока я стоял в очереди, и пока искал пустое место, я заметил, что люди указывают и смотрят на меня. Когда я повернулся, чтобы посмотреть на них, они отвели глаза. Как я понял, повсюду уже распространились слухи о моей драке с Ричи. Люди, вероятно, были в недоумении. Я практически слышал их разговоры. "Он? Этот мелкий сопляк? Он надрал Ричи задницу? Отправил его в больницу? Как?! Он знает карате или что-то такое? Да точно знает!"

Я не возражал. Очевидно, слухи о драке не просочились в неправильные уши. Иначе, меня, вероятно, потянули бы в кабинет директора, чтобы поговорить с полицейскими. В конце концов, я нанёс ему тяжелые увечья. Не то, чтобы я особо беспокоился об этом. Неужели копы действительно поверят, что я мог бы сделать такое?

Наконец, кто-то подошёл, чтобы спросить меня об этом. Это был парень из группы любителей покурить травку. Группа, с которой я иногда тусовался, но никогда не был её частью. Я вспомнил, что иногда курил с парнем, который был младше меня, но я не мог вспомнить его имя. У него были длинные, неопрятные чёрные волосы и небольшие усики на губе. Интересно, знал ли он, насколько смешно это выглядело?

Он подошёл осторожно, словно я мог внезапно набросить-

ся на него.

"Чё как, чувак?", – спросил он.

Я пожал плечами. "Да никак. А ты что?"

"Ничего", – он сделал паузу. – "Слышал, ты сегодня по-
дрался с Ричи Фэрвью."

"Можно и так сказать", – согласился я.

"Слышал, его на скорой увезли."

"Не знал об этом", – ответил я. – "Думаю, на некоторое
время он оставит людей в покое."

Я улыбнулся. "И если он всё же решит вернуться к делу,
то теперь подумает дважды, кого пытается наебать."

Курильщик, имя которого я так и не мог вспомнить, ух-
мыльнулся. "Ты знаешь карате или типа того?"

Я потряс головой. "Не-а. Просто знаю немного о психоло-
гии и о жизни."

Его глаза расширились. "Клёво", – наконец сказал он. –
"Слушай, я, Райсин и Дебби собираемся смотаться отсюда
в дом Райсина. Дунем пару шишек, послушаем AC\DC. Хо-
чешь пойти с нами?"

У меня не было ни малейшего понятия, кто такой Рай-
син, но я знал, кто такая Дебби, даже без фамилии. Она была
симпатичной, хоть и неопрятной, рыжей девушкой, что бол-
талась с курильщиками. Она всегда держалась рядом с кем-
то, у кого была трава. Она постоянно висела на нём и флир-
товала с ним. Но, если я правильно помню, она очень редко
кому отдавалась.

Вежливым термином для неё было бы "динамо". Неважно, сколько раз не получалось затащить её в постель, на неё всё равно продолжали западать.

Думая о ней, мой член снова зашевелился в штанах. Конечно, она была старше меня, но я определённо был более опытным. Могу ли я её соблазнить? И даже если бы не получилось, меня привлекала сама идея покурить немного травы. Как фельдшер, я постоянно проходил тест на наркотики. За последние семь лет я не выкурил ни одного косяка.

"Я с вами", – сказал я ему, вставая и бросая остатки моего буррито в ближайшую мусорную корзину.

Глава 1. Часть 10.

Видимо, Райсин был тем, у кого были шишки. Я вспомнил его, когда увидел. Он был низкорослым блондином, который, как и многие низкорослые люди, использовал юмор в качестве своей защиты. И он был очень забавным. Мы забрались в его машину, Ford Falcon начала 70-х. Я и мой новый, ещё неназванный друг уместились на задних сидениях. Дебби сидела впереди вместе с Райсином, который выглядел очень уверенным в своих шансах.

Когда он выехал со школьной автостоянки, Дебби хихикнула. "Закуривай косяк, Райсин", – сказала она. – "Давай, меня так возбуждает трава!"

"Не могу, детка", – ответил Райсин, поворачивая за угол на почти суицидальной скорости. – "Ничего не накрутил. Просто угомони свои сиськи ненадолго. Нам нужно найти

бумагу."

Она притворно надулась, а я начал оценивать её. Она действительно выглядела довольно неплохо, для будущего "белого мусора", живущего в трейлере. Её рыжие волосы казались натуральными, а её сиськи – твердыми и дряблыми. Как требовал стиль восьмидесятых, на ней было слишком много макияжа. Но я чувствовал, что могу смириться с этим. Она была шестнадцатилетней девочкой, молодой и энергичной, несмотря на неряшливость. Я был полон решимости присутствовать ей. Я думал, что знаю как.

Райсин привёл свой Falcon на стоянку заправки и магазина. Он припарковался у самого дальнего угла.

"Значит так", – сказал Райсин мне и моему новому другу, – "Билл, сколько у тебя денег с собой?"

Я пожал плечами. "Около трёх баксов."

"Хорошо. Ты идёшь к прилавку и покупаешь батончик или что-то типа того. Лонни", – обратился он к моему теперь названному спутнику, – "Пока он отвлекает продавца, ты забираешь бумажки."

"Чувак, я ненавижу делать эту хуйню", – прохныкал Лонни. – "Почему бы нам просто не использовать рулон от туалетной бумаги или что-то ещё?"

"Я что, похож на ёбанного варвара?", – осведомился Райсин. – "Я отказываюсь курить из чего-то, что использовалось для хранения бумаги, которой я вытирал задницу. Просто достань ёбанную бумагу."

Лонни вышел из машины, всё ещё хныкая, и я вышел с ним.

"Почему мы не можем просто купить бумагу?", – спросил я, идя за ним.

"Потому что", – начал объяснять он, словно я был абсолютным идиотом, – "Её не продают детям."

"Насколько знаю, покупать бумагу не противозаконно", – ответил я. – "Дай я разберусь с этим."

Лонни засомневался, но он явно был согласен на всё, что не нанесло бы ему вреда. Я открыл дверь в магазин, зазвонил колокольчик. Продавец курил сигарету и смотрел маленький телевизор. Ему было около двадцати или около того, и он выглядел так, словно сам крутит косяки. Он подозрительно посмотрел на нас, когда мы вошли.

Я достал свои деньги, а затем достал с прилавка упакованную бумагу и положил её на стойку. Продавец посмотрел на это минуту, а затем посмотрел на меня.

"Сколько тебе лет, пацан?", – спросил он, выпуская дым.

"Пятнадцать", – ответил я.

"Ага. И что ты собираешься с этой бумагой делать? Дай угадаю, это для твоего отца?"

"Не-а, – просто сказал я, покачав головой, – "Это для меня и моих друзей. Видите ли, мы просто забили несколько убийственных шишек, и теперь мы хотим их выкурить. Для этого нужна бумага, как Вы знаете. Итак, сколько с меня?"

Продавец на мгновение уставился на меня, ничего не го-

воря.

"Да ладно", – резонно заметил я, – "Вы бы предпочли, чтобы мы попытались украсть их? Это было бы контрпродуктивным для всех заинтересованных сторон, не так ли? Мы не просим продать нам сигареты, только бумагу. Это же не контролируемые вещества, да?"

Я улыбнулся. "Ну же. Разве Вы не прогуливали школу, чтобы накуриться? Помогите молодому поколению сейчас".

Он опять посмотрел на меня, а затем начал хихикать. "Ёбанная классика", – сказал он, покачав головой. Он взял пакет зигзагов и передал нам. – "79 центов."

Я начал отдавать ему доллар и остановился, мои глаза смотрели на прилавок позади него.

"О, можно ещё три пачки этих резинок? Без смазки.", – я подмигнул ему. – "Думаю, я смогу найти им применение."

Он опять усмехнулся и взял презервативы, кинул их рядом с бумагой и пробил нам. Я заплатил ему, поблагодарил за качественное обслуживание клиентов, а затем мы отправились ко входу.

"Это было охуительно!", – заявил Лонни, когда мы шли по парковке. – "Просто охуительно!"

"Позволь мне рассказать тебе одну вещь, Лонни", – сказал я ему. – "Я понял, что ты намного большего достигнешь в жизни, используя именно этот подход, а не пытаясь обойти проблему. Имей это в виду».

"Клёво", – снова сказал он. – "Но зачем тебе резинки? Ты

что, надеешься завалить Дебби?"

"Никогда не знаешь", – ответил я. – "Лучше быть готовым к любой непредсказуемости".

"Непредска-что?"

"Забудь", – сказал я, открывая заднюю дверь. Презервативы были в моём заднем кармане. Бумагу я передал Райсину.

"Давай накуримся", – сказал я ему.

Глава 1. Часть 11.

Как я и думал, Дебби была пластилином в моих руках. Мы пришли в дом Райсина, который, на самом деле, оказался квартирой. Работая фельдшером, я часто приезжал по вызовам в квартиры. Обычно в них живут всякие безработные отбросы общества, что получают пособия. В каком-то роде, было странно находиться в таком месте. Дом выглядел так же, как и другие из моего прошлого/будущего.

Мама Райсина, мать-одиночка, проводила всё время на работе, что делало квартиру Райсина любимым местом прогульчиков, любящих покурить травку. Квартира оказалась чище, чем большинство из тех, в которых я бывал по вызову, но не сильно. В ней было две спальни, и повсюду были разбросанны тарелки. По-крайне мере, по полу не валялись вещи, да и не было следов тараканов. Всё место пропахло сигаретами и травой.

Райсин поставил альбом AC\DC, Highway to Hell, и прибавил громкости. Затем он скрутил большой косяк, зажёл и передал по кругу. Как и ожидалось, Дебби села рядом с ним

на диване и флиртовала. К тому времени, когда пошла только третья песня альбома, мы все уже изрядно накурились, и я, пожалуй, больше всех, потому что не курил очень давно.

"Разве Бон Скотт не лучший вокалист на всей ёбанной планете?", – спросил Райсин всю комнату.

Лонни с этим согласился, и даже Дебби согласилась, хотя лицу было видно, что ей глубоко плевать на Бон Скотта. Я попытался вспомнить, чем интересовались девочки-подростки 80-ых, и не вспомнил ничего.

Разговоры шли по комнате в течении нескольких минут, достаточно долго, чтобы меня потрясла их незрелость. Райсин и Лонни пытались изо всех сил завоевать благосклонность Дебби, но их попытки были в лучшем случае жалкими. Лонни говорил, сколько отжиманий он мог сделать. Райсин рассказывал, сколько пива он мог выпить, прежде чем его стошнит. Неужели и я когда-то был таким? Боюсь, что да. Неудивительно, что я оставался девственником до практически 18-ти лет. Пришло время немного оживить этот разговор.

"Ребята, вы когда-нибудь задумывались", – спросил я, – "как сильно религия испоганила наши взгляды на секс?"

Это заинтересовало их. Они смотрели на меня, думая, не шучу ли я сейчас.

"Что?", – спросила наконец Дебби.

"Задумайтесь над этим", – объяснил я, зная, что когда ты накурен, очень легко "задуматься" над чем-то, – "стремле-

ние размножаться – это, кроме еды и воды, одно из самых сильных желаний человека. Мы хотим заниматься сексом, нам нужно заниматься сексом, он запрограммирован в нас, в наши гены и хромосомы. Если какой-либо биологический вид не захочет заниматься сексом, который, в конце концов, предназначен для размножения, он не сможет увековечить себя."

"Увеко-что?", – спросил Лонни, слегка приоткрыв глаза.

"Вид не смог бы выжить", – перефразировал я. – "Если бы в нас не было запрограммировано желание заниматься сексом друг с другом, мы бы давно умерли. Желание заниматься сексом дано нам Богом, случаем или чем-то ещё, чтобы мы могли всегда выжить. Естественное побуждение, выполняющее основную функцию, правда?"

"Ага", – сказала Дебби с блестящими глазами. Лонни и Райсину тоже пришлось согласиться с моей логикой.

"Теперь мы все чувствуем эти желания. Лично я очень сильно их чувствую".

Я тщательно осматривал Дебби, когда говорил это. Она немного покраснела, но не отвернула глаз.

"Порой это единственное, о чём я могу думать. Это охуенно, на самом деле. По большей части, парни хотят поместить свой член в киску девушки. Девушки хотят, чтобы в их киску попал член. Правильно?"

"Ещё как, блять!", – заявил Лонни.

"О да", – согласился Райсин.

Дебби не стала комментировать, она просто хихикнула.

"И тут появляется религия, обсирающая всё", – продолжал я. – "Есть и другие социальные факторы, но религия больше всего. Вот у вас есть естественное желание – стремление к размножению. Это функция вашего тела. Но появляется религия и говорит, что это аморально. Она вынуждает людей чувствовать себя виноватыми в побуждениях, что появляются не по их собственной воле. Религия говорит, что секс – это неправильно. Что нельзя заниматься им до брака, а затем говорит, что в браке можно, но не ради удовольствия. Если ты получаешь удовольствие, то ты грешишь."

"Ага!", – вставил Лонни. – "Пиздец полный."

"И мало того", – продолжал я, внимательно наблюдая за Дебби. Она пристально смотрела на меня, – "религиозное влияние на протяжении всей нашей истории привело к принятию законов против определённых видов половых актов. Вы знаете, что в штате Вашингтон запрещено лизать киски?"

"Что?", – одновременно спросили Дебби и Лонни. Дебби немного покраснела.

"Ага."

Я кивнул, забирая косяк из пепельницы и делая ещё одну затяжку. Теперь я действительно вошёл во вкус.

"Более того, женщинам тоже нельзя сосать члены. В уголовном кодексе это называется "оральным совокуплением" и считается преступлением. Вот у нас есть занятие, которое люди любят делать друг с другом", – я сделал паузу, улыба-

ьясь Дебби. – "Лично я обожаю вылизывать хорошие киски. Это занятие, которое никому не вредит, разве что приносит много удовольствия. По крайней мере, когда я это делаю. Но, благодаря религиозным мудакам, это незаконно. Меня можно было бы арестовать за то, что я, например, вылизываю Дебби. И её можно арестовать за то, что он делает мне миссет."

"Да ты точно ещё никогда не лизал", – хихкнула Дебби. Её глаза заблестели.

Я посмотрел на неё многозначительным взглядом.

"Дебби, я специалист по вылизыванию кисок. Ставлю, что могу заставить тебя кончить меньше чем за десять минут, используя только свой язык на твоём великолепном теле."

Она нервно сглотнула. "Да ладно?"

"Да", – ответил я, хлопая по своим коленам. – "Иди сюда."

"Зачем?", – засомневалась она. Лонни и Райсин потеряли дар речи, наблюдая за развитием событий.

"Просто подойди сюда. Я покажу пример того, что мой язык может сделать с тобой", – сказал я ей. – "Если ты, конечно, не боишься, что потеряешь контроль."

"Ты говоришь очень смело, мальчик", – нервно сообщила она.

"Иди сюда", – прошептал я, похотливо смотря на неё. – "Я покажу тебе пример."

Глава 1. Часть 12.

Она колебалась, но любопытство взяло своё. Она встала и

подошла ко мне, и я снова похлопал себя по коленям.

"Садись", – сказал я, протягивая руку и касаясь её правой ноги. Её джинсы были обтягивающими. Достаточно обтягивающими, чтобы я почувствовал мышцы ноги под ними.

Она села на мои колени, повернувшись лицом. Её глаза застыли, глядя на меня.

"И что теперь?", – спросила она.

Я приблизился к ней и обхватил её лицо руками, чувствуя мягкую кожу её щек. Я потянул её к себе, прижимая её губы к своим. Она поддалась мне, раскрывая губы. Чувствуя, как её пухлые губы встречаются с моими, я мягко поцеловал её. Затем медленно двинул кончик своего языка вперёд, касаясь губ внутри, бегая по сторонам, пробуя мягкую мембрану и чувствуя, как мой язык потирает её верхние зубы.

На мгновение я отодвинул свой язык, а затем снова направился вперёд. На этот раз её язык выскочил навстречу. Я закрутил кончик своего языка с её, удивляясь, что целуюсь с шестнадцатилетней девочкой. Мой член моментально подскочил.

Я целовал её настолько хорошо, насколько мог, слегка по-сасывая её язык и губы, немного покусывая их. Это, конечно, далеко не то, к чему она привыкла. Я использовал свой язык как инструмент, пробуя её рот и возбуждая её. Она ещё сильнее приблизилась ко мне, забыв, что в комнате есть два других человека. Её грудь, одетая в свитер, прижалась к моей груди.

Я спускался поцелуями от щеки к шее, мягко лизал и по-сасывал её. Подвигаясь вверх, покусывал её мягкую кожу. Когда я добрался до мочки уха, я прикусил её, а затем мягко скользнул языком по подбородку. Я слегка подул на её ухо и начал шептать.

"Тебя когда-либо так целовали?", – спросил я.

"Нет", – простонала она, двигаясь руками по моей спине.

"Тебе нравится чувствовать мой язык на своей коже?"

"Да", – задыхалась она, вся дрожа.

"Представь, как этот язык и эти губы скользят по всему твоему прекрасному телу. Представь, как я прижимаюсь к твоим соскам, словно младенец. Представь, как я целую твой животик, твои ноги, облизываю пальцы и, наконец, добираюсь до места между твоими ногами и облизываю тебя там, пока ты не кончишь в мой рот."

"Оох", – простонала она.

"Ты этого хочешь, да?", – прошептал я ей на ухо. – "Ты хочешь кончить в рот, да? Кто-то раньше заставлял тебя кончать?"

"Нет", – она покачала головой, когда я снова пощипывал её мочку уха.

"Я могу", – сказал я ей. – "Могу заставить тебя кончать, пока ты не начнёшь умолять меня остановиться. Могу заставить тебя кончать, пока ты не закричишь. Ты хочешь, чтобы я это сделал?"

"О Боже", – прокричала она, достаточно громко, чтобы

двое других тоже слышали.

"Ты хочешь этого?", – повторил я.

"Оооох".

Она вся дрожала, её кожа покраснела.

Я провёл языком по шее, чувствуя её солёную кожу, начал дразнить тонкую кожу в области её горла. Я немного пососал её кожу и поднялся опять, чтобы поцеловать её. Её язык нетерпеливо искал мой, засасывая в свой рот немного грубее, чем мне нравилось, почти болезненно. Всё нормально. Я знал, что она моя.

Ещё сильнее я прижал её к себе сильнее, чувствуя, как её грудь впивается в мою. Твёрдая и молодая грудь. Мне инстинктивно захотелось отвести её в спальню. Но я не собирался этого делать. Я хотел, чтобы она сама просила, умоляла меня отвести её туда.

Я приложил губы к её уху и снова начал шептать.

"Ты возбуждаешься из-за моего рта, правда, Дебби?"

"Дааа!", – прошипела она, часто дыша. – "Я никогда... Оох..."

"Я так сильно возбудил тебя целуя только твоё лицо и шею", – прошептал я. – "Представь, что ещё я могу сделать. Я могу доставить тебе такое удовольствие, о котором ты никогда и не мечтала. Всё, что тебе нужно, это попросить меня. Попросить показать тебе."

"О Господи", – снова застонала она, обхватывая меня ещё сильнее. Она приближалась к полной потере контроля. Я

знал, что она теперь моя, и что, если я встану и поведу её в спальню, она пойдёт. Но я хотел, чтобы она просила меня.

"Просто попроси", – сказал я ей, снова покусывая ухо. – "Просто попроси меня показать тебе, и я это сделаю."

"Пожалуйста?", – быстро сказала она. – "Покажи мне. Ты должен показать мне!"

Я улыбнулся, прервав поцелуй. Я слегка хлопнул её по заднице, намекая, что она должна встать. Она сделала это, не обращая внимания на Райсина и Лонни, просто смотрела на меня стеклянными, похотливыми глазами. Я тоже встал.

"Эй, Райсин," – спросил я, улыбаясь, – "ты не против, если мы одолжим твою комнату ненадолго? Нам с Дебби нужно поговорить."

Он потерял дар речи и просто смотрел на меня. Хотя я этого и не хотел, но я заметил, что у него, наблюдая за нами, появился стояк

"Буду считать, что да," – сказал я, хватая Дебби за руку и ведя её туда. Она даже не оглянулась назад.

Глава 1. Часть 13.

Комната Райсина оказалась на удивительно чистой. Его постель не была застелена, но пол был свободен от грязных вещей и мелкого мусора. Я завёл Дебби внутрь, а затем закрыл дверь. Она защёлкнулась за полсекунды до того, как её губы впились в мои, а её язык пытался пробить мои миндалины. Она крепко прижала меня к себе, потирая свою промежность моей, виляя бёдрами по кругу.

"Боже", – сказала она, прерывая поцелуй и облизывая мою шею. – "Ещё никогда я не была настолько возбуждена. Поверить не могу, что я это делаю".

"Я так влияю на женщин", – сказал я, целуя её спину и направляя к кровати.

Мы сели на край постели и я снова поцеловал её, пробегая руками под её свитером. На мгновение я почувствовал её гладкий живот и чашки лифчика, прежде поднял свитер над её головой. Она подняла руки, чтобы я мог его снять. Я бросил свитер на пол рядом с кроватью.

Я начал целовать её гладкие плечи, пока мои руки скользили по спине, отыскивая её бюстгальтер. Быстрым движением пальцев я расстегнул застёжку, позволяя бюстгальтеру повиснуть. Я снял его и бросил на пол рядом с её свитером.

Я откинулся назад и мой взгляд остановился на её груди. Её сиськи были больше, чем я мог представить. Мне пришлось сдерживаться, чтобы не напасть на них. Её грудь была большой, как для подростка, твёрдой, не испорченной годами. Маленькие соски затвердели от возбуждения, кожа была немного бледнее, чем остальное тело. Шестнадцатилетние сиськи!

Она увидела мой взгляд и покраснела, прикрыв грудь руками. Очевидно, я смутил её.

Я осторожно потянулся к ней и отдернул её руки.

"Не прикрывай их", – тихо сказал я. – "Они прекрасны. Абсолютно прекрасны".

Она нервничала, ничего не говоря, лишь слегка хихикнула.

Я потянулся и мягко погладил её грудь пальцами, пробегая кончиками по всему периметру, чувствуя молодую упругую плоть, ощущая её вес. Она немного вздохнула, когда я это сделал. Она, вероятно, ожидала, что я схвачу их, как обычный подросток. Кончиками пальцев я обводил соски и слегка щёлкнул по ним, от чего вздрогнула.

Она задрожала, когда я наклонился вперёд и принялся покрывать поцелуями её обнажённое плечо. Языком я спускался вниз по её ключице, пока не наткнулся на грудь. Я посаживал и облизывал нежную кожу, время от времени мягко её покусывая. Её руки опустились на мой затылок, пытаюсь подтолкнуть меня к соску. Но я отказался.

Я процеловал свой путь по всей её правой груди, двигаясь сверху вниз, пробегая языком под грудью, наслаждаясь вкусом её молодой кожи, сводя её с ума и дразня, избегая соска. Наконец, я повторил весь этот процесс на левой груди. Затем я скользил языком между ними, чувствуя, как груди сжимают мои щеки по обе стороны. Она хныкала от желания, почти плача.

Наконец, я перешёл на правый сосок. Я щёлкнул по нему своим языком, пробуя на вкус и ощущая его текстуру. Она толкнула свою грудь вперёд, пытаюсь воткнуть её в мой рот, но я резко отстранился, разочаровывая её. Языком я скользил по её соску, от чего он набухал ещё сильнее. На-

конец, я взял его в рот и начал мягко посасывать, как это сделал бы младенец.

"Ооохх", – простонала она. Её пальцы бегали по моим волосам. Я толкнул её на кровать и приступил к делу.

Я работал над её сосками больше десяти минут, переходя от одного к другому, пробуя их, посасывая их, любя их, пока её бедра не начали двигаться вверх и вниз. Руками я потянулся вниз и снял с неё обувь, позволяя ей упасть на пол. Её носки пошли следом.

Оголив её ноги, я принялся целовать свой путь вниз, обращая особое внимание на её фаланги. Как я понял на тридцатом году своей жизни, фаланги – мощная эрогенная зона женщин, особенно если прикладываться к ним языком и ртом достаточно сильно. Когда я добрался до пояса её джинс, я поцеловал её живот, задвигая кончик языка под одежду.

Её животик сам по себе был произведением искусства. Он был гладким, как пресловутая попка младенца, без растяжек или любых других отметин времени. Я добрался до её пупка и немного подразнил его, вынуждая мышцы в этой части её тела сжаться. Затем я снова опустился вниз, до её джинс.

На ней были джинсы с пуговицами. Я потянулся и медленно расстегнул первую пуговицу, оголяя только намёк на низ её живота. Кожа была еще бледнее, чем у её груди. Я поцеловал место, которое мне открылось, и расстегнул вторую пуговицу, повторив процесс.

Когда я расстегнул третью пуговицу, открылась часть её

трусиков. Они сверкали белым, резко контрастировали с кожей. На секунду я схватил ткань зубами, оттягивая трусики от тела, прежде чем отпустил их. Когда я это сделал, я первые поймал её запах. Аромат подростка, свежий и душистый, лишь на мгновение коснулся меня. Но этого оказалось достаточно, чтобы заставить меня ускорить темп.

Глава 1. Часть 14.

Разорвав остальные пуговицы на её джинсах, я отделился от неё, встав на коленях у подножия кровати. Я положил руки на пояс её джинс и потянул к себе.

"Поднимай бёдра", – приказал я.

Она мгновенно повиновалась, явно желая, чтобы я продолжил то, что ей обещал. Я стянул джинсы вниз и, немного потрудившись, наконец-то снял плотный материал с её тела. Джинсы присоединились к свитеру и бюстгальтеру на полу, оставив Дебби лежащей передо мной в одних только белых трусиках.

Я взял паузу, чтобы снять свой свитер, оголившись по пояс. Она похотливо смотрела на меня, пока я это делал, её ноги извивались, не зная покоя. Безумно красивые ноги, гладкие, как шёлк, слегка загорелые. Глядя между ними, я заметил, что промежность её трусиков стала мокрой, слегка всасывая её киску. Мой рот наполнился слюной, когда я схватил её ноги и положил на свои плечи.

Я наклонился вперёд, хватая резинку на её трусиках. На этот раз она подняла бёдра без моих указаний. Сняв их, я

бросил на пол и вернул её ноги на свои плечи. Теперь я смотрел на её киску. Настоящая шестнадцатилетняя киска. Опухшие и привлекательные губы, клитор выглядывал из своего капюшона. Красновато-коричневые волосы густо росли сверху и редели возле губ. От её запаха, запаха возбуждённого подростка, у меня кружилась голова.

"Тебя раньше вылизывали?", – спросил её я, позволяя своему пальцу слегка скользить между её мокрыми губами, раздвигая их.

"Да", – задыхалась она, всё ещё дрожа. – "Один раз."

"Как это было?", – спросил я.

"Нормально", – ответила она. – "Пожалуйста, сделай это."

Я улыбнулся. "Нормально? Ты кончила?"

"Нет", – она покачала головой, а затем повторилась, – "Пожалуйста?"

"Тогда тебя просто лизнули", – сказал я ей, слегка вводя в неё палец, достаточно далеко, чтобы почувствовать, что она очень узкая. – "Готовься быть съеденной."

"Ооох", – простонала она, когда я направился вперёд.

Я лизнул между этими прекрасными губами, дегустируя её, чувствуя гладкие мембраны своим языком. Я исследовал её всю, лакал, как кот миску с молоком. Она застонала, когда я расставил её ноги шире. Я проводил руками вверх и вниз по её гладким бедрам, продолжая вылизывать её.

Её лобковые волосы щекотали моё лицо, когда посасывал каждую губу своим языком. Когда её бёдра начали вращать-

ся на кровати, я начал покалывать языком её клитор, вынуждая её визжать от восторга. Несколько раз я провёл языком по её клитору, а затем, наконец, взял его между губ и начал осторожно посасывать

"Оооох!", – прокричала она, – "Что ты?.. Оххх!"

Я начал всасывать клитор сильнее, быстро ударяя по нему своим закрученным языком, пока я это делал. Её бедра ритмично двигались вверх и вниз. Её сексуальные ноги обвивали мою спину, притягивая меня ближе.

"Ооо даа!", – надрывалась она, – "О да! О Боже!"

Вскоре её клитор втянулся обратно в капюшон, её бедра и волосы щлёпали меня по лицу. Мне стало трудно держать губы там, где они были, но я хорошо умел считывать ритм. Двумя пальцами я вошёл в неё, чувствуя, как они сжимаются внутри. Я почти кончил в штаны, когда почувствовал это напряжение. О, как же хорошо будет чувствовать свой член внутри неё.

Она кончила в мой рот с долгим, визжащим криком, её бедра практически бестолку хлестали меня, а затем, наконец, приостановились. Но я ещё не закончил. Отодвинувшись от неё, я продолжал трахать её пальцами. Я смотрел ей в глаза, когда это делал. У неё в глазах был безумный блеск; выражение, которое не должно было быть на её лице ещё примерно лет пять. Она задыхалась и лизала губы, её грудь вздымалась.

"Тебе нравится?", – спросил я её, входя пальцами. Её бёд-

ра снова подстраивались под ритм.

"Дааа!", – ответила она. – "О Боже, не думала, что..."

Она не смогла закончить фразу. Она просто закрыла глаза и продолжила насаживаться на мою руку.

Я улыбнулся и снова направил лицо к её промежности.

"Опять?!", – крикнула она. – "Ооо Боже!"

Хватило пары минут, чтобы она получила второй оргазм. Третий занял ещё меньше времени. Когда я отдёргнул лицо и встал, она выглядела практически обезумевшей.

"Готова, чтобы тебя трахнули?", – спросил я, расстёгивая свои джинсы.

"Оххх!", – застонала она, её глаза застыли на моей промежности.

"Отвечай мне," – сказал я ей, – "Ты готова, чтобы тебя трахнули?"

"Да!", – крикнула она, яростно кивая. – "О да!"

Я скинул обувь и носки, спустил штаны, ненадолго остановившись, чтобы вытащить из кармана презерватив. Я кинул презерватив на постель у её ног и спустил нижнее бельё, освобождая напряжённый пятнадцатилетний член. Он был не таким длинным и тостлым, какими стал потом, но Дебби, похоже, не возражала. Она раздвинула ноги шире.

"Давай!", – сказала она мне. – "Сделай это!"

Глава 1. Часть 15.

Я взял презерватив и разорвал упаковку, выкидывая её на пол. Я умело раскатал его по члену и немного дёрнул, убеж-

даясь, что он сидит правильно. Дебби смотрела на всё это с возбуждённым любопытством. Очевидно, она никогда не видела, чтобы кто-то до этого надевал резинку, хотя я был уверен, из-за отсутствия девственной плевы, что её уже трахали. Я понял. Подросткам похуй, они не думают о последствиях. Но я думал.

Я вернулся на кровать и лёг на неё сверху. Наши губы снова встретились, наши языки снова закружились. Её твердая грудь у моей груди, мои бёдра на её бёдрах. Схватив рукой свой член, я приложил головку к её влажным губам, подвигав немного вверх и вниз, смачивая презерватив.

"Сделай это!", – кричала Дебби, толкая свои бёдра вперёд.

Медленно я толкнул член вперёд, скользив головкой внутри неё. Она была очень узкой, туго сжимая меня внутри. Меня словно меня охватила рука, и я не мог двигаться дальше. Я вытащил член и снова толкнул его, с каждым разом продвигаясь всё дальше. Наконец, я полностью вошёл в самую узкую коробку, какую только можно было представить. Таким и должен быть секс.

Толкаясь, я чувствовал, как она прижимается ко мне, когда я скользил туда-сюда. Через несколько секунд она немного ослабла, позволив мне ускорить темп. Практичным ударами я двигался вперёд и назад, уверяясь, что каждым толчком я ударяю свою кость об её.

Она стонала и царапала мне спину ногтями, пока я её трахал. Её бедра поднимались и встречались с моими. Её кожа

сильно потела, наши тела скользили вместе, словно смазанные маслом. Она целовала мою шею и уши, её движения копировали то, что я делал с ней до этого.

Внезапно я встал на колени и положил её ноги на свои плечи, продолжая трахать её. Я мог смотреть на её прекрасное тело, смотреть, как мой член скользит в её щель, смотреть, как её потные сиськи подпрыгивают вперёд и назад, смотреть на её лицо, смотреть на восторг в её глазах.

Я гладил её ноги, целовал её лодыжки, а затем перешёл на эту прекрасную грудь, сжимая её немного грубее. С каждым разом я входил в неё всё грубее и грубее, вынуждая её визжать и стонать. Когда она снова кончила, она притянула меня к себе и засунула язык мне в рот.

Я был уже на грани, поэтому сделал последний рывок. Я трахался так сильно, как только мог, пот капал с моего лица, эта узкая киска охватывала меня и отпускала. Ощущение чистого удовольствия быстро распространялось от моего паха по всему телу.

Я сам начал стонать, потеряв контроль над своим ритмом, толкаясь яростно, словно животное. Удовольствие оргазма нахлынуло на меня, охватило меня, полностью забрало моё тело на неопределённый срок. Это было самое чистейшее удовольствие.

Господи, не могу вспомнить, когда в последний раз получал такой оргазм. По сравнению с этим, все остальные оргазмы в моей жизни ощущались как небольшие судорги. Раз

за разом я кончал внутри неё (внутри презерватива, точнее), продолжая толкаться, не упал на неё в изнеможении.

Мы быстро поцеловались и посмотрели друг другу в глаза. Её глаза были наполнены сомнениями и путаницей.

"Вау", – прошептала она наконец. – "Это было... это было охуенно. Просто охуенно."

Я улыбнулся, поцеловал её в нос и вытащил из неё член, чтобы презерватив не остался внутри её киске.

"Спасибо", – сказала она, прижимаясь к моей спине.

Она всё ещё смотрела на меня. "Это было как... не знаю", – покачала она головой.

"Как что?", – спросил я, снимая презерватив и аккуратно его стягивая, не проливая и капли.

"Как будто ты, не знаю, старше меня или типа того. Мне не казалось, что я трахаюсь с кем-то моложе меня."

Я пристально посмотрел на неё, держа между пальцами презерватив, и ухмыльнулся.

"Я просто мудрый не по годам, детка. Вот и всё."

Она посмотрела на меня с сомнением, когда я завязал презерватив в узел и встал.

"И что теперь?", – спросила она. – "Мы встречаемся или как?"

Глава 1. Часть 16.

Встречаемся? Я снова обратился к своей памяти, пытаюсь вспомнить, что этот термин за собой влечёт. Наконец я вспомнил. Это типа парень и девушка. Нельзя состоять в от-

ношениях ни с кем другим. Это, конечно, не то, чего я хотел.

"Нет", – сказал я ей. – "Мы просто два обкуренных друга, что захотели немного повеселиться. Вот и всё. Зачем всё усложнять?"

На её лице появилось облегчение. Она тоже не собиралась с кем-то «встречаться».

"Действительно", – ответила она и резко изменилась в лице. – "Но, видимо, я теперь надолго стану школьной шлюхой."

Она смотрела на то, как я подбирал свою одежду с пола. "Знаешь, это стоило того. Откуда ты научился, ну, знаешь, заниматься так любовью?"

"То тут, то там", – ответил я. – "Но знаешь, нет смысла для тебя быть школьной шлюхой. Я никому не расскажу о том, что мы делали."

Её улыбка казалась не по годам циничной.

"Конечно же ты не расскажешь", – ответила она. – "Никому не расскажешь, что ты тот, кто трахнул Дебби Уокер."

"Не расскажу", – сказал я, натягивая штаны. – "Зачем мне это делать? Чтобы вы, девочки, обсуждали, какой я сплетник? Как же я тогда смогу заполучить хоть какую-то киску? Ни одна девушка не будет трахаться с треплом. Но если у тебя репутация кто-то, кто может, несмотря ни на что, держать рот на замке... ну, а как ты думаешь я научился тому, что умею?"

На мгновение она показалась обнадёженной, она желала

поверить мне. Но потом покачала головой.

"Даже если ты будешь держать язык за зубами, в чём я сомневаюсь, Райсин и Лонни знают, что мы сделали. Они не будут молчать."

Я пожал плечами.

"Скажу им, что ты не дала мне. Что ты динамо и разрешила только поцеловать тебя и немного помять сиськи через свитер, но не больше. Они поверят."

"Ты правда скажешь им это?", – спросила она, глядя на меня так, будто я только что доказал ей, что Санта-Клаус и Пасхальный Кролик действительно существуют.

Я наклонился и слегка поцеловал её в губы.

"Конечно", – спокойно ответил ей я, – "Ты можешь мне в этом доверять. Действительно можешь. Обещаю. И тебе даже не нужно доверять мне. Просто скажи, что ты ничего, кроме поцелуев, не делала. Если я лгу и треплю всем, то разве тебе будет хуже от этого?"

"Наверное, ты прав", – ответила она, сомневаясь.

"Но сделай мне одолжение", – сказал я.

"Что?"

"Ну, я знаю, что теперь ты мне не веришь, но когда пройдёт несколько недель, и ты узнаешь, что я сдержал своё обещание, просто вспомни про меня в следующий раз, когда ты немножечко возбудишься. Я могу быть очень беспристрастным."

"Беспристрастным?", – спросила она.

"Забудь", – сказал я, натягивая свитер. – "Просто не забывай обо мне. И если ты как-то раз с подругами будешь обсуждать секс, и если одна из них случайно выразит разочарование, что она не может потрахаться без того, чтобы об этом узнала вся школа," – я улыбнулся, – "Может быть, ты бы могла упомянуть им моё имя. Если ты понимаешь, о чём я."

Она пару секунд смотрела на меня, а затем начала хихикать.

"Ты уверен, что тебе пятнадцать?"

"Да", – кивнул я. – "Лучшее время в твоей жизни, Дебби. Поверь мне."

Глава 2. Часть 1.

Райсин высадил меня у дома около 14:30. Это примерно на полчаса раньше, чем я должен был вернуться со школы, но я знал, что мои родители всё ещё на работе. Дебби уже подбросили домой. Она шла немного странно, когда направлялась к своей входной двери. Мы все смотрели на её задницу, когда она уходила. Как только она оказалась вне зоны слышимости, начался допрос.

"Как она?", – спросил Лонни, почти смутившись от волнения. – "Чел, я блять поверить не могу, что ты завалил Дебби."

"Ага", – сказал Райсин с усмешкой. – "Вот шлюха. Скоро все узнают об этой хуйне!"

"Нахуй эту суку", – проворчал я, опустившись на сиденье. – "Она мне не дала."

"Что?", – спросили они в унисон.

"Но мы слышали вас", – запротестовал Райсин, – "Она стояла как ёбанный грузовой поезд."

Я покачал головой. "Она хорошая актриса", – сказал я им. – "Она разрешила только немного помазать её сиськи через свитер. Только я пытался запустить под него руку, она была по ней."

"Ты её не трахнул?" – спросил Лонни, подавленный. – "Что ты там делал всё это время?"

"Да просто целовались", – сказал я. – "Поверь, я пытался, но в эту суку войти сложнее, чем в Форт-Нокс."

Они недоумевающе посмотрели на меня. Правило мальчиков-подростков, конечно, состоит в том, что даже если ты её не трахнул, ты всё равно говоришь, что ты это сделал. Я практически мог видеть, как колёса иррациональной логики поворачиваются в их головах. Если я сказал, что не трахнул её, когда запросто мог это заявить, значит, я, скорее всего, даже не приблизился к ней.

Мысль, что я всё же трахнул её и держал это в секрете, была настолько чужда их концепции, что они могли запросто игнорировать все доказательства перед ними и сделать вывод, который я хотел, чтобы они сделали. Они, наверное, даже подумали, что я врал насчёт её сисек, поскольку хоть какое-то приукрашивание было обязательным.

"Хуёво, чел", – сказал Лонни. – "Думал, хоть кто-то наконец завалит эту суку."

"Не-а", – ответил я. – "Всё по-старому. И почему мы вообще пытаемся?"

"Однажды", – драматично поклялся Райсин, словно Скарлет О'Хара, заявляющая, что она больше никогда не будет голодать, – "Эта сука сдастся."

Они выразили мне своё грустное прощание, когда я вышел из машины. Falcon пронёсся по моей улице, изрыгая огромные облака чёрного, вонючего дыма из выхлопной трубы. Когда они исчезли, я вздохнул с таким удовлетворени-

ем, которое может выразить только человек, который недавно потрахался. Я направился в дом, думая, что вернуться в свои 15 – это неплохо. Я выбрал хорошее желание.

Я был потрясён тем, что обнаружил внутри. Когда дверь открылась, до моих ушей дошла рок-музыка, орущая на полной громкости. Запах марихуаны ударил мне в нос.

Трейси сидела на диване вместе с Синди и футболистом из школы. Я понял, что это был парень Синди, хотя я не мог вспомнить его имя. Синди и футболист целовались друг с другом в пылающей страсти, а Трейси перелистывала подростковый журнал и притворялась, что игнорирует происходящее.

Пластиковый бонг стоял на журнальном столике рядом с бумажной тарелкой и шишкой на ней. Ещё рядом стояли банки Пепси и пакет чипсов. От бонга сверху всё ещё шёл дым.

Они даже не слышали, как я зашёл в дом. Я вспомнил, что Трейси досталось за нечто подобное во время старшей школы, когда моя мать неожиданно вернулась с работы и увидела такую сцену. Боже, моя сестра тоже была тупым подростком.

Я вытащил провод из стереосистемы, вынуждая музыку затихнуть. Три человека на диване резко дёрнулись, запаниковав. Синди и её парень так быстро отодвинулись друг от друга, словно они обожглись. Парень Синди схватил траву на столе. Все остановились, увидев, что это я. Они немного расслабились.

"Ты нас до смерти напугал!" – крикнула на меня Трейси.
– "Мелкий ты мудила! Какого хуя ты сейчас дома вообще?"

Глава 2. Часть 2.

Парень Синди враждебно смотрел на меня, и это заставило меня задуматься, не произойдёт ли сейчас ситуация, как с Ричи.

"Делал то же самое, что и вы", – мягко ответил я, закрыв за собой дверь. – "Прогуливал школу и курил травку", – я оглядел комнату, грустно покачивая головой. – "Тем не менее, я делал это немного умнее, чем вы, идиоты."

Все они смотрели на меня. Это было выражение, к которому я уже привык. Я начинал думать о нём, как о «Взгляде».

Я уставился на Трейси.

"А что, если бы это был не я, а мама, которая вернулась домой с работы немного раньше, потому что она плохо себя чувствовала или что-то типа того? Это может произойти, знаешь ли. Думаешь, мама позвонила бы предупредить, что она вернётся? Зачем ей это делать? Никто не должен сейчас быть дома. У тебя музыка так громко играла, что ты даже не слышала, как я зашёл. Грёбанная дверь даже не была закрыта. Вы, ребята, прям напрашиваетесь на неприятности!"

Синди и Трейси просто в шоке уставились на меня. Как я уже говорил, я всегда был застенчив, и для них моя личность, похоже, радикально изменилась за одну ночь. Старый Билли, прерывая их сеанс, просто покраснел бы и пробормотал краткие извинения, прежде чем выскочить из комна-

ты. Они не знали, что сказать или что думать в ответ на мои слова. Но футболист отреагировал так, как его личность инстинктивно подсказывала ему.

"А тебе-то чё, блять?", – спросил он.

"Заткни свой рот, мячеголовый", – резко ответил я ему, –

"Ты в моём доме и я разговаривал не с тобой."

Его лицо покраснело от ярости. Он резко встал.

"Ты что сказал, пиздюк мелкий?"

"Джефф, оставь его в покое", – сказала Синди, хватая его за руку, пытаясь усадить обратно.

Он резко оттёрнул её руку.

"Скажи это ещё раз, пидор", – вызывающе сказал он, – "Рискни."

"Рискнуть?", – мягко ответил я. – "Хорошо. Я сказал, чтобы ты заткнул свой рот. А потом я сделал издевательское замечание по поводу твоей любви к футболу. Ты тогда расслышал меня?"

"Ты труп, пацан", – сказал он, направляясь ко мне.

"Джефф!", – заговорила Трейси. – "Оставь его в покое!"

Джефф продолжал двигаться в мою сторону. Он действительно собирался избить меня в моей же гостиной перед моей же сестрой, которая пригласила его сюда. Господи, почему все такие жестокие? Неудивительно, что человечество прошло через такое количество войн.

"Ричи Фэрвью тоже говорил мне, что я труп", – ответил я ему. – "Прямо перед тем, как скорая помощь увезла его в

больницу. Ты к нему присоединиться хочешь, мудила?"

Он остановился. Видимо, он слышал эту историю. В его глазах сразу же появилось сомнение. Он уставился на меня, я уставился в ответ.

"Верни свою жопу на место", – сказал я ему, – "пока она не пострадала."

Он нервно облизнул свои губы, поглядывая на девушек.

"Думаю, тебе лучше делать, как он говорит, Джефф" – сказала ему Трейси. Пока она это говорила, она скрывала ухмылку. Я вдруг понял, что Трейси сама не в восторге от парня Синди. Интересно. Была ли ещё надежда на неё?

"Тебе повезло, что они остановили меня", – наконец выпалил Джефф. Довольно жалкая попытка не упасть лицом в грязь. Уверен, он сам с этим согласен. Он вернулся на диван и сел.

"Да, думаю, мне повезло", – сказал я, обращаясь к Трейси. – "На вашем месте я бы открыл парочку окон в доме, пока мама с папой не вернулись. Здесь всё травой провоняло. И часто вы таким занимаетесь, ребята?"

"Нет", – ответила мне Трейси. Очевидно она лгала.

"Ну, это удивительно, что тебя ещё не спалил", – сказал я, бросая взгляд на Синди, что смотрела на меня, словно с трепетом. На ней были узкие джинсы и свободный свитер. Я забыл, насколько прекрасны её глаза. Тёмно-синие, глаза, в которых можно утонуть. Сейчас они, конечно же, очень покраснели. Её золотистые волосы растрепались от пальцев

Джеффа. На её шее виднелись красные отметины Джеффа. Думаю, лучше так, чем если бы он помечал её, как собака пожарный гидрант.

Я задумался о своих шансах с Синди. Могу ли я это сделать? Это куда более сложная задача, чем Дебби.

Я обольстительно улыбнулся ей, и она покраснела. Джефф заметил это и грозно посмотрел на меня, но не сделал и малейшего движения. Наконец, без каких-либо слов, я поднялся наверх в свою комнату и закрыл за собой дверь.

Глава 2. Часть 3.

В моей комнате был полный беспорядок. Это оскорбляло меня. Во взрослой жизни я потерял всю свою неопрятность и стал помешан на чистоте. Хотя я всё ещё ощущал последствия той марихуаны, что я выкурил, и отчаянно хотел лечь и вздремнуть, я начал убираться в комнате.

Мне потребовалось почти два часа, чтобы прибраться, но это были потрясающие два часа. Я наткнулся на множество вещей, которых не видел годами. Я нашёл места для них, и к тому времени, когда я закончил, комната значительно преобразилась. Но нужно было сделать кое-что ещё.

Пока я убирался, я услышал, что мой отец вернулся домой. Я искренне надеялся, что Трейси успела прибраться дома. И судя по тому, что она и Синди были в её комнате и листали журналы, когда я проходил мимо, она всё же убралась. Джефф, конечно, давно ушёл. Обе девушки посмотрели на меня, когда я проходил мимо, прерывая свой разговор.

Я улыбнулся в сторону Синди, которая слабо улыбнулась в ответ.

Папа сидел в кресле и пил пиво. Телевизор показывал раннее издание местных новостей. Я понял, что пялюсь на отца, удивляясь, насколько молодым, насколько худым он был. Он сейчас не многим старше меня. Он заметил, что я смотрю на него, и посмотрел в ответ.

"Билл, ты в порядке?", – спросил он с тревогой в голосе.

"А, конечно, пап", – кивнул я. – "Всё нормально. Просто пытаюсь представить тебя с седыми волосами."

"Что?", – хихикнул он. – "И зачем тебе это?"

"Ну, у дедушки седые волосы, да? Значит, и у тебя тоже такие будут. Я просто пытался представить, как ты будешь выглядеть."

"Это немного печально", – он улыбнулся, потягивая пиво. – "Что натолкнуло тебя на такие мысли?"

"Оу, ну, мы недавно на анатомии изучали генетику. Это доминантный признак, знаешь ли."

"Слышал такое", – ответил он. – "Ты что-то хотел?"

"Просто собирался взять пылесос."

Теперь он смотрел на меня в недоумении.

"Взять что?"

"Пылесос", – сказал я. – "Только закончил прибираться в своей комнате и теперь хочу пропылесосить."

"Ты прибрался в комнате?", – спросил он, не веря. – "Ты?"

"Ага", – кивнул я. – "Она была очень грязной. Почему вы

вообще позволяли мне держать комнату в таком беспорядке?"

"Что?"

"Неважно", – сказал я, направляясь к шкафу в гостиной. Я открыл его и нашёл там пылесос. – "Верну его через минуту."

Пока я поднимал пылесос наверх, недоумевающий взгляд отца провожал меня следом.

После того, как я убрал пылесос обратно в шкаф, я вернулся наверх, чтобы прилечь. Хотя я и был измотан, я не мог спать. Было кое-что, чего я боялся. Что, если я пойду спать и проснусь в своей другой жизни? Это возможно? Я не мог знать наверняка. То, с чем я имел дело, было далеко за пределами моего понимания.

Само моё существование в 1982 году было чем-то, что я считал невозможным, но всё же я был здесь. Каким-то образом этот умирающий китаец сделал это со мной. Я не знал как. Есть ли какие-то правила? Может, мне позволили провести здесь только один день. Пока что я не готов вернуться.

Но есть вероятность, что я застрял здесь навсегда. Эту возможность тоже нужно рассмотреть. Это казалось мне самым вероятным исходом событий. В таком случае, есть множество последствий, которые мне стоит тщательно продумать. Насколько я могу измениться? Сколько я могу изменить? Что произойдёт, если кто-нибудь узнает о том, что со мной случилось?

В мире есть люди, что сделают всё, чтобы добраться до меня, если узнают. Правительства, желающие узнать о следующих семнадцати годах, деловые люди, желающие узнать о тенденциях фондового рынка. Я мог представить себе, что мою семью возьмут в заложники, чтобы заставить меня работать на них.

Изначально я хотел довериться Трейси, но теперь думал, хорошее ли это решение. В конце концов, Трейси была подростком, полным подростковой глупости, как наглядно показало моё раннее открытие. Мне больше не казалось, что ей можно доверить секрет такого масштаба. Но в то же время мне нужно было убедиться, что она не сядет в машину с этим пьяным уродом в свой выпускной вечер. Я поклялся себе, что не допущу её смерти, даже если я не смогу изменить ничего больше. Эта убеждённость была так же сильна во мне, как и прежде. Трейси не умрёт в ту ночь. И я позабочусь об этом, так или иначе.

Но это вернуло меня к теории об одном дне. Если я не могу рассказать ей свою тайну, но мне разрешили быть здесь только один день, как бы я мог убедиться в её выживании? Я подумал об этом немного, и, наконец, кое-что придумал.

Это заставило меня задуматься над другими вопросами. Предположим, я был здесь навсегда. Что ещё я могу изменить? И как я мог бы улучшить себя и свою семью? Я, конечно, не хотел возвращаться в свою жизнь 17 лет спустя, я хотел что-то изменить. Но как? Что я могу сделать?

Я неохотно признался себе, что потеряю Бекки, свою дочь. Эта мысль причинила мне боль больше, чем когда-либо прежде, но это было просто неизбежно. Бекки была очень приятным побочным эффектом жестокой ошибки, которую я совершил в своей предыдущей жизни. Я просто не мог, как бы я ни любил свою дочь, повторить эту ошибку. Не мог. Я убеждал себя, что не убиваю её. Во-первых, она никогда не существовала. Мой разум смог провести различие между этими двумя вещами – шаткое, но различие

Я лежал более двух часов, пока мама не позвала меня к ужину. К этому моменту у меня был набросан план. План, который ещё ни раз будет меняться и пересматриваться, но всё же план. Я чувствовал себя лучше, просто имея его.

Глава 2. Часть 4.

На ужин были тако от моей мамы. Они были обжарены в масле и по нынешним меркам считались неполиткорректными. В них было по меньшей мере пятьдесят граммов жира, но, Господи, они были восхитительными. Я съел пять штук, сгрёб остатки риса и бобов в качестве аккомпанемента, и запил всё двумя банками газировки из холодильника. Единственное, что сделало бы их лучше – кувшин маргариты, но я подумал, что мама, вероятно, не захочет составить мне компанию.

Казалось, она рада, что я так много ем. Наверное, это ненадолго отвлекло её от беспокойства по поводу наркотиков. Я вспомнил, что жил в разгар эпохи кампании Нэн-

си Рэйган «Просто скажи: НЕТ». Видимо, мама испытывала беспокойство именно из-за буклетов этой кампании. В буклетах всегда печатались «предупреждающие знаки» того, что ваши дети могут быть на наркотиках. Я вспомнил, насколько странными эти предупреждающие знаки казались мне. Большой частью была «потеря аппетита».

Что с этим не так? Может быть, если вы уже перестали курить марихуану и теперь тратите по двести долларов в день на кокаин, у вас будет потеря аппетита. Но большинство подростков просто курили шишки. Потеря аппетита была, безусловно, не симптомом употребления марихуаны. Вместо этого они должны были поставить «повышенный аппетит». А ещё «чрезмерное использование глазных капель».

Ещё я вспомнил, что в брошюрах была так называемая терминология наркотиков. Теория заключалась в том, что родители будут подслушивать своих детей, и с помощью этих терминов поймут, что дети сидят на наркотиках. Конечно, как будто дети будут говорить о наркотиках перед родителями. Я вспомнил, как мы с друзьями, обычно укуренные, смеялись над этими брошюрами.

Терминологию явно составляли те, кто употреблял наркотики в прошлом поколении. Они писали, что распространённые термины для марихуаны – это: чай, Мэри Джейн, листья, зелёное чудо и прочие глупости. Ни один из терминов не использовали сейчас.

Мы марихуану называли травкой, планом, шишками,

шмалью, дурью, дымом, КГБ, зеленью и сорняком. Ничего из этого не было в брошюрах Нэнси. Я мог представить себе тот смех, который вызвал бы чувак, спрашивающий, есть ли у кого-нибудь Мэри Джейн или чай на продажу. Интересно, хоть одного ребёнка спалили за употреблением наркотиков, руководствуясь брошюрами Нэнси?

Ужин был поглощён, и ещё один неловкий момент произошёл, когда мама задала мне вопрос, пока мы убирали посуду со стола.

"Билли", – сказала она, – "ты вчера почистил окна Аниты Броулинг? Ты сказал ей, что сделаешь это."

Я посмотрел на неё, ища в своей памяти что-то такое. Достаточно быстро я вспомнил, кто такая Анита Броулинг. Она жила в двух домах от нас. Недавно разведённая, ей чуть больше 20-ти лет. Она разошлась с мужем, когда мне было двенадцать или около того, и я вспомнил, что папа давал этому очень смутные объяснения, говоря, что мистер Броулинг «нашёл кого-то другого» и бросил её (почему-то родители предположили, что мы с Трейси будем расстроены их Р-А-З-В-О-Д-О-М).

Мои родители, по какой-то причине, практически удочерили Аниту после того, как её бросил муж. Она приходила на обед раз в неделю. У неё было двое маленьких детей, с которыми Трейси часто вынуждали сидеть. Меня же вынуждали косить её газон, потому что она не умеет управлять газонокосилкой, и выполнять другие небольшие задачи, как,

например, чистить окна. Нам обоим было запрещено брать с неё какие-либо деньги за наши услуги, что вызывало у нас недовольство, сближающее нас с Трейси.

У меня в голове было изображение слегка полноватой женщины с большими грудями. Она была брюнеткой с короткими волосами и длинными ногами. Когда я буду выпускаться из школы, она встретит другого мужчину. Когда я уеду из дома, она выйдет за него замуж и исчезнет из жизни мамы и папы. Я вспомнил, что был бы не против завалить её. Но она была не настолько привлекательной, чтобы можно было признаться своим сверстникам, что ты хочешь её завалить.

Ещё я вспомнил, как она наблюдала за мной, пока я косил лужайку, одетая в шорты и свободную футболку. Я вспомнил, как заметил её сиськи и лифчик, когда она наклонилась сорвать сорняк или что-то в этом роде. Мой взрослый ум, который не думал о ней годами, вдруг понял, что она давала мне намёки. Неужели она надеялась на небольшое действие со стороны подростка?

Прежде чем мой поезд мысли зашёл слишком далеко, я вернулся к первоначальному вопросу. Помыл ли я вчера её окна? Да я понятия не имел, сделал ли я это.

Моя мать смотрела на меня, ожидая ответа.

"Эм...", – начал я, пытаюсь вспомнить. Почистил ли я вчера её окна?

"Билл?", – сказала мама, углубив свой голос. – "Я же гово-

рила тебе, что её окна сильно загрязнились после метели. Ты сказал, что почистишь их, прежде чем снег снова пойдёт."

"Эм...", – это дало мне немного информации. Я был ещё тем бездельником в подростковые года. Скорее всего, я не сделал этого.

"Эм, нет, мам", – выпалил наконец я. – "Прости, я забыл."

"Ты забыл?"

"Прости", – проворчал я.

"Это так в твоём стиле", – начала она. Её лекция продолжалась почти две минуты. В нужные моменты я вставлял своё "угу", "ну" и "окей", поражаясь, что до сих пор умею это делать, после стольких лет. Я искренне обещал, что сразу после школы пойду в дом Аниты Броулинг. Мама показала довольной.

Надеюсь, Анита будет дома. Я знал кое-что, чего другой Билли не знал.

Глава 2. Часть 5.

После обеда я ушёл в свою комнату. Я достал из рюкзака учебник по алгебре, нашёл чистую бумагу и карандаш, открыл книгу на первой главе и начал учиться.

Трейси ушла куда-то после обеда, и я услышал, как она вернулась около 20:30. Я продолжал заниматься, когда услышал, как она ушла в свою комнату и хлопнула дверь. Внизу мама и папа смотрели по телевизору какой-то ситком 80-ых. Я слышал, как они периодически смеялись и что-то комментировали. Их разговоры я не мог расслышать, но скорее все-

го они обсуждали, что телевидение уже не такое, как прежде.

За последние несколько часов мне удалось понять базовую концепцию алгебры, дойдя к тестовым вопросам второй главы. Наконец-то я выполнил своё домашнее задание.

Я закрыл книгу и сложил её в рюкзак, чувствуя сильную головную боль в области глаз. У меня ещё осталась домашняя работа по другим занятиям, но я решил отложить это на завтра. Сегодня я уже достаточно поучился.

Я переоделся в пару спортивных штанов из комода, удивляясь, что носил одежду, которая едва ли доставала до моих бёдер. Поверх я надел самую длинную и свободную футболку, какую только мог найти, а затем спустился вниз, проходя мимо гостиной, даже не взглянув на родителей.

На кухне я нашёл флакон аспирина и взял сразу три таблетки. Затем я открыл холодильник, достал одну из бутылок пива моего отца и спрятал её в штаны. Я чувствовал сильную прохладу на коже, но игнорировал её. Футболка закрывала выпуклую бутылку у моей промежности. Я бросился наверх и подошёл к двери комнаты Трейси.

Из комнаты доносилась музыка. Очередной покоритель сердец, которого сейчас обожали все девчонки, но, как я с радостью вспомнил, совсем скоро о нём все забудут. Я постучал в дверь Трейси.

"Что?", – донёсся голос по другую сторону.

Вместо ответа я снова постучал, не желая привлекать внимание родителей.

Музыка затихла, и дверь открылась примерно на 15 сантиметров, открывая мне нетерпеливое лицо Трейси. На ней была длинная футболка, которая показывала её ноги. Распушенные каштановые волосы падали на её плечи. Впервые я осознал, что моя сестра очень привлекательна. Неудивительно, что тот ученик запал на неё.

"Что?", – прошипела она с отвращением.

"Мне нужно с тобой поговорить", – сказал я ей. – "Можно войти?"

"Поговорить о чём?", – спросила она. – "О той херне, что ты сегодня творил в школе?"

"Ага", – кивнул я, заметив по её лицу, что она побаивалась говорить на эту тему. – "Об этом".

Она распахнула дверь.

"Заходи", – сказала она наконец.

Её комната была довольно чистой, как для подростка. Кровать заправлена, книги стоят на полках. На комодѣ убрано, весь макияж сложен в маленький лоток. Единственным беспорядком была обложка альбома того сердцееда, что валялась рядом со стереосистемой, и смятая одежда, которую она недавно сняла. Когда я вошёл, она закрыла за мной дверь.

"Могу я присесть?", – спросил я, когда она села на краю своей постели.

Она нетерпеливо махнула на стул рядом с комодом. Тот самый стул, на котором она расчёсывалась утром. Я взял его

и сел, затем вытащил пиво из штанов и поставил на стол. Экспертно повернув крышку, я открыл бутылку. Три таблетки аспирина отправились в мой рот и смылись холодным пивом. Я вздохнул с первым глотком и быстро сделал ещё один. Трейси смотрела на всё это молча, даже не спрашивая, откуда у меня папино пиво.

"Говори уже что хотел и выметайся", – сказала она. – "Хочу альбом дослушать".

Второй раз за день я прервал музыку, отключив стерео. Звук опять медленно затих и вскоре исчез вовсе.

"Ах ты ж уёбок!", – заявила она. – "Зачем ты..."

"Трейси, послушай меня", – перебил я. – "Знаю, тебе нужно вести себя определённым образом в присутствии младшего брата. Тебе нужно относиться ко мне с презрением, чтобы показать, насколько ты меня превосходишь. Я признаю твоё превосходство, окей?"

"Что?", – спросила она, округлив глаза.

"Твоих друзей сейчас рядом нет, и я не скажу им, что ты позволила мне зайти в свою комнату и отключить твою драгоценную музыку. Ты можешь продолжить относиться ко мне как к куску говна, как только я уйду отсюда, но сейчас мне нужно, чтобы ты внимательно выслушала меня и запомнила всё, что я собираюсь тебе сказать. Я был бы очень признателен, если бы ты ненадолго отбросила свою надменность".

Она смотрела на меня. Наконец, она спросила: "Что с то-

бой случилось, Билл? Ты весь день ведёшь себя странно. Словно тебя подменили."

"Забудь об этом", – сказал я. – "Трейси, ты помнишь, как мы были детьми?"

"Да", – осторожно ответила она.

"Мы были очень близки в то время. Мы были товарищами по команде. Мы всегда сговаривались вместе. Ты называла меня маленьким братом, а я тебя большой сестрой. Ты помнишь это?"

"Нет", – она покачала головой, но по её глазам я видел, что она врёт.

"Так и было", – сказал я ей. – "Мы были лучшими друзьями до тех пор, пока ты не перешла в среднюю школу. С тех пор я стал объектом твоего презрения. Я понимаю, Трейси, действительно понимаю. Ты столкнулась с мальчиками, столкнулась с давлением со стороны сверстников. Ты выросла. Это естественная вещь. У меня тоже появились собственные интересы. Но суть в том, что мы всё ещё брат и сестра, и когда-нибудь мы снова будем близки. Ты понимаешь это?"

Казалось, она сейчас снова скажет что-то надменное. Что-то вроде "насколько я понимаю, ты останешься таким же мелким куском говна до тех пор, пока не сдохнешь".

Но в последнюю секунду она остановилась, её взгляд смягчился.

"Да, Билли", – ответила она. – "Думаю, когда-нибудь мы будем снова близки".

Глава 2. Часть 6.

Маленькая победа, но в любом случае победа.

"Хорошо", – я кивнул. – "Это уже что-то. Сейчас будет труднее. Несмотря на все наши перепалки, ты же понимаешь, что мы действительно любим друг друга, как брат и сестра?"

Она открыла рот. В этот раз она точно скажет что-нибудь глупое.

"Опять же", – сказал я, прежде чем это сделала она, – "кроме нас здесь никого нет, и я никому ничего не расскажу. Нам не нужно вступать в какие-либо глубокие философские дискуссии. Я просто хочу добиться твоего признания, что мы, как брат и сестра, любим друг друга. Может мы не всегда ладим, но мы любим друг друга. Правильно?"

Она нервно облизнула губы.

"Наверное", – признала она наконец.

"Окей", – сказал я, делая глоток пива. – "Учитывая это всё, я хочу, чтобы ты сейчас внимательно выслушала меня. Я расскажу тебе кое-что очень важное. Самое важное, что ты когда-либо услышишь в своей жизни. Пожалуйста, не проси меня всё объяснить, сейчас я не могу этого сделать. Наверное, ты думаешь, что я спятил, но это не так важно, как то, что я собираюсь сказать. Запомни это".

"Окей", – осторожно ответила она.

Я глубоко вздохнул, делая ещё один большой глоток пива, и передал бутылку Трейси. Она посмотрела на неё ненадол-

го, а затем сделала глоток. Меня слегка обнадёжил факт, что она не остановилась сперва вытереть горлышко бутылки.

"Надеюсь, я смогу объяснить тебе это до того, как станет слишком поздно", – сказал я. – "Но есть шанс, что я этого не сделаю. Есть шанс, что завтра я буду прежним Билли, которого ты хорошо знаешь. Если так и буду, я хочу, чтобы ты запомнила это".

"Билли, что ты..."

"Шшш!", – шикнул я на неё. – "В вечер своего выпускного ты скажешь маме и папе, что собираешься на вечеринку в доме Синди. Это будет ложью. Ты отправишься на студенческую вечеринку в университете".

"Билли, что?!", – крикнула она, её кожа покрылась мурашками.

"Послушай", – предостерёг я. – "Больше я ничего не могу объяснить. Я даже не знаю, как тебе сказать это. Но ты должна выслушать меня. Парень по имени Дэвид Митчелл захочет отвезти тебя на эту вечеринку. Он будет на Самаго 77-го года. Он будет очень привлекательным футболистом из колледжа. Ты встретишь его за месяц до окончания школы, но беспокоиться тебе нужно именно из-за выпускного. Ни при каких обстоятельствах не садись с ним в его машину. Неважно, что тебе придётся делать, неважно, как сильно тебе придётся лгать. Не делай этого. Твоя жизнь зависит от этого, Трейси. Не делай этого, ни за что".

"Билли, ты меня пугаешь", – сказала она.

"И хорошо", – ответил я ей. – "В этом и суть. Лиза Санчес тоже будет в этой машине. Её парень тоже будет студентом колледжа, его зовут Рик Манчестер".

"Лиза Санчес?", – спросила Трейси. – "Она же чирлидерша. Я с ней не тусуюсь".

"Будешь", – сказал я ей. – "Я называю тебе имена всех людей в той машине чтобы, когда придёт время, ты поняла, что моя информация правдива. Надеюсь, этого достаточно, чтобы тебя с ними не было. Ты можешь предостеречь и Лизу, тем даже лучше, но важно, чтобы ты не садилась в тот автомобиль в ту ночь".

Приятно видеть, что мои слова сильно испугали её. Хорошо. Я подумал, что она будет слушаться меня даже через полтора года после того, как все обстоятельства, что я описал, произойдут. По крайней мере, я надеялся на это.

"Что произойдёт, если я сяду в машину?", – спросила она.

"Дэйв в ту ночь будет очень пьян", – ответил я. – "Он влетит в реку Спокан с дороги на дамбе рядом с водопадами. Вы с Лизой утонете, прежде чем сможете выбраться".

Я глубоко вздохнул, слёзы скопились в моих глазах, когда я вспомнил, как мама пришла в мою комнату в четыре часа утра вся в слезах. Разбудив меня, она сказала, что произошла ужасная авария. Пожалуйста, пусть у меня всё получится.

Конечно, история на этом не закончится. Дэйв будет обвинён в непредумышленном убийстве и приговорён к двум годам лишения свободы. Его приговор будет обжалован, и он

продолжит играть в футбол в колледже. Это побудит моих родителей стать активистами в борьбе за права жертвы. Они до сих пор продолжали заниматься этим делом.

Трейси побледнела, пытаясь переварить всё то, что я ей рассказал.

"Билл, как ты можешь это знать? Откуда у тебя эта информация? Ты экстрасенс или что-то в этом роде?"

"Я не могу тебе это сейчас рассказать". – ответил я ей. – "Пока ещё слишком рано. Я расскажу потом, если смогу."

"Но..."

"Трейси, просто запомни это", – сказал я. – "Запомни и не садись в машину в ту ночь."

"Не сяду", – пообещала она.

Я улыбнулся и кивнул. Если я здесь только на один день, то я сделал всё, что мог. Если я проснусь завтра в 1999 году, Трейси, вероятно, будет до сих пор жива. Это будет лучшим результатом того, как я использовал своё желание.

Впрочем, потрахаться тоже было приятно.

Глава 2. Часть 7.

Я поставил будильник, лёг в постель и выключил свет. Долгое время я не мог уснуть, боясь, что увижу, когда проснусь. Но, наконец, мысли затихли и я смог погрузиться в сон.

КЛИК. Рок-н-ролл конца семидесятых разбудил меня. Ещё одна вспышка из прошлого. Песня, что я не слышал годами. Мои глаза открылись, и я увидел знакомое теперь

окружение моей подростковой спальни. Я всё ещё здесь! Мне хотелось закричать от радости. Всё ещё здесь!

Трейси выглядела измождённо, когда расчёсывала волосы за своим столом. Бледное лицо, под глазами мешки. Она посмотрела на меня, когда я направился к душе.

"Доброе утро, Трейси", – сказал я ей.

"Доброе утро", – медленно ответила она, её глаза пытались прочесть моё лицо.

"Хорошо спала?", – спросил я её.

"Нет", – ответила она мне. – "Почти не спала ночью, снились кошмары".

Я кивнул. "Жаль это слышать", – сказал я. – "Кошмары пройдут. Помни, что я тебе говорил".

"Помню", – ответила она. – "Не думаю, что когда-нибудь смогу забыть об этом."

"Хорошо", – пробормотал я, подходя к ванной и закрывая за собой дверь.

Папа, как обычно, читал газеты за завтраком. Чавкая хлопьями, я спросил у него, могу ли я взглянуть на бизнес-раздел.

"Бизнес-раздел?", – спросил он, поднимая бровь.

"Да, хочу посмотреть кое-что".

Он пожал плечами и передал его мне, вернувшись к прочтению первой страницы своей газеты. Я открыл раздел на отчёте о фондовом рынке и несколько минут смотрел список публичных акций. Несколько из них казались хорошими

перспективами, но, что самое главное, я не видел того, что было бы крайне прибыльной инвестицией. Я улыбнулся про себя. Значит, этого ещё нет на фондовом рынке. Хорошо.

"Нашёл что искал?", – спросил папа, когда я вернул раздел обратно в кипу газет.

"Что-то вроде того", – ответил я. – "Ты когда-нибудь задумывался об инвестициях в фондовый рынок?"

Он опустил бумагу и посмотрел на меня, его глаза вцепились в моё лицо. Наконец, он понял, что я не шучу.

"Не совсем", – ответил он. – "У меня есть пенсионный план школьного округа. Фондовый рынок же выглядит как игра."

"В каком-то смысле, так оно и есть", – согласился я. – "Но если ты выберешь правильные акции и вложишь в них большие средства, то заработаешь солидные деньги, да?"

"Ах", – сказал он, – "но в этом-то и подвох. Нужно выбрать правильные акции, иначе твои деньги смоют в унитаз. Сделать правильную и прибыльную ставку на рынке под силу либо тем, кто больше знает о рынке, чем я, либо самым настоящим экстрасенсам".

"Экстрасенсам, говоришь?", – улыбнулся я. Трейси, которая до этого сидела тихо, резко взглянула на меня.

"Но, насколько я знаю, они встречаются редко", – сказал папа.

"Думаю, да", – сказал я. – "Но если бы кто-то действительно знал об акциях, которые в будущем возрастут до небес,

этот кто-то заработал бы много денег, правда?"

"Ну, конечно", – ответил папа. – "Это хорошая фантазия. Предположим, ты бы знал, что акции, допустим, ATandT в следующем году пойдут вверх. Если бы ты знал это, то инвестировал бы всё до последней монеты. Когда акции взлетят, ты продашь их за огромную прибыль. Но, к сожалению, у нас такой информации нет, правда?"

"Наверное, да", – ответил я, мои мысли бежали с огромной скоростью. – "Но это хорошая фантазия".

"Где ты был вчера, чел?", – Майк спросил меня, пока мы шли в школу этим утром. Снег на земле почти полностью растаял, солнце стояло высоко в небе. Было ещё немного холодно, но в целом это был прекрасный день поздней зимы в восточном Вашингтоне.

"Оу, я был с Райсином и Лонни", – рассеяно ответил я. – "Мы пошли к Райсину домой и закурили."

"Да?", – спросил он, очевидно обижаясь, что его с нами не было.

"Ага", – сказал я. – "Дебби тоже была с нами. Я даже немного пообжिमался с ней."

"С Дебби?", – спросил он. – "С динамо?"

"Да, это она", – подтвердил я. – "Продинамила меня до смерти."

Он попросил подробностей, и я рассказал ему. Это поможет укрепить историю, которую начнут распространять Лонни и Райсин, и, следовательно, это защитит репутацию Деб-

би.

Когда я закончил, он сказал:

"Жаль, что ты не смог её трахнуть", – он сделал очень сложный взгляд. – "Знаешь, однажды я трахнул её."

"Что, правда?", – спросил я, словно веря ему.

"Да, ночью на тусе у Ника Кодигана. У меня была с собой травка и она хотела курнуть. Я сказал, что не поделюсь, пока она не отдаст свою киску."

Затем он рассказал о своей мифической ночи с ней. Конечно, он заставил её кончить шесть или семь раз, пока она не попросила больше. Затем он трахнул её в задницу, заставляя её кончить ещё три или четыре раза, прежде чем он, наконец, засунул свою «палку» в её задницу. После этого она постоянно умоляла его повторить весь этот спектакль, но он всегда отвергал её, хотя она и была хороша.

"Почему ты никогда не рассказывал мне об этом раньше?", – спросил я, не в силах помочь себе.

Он побледнел на минутку. Я только что задал запретный вопрос. Когда тебе рассказывают историю о киске, ты не должен подвергать сомнению её действительность. Если ты это сделаешь, они могут больше не слушать твои истории о кисках.

"Она попросила меня никому не говорить", – ответил он. – "Она не хотела, чтобы кто-то знал, что она трахалась."

"Понятно", – сказал я. – "Так почему ты рассказал мне сейчас?"

"Ну", – пробормотал он, – "прошло какое-то время, и я знаю, что ты никому не скажешь."

"Ааа, понял."

Мы шли молча в течении нескольких минут. Наконец, я спросил:

"Майк, ты когда-нибудь думал о том, что ты собираешься делать после школы?"

"Что?"

"После школы?", – повторил я. – "Знаешь, она однажды закончится. Что ты тогда будешь делать со своей жизнью?"

"Ты звучишь как ёбанный школьный психолог", – сказал он, почти сердито. – "Школа никогда не закончится, чел. Это ёбанная тюрьма."

"Типа того", – допустил я. – "Но однажды ты освободишься из неё. Ты хоть иногда думаешь о том, что будет дальше?"

"Нет", – сказал он, его тон подсказывал мне закрыть эту тему. – "Нет, не думаю."

Глава 2. Часть 8.

Мистер Акхед удивился, когда я показал сделанную домашнюю работу. Он удивился ещё сильнее, не обнаружив там ошибок. Работа понравилась ему настолько, что он постоянно вызывал меня к доске во время урока. Большую часть времени мне удавалось находить правильные ответы на его вопросы. Вместо того, чтобы радоваться, это скорее раздражало меня.

Теперь, когда я отвечал на его вопросы, он обращал на ме-

ня внимание. Раньше, когда я сдавал все экзамены на двойки и тройки, он меня просто игнорировал. То же самое касалось и других учителей.

Я не безумный либераст, обвиняющий всё и всех, кроме самих виноватых, но есть же определённая ответственность, прививаемая учителям, да? Почему же раньше мне не помогали? Почему раньше мне разрешали просто сидеть в классе и проваливать все экзамены? Конечно, ответ на это всё – цинизм.

Ответ, но не оправдание. Я был фельдшером и, не считая полицейских, это самые циничные люди в мире. За свою карьеру меня настолько часто вызывали по полной хуйне, что я начал считать всех людей хуёвыми, пока не будет доказано обратное. Люди вызывали нас из-за заусенцев, из-за простуды, из-за ушных инфекций у детей, но они заявляли об этом, как об ампутации пальца, затруднённом дыхании и травме головы.

Но я не позволял этому цинизму овладеть мной. Если кто-то говорит, что у них боль в груди, значит, у них боль в груди, и я относился к ней надлежащим образом, даже если им было двадцать пять лет и они просто хотели получить выходной на работе. Если кто-то говорит, что у них затруднённое дыхание, значит, у них затруднённое дыхание, даже если они разговаривали целыми параграфами. Если ты действуешь, как тебе говорит твой цинизм, то окажешься прав в 99 случаях из 100. Но тот один случай, когда ты ошибёшься,

станет фатальным.

Мои учителя, очевидно, полагали, что попытка достичь внимания незаинтересованного ученика была пустой тратой времени. Порой так и было. Порой нет. Разве они не могут постараться сделать хотя бы небольшое усилие, когда кто-то вроде меня просто сидит в классе и не обращает ни на что внимания? Как много людей упустили свои возможности из-за учителей, что предпочитали уделять время только тем, кто показывал заинтересованность в их предмете?

Я удивился, насколько сильно меня задела эта тема и насколько это раздражало меня. После алгебры я пошёл на урок истории Америки. Мои чувства усилились, когда я объяснял учительнице, что сегодня домашнюю работу забыл, но завтра обязательно её покажу.

"Хорошо, Билли", – рассеянно сказала она, переходя к следующему ученику, очевидно, не веря, что завтра я отдам ей работу. Может, я и не привык делать домашние задания, но она когда-нибудь говорила со мной об этом? Нет. Она когда-нибудь звонила моим родителям и говорила с ними об этом? Нет. Для неё я был потерян и недостоин внимания. Она не будет прилагать никаких усилий ради меня, если я не покажу ей, что меня интересует её предмет. Почему она не пыталась заинтересовать меня своим предметом? Почему она просто позволяла мне сидеть на уроках каждый день? Какая система поощряет это?

Её лекция в тот день была посвящена роли южных абор-

лиционистов в начале первых предпосылок к гражданской войне. Она изображала их как святых людей, борющихся с рабством. Она убеждала класс, что для американской истории аболиционисты важны так же, как Джордж Вашингтон и Авраам Линкольн. Примерно на середине урока я больше не мог терпеть и поднял руку.

Некоторое время она игнорировала меня, но была вынуждена, наконец, обратить внимание.

"Да, Билли?", – спросила она. – "У тебя есть вопрос?"

"Да", – кивнул я. – "Мне просто кое-что интересно. Вы сказали нам, что аболиционисты использовали протесты, чтобы повлиять на южных рабовладельцев. О каких именно протестах Вы говорите?"

Она посмотрела на меня тем самым Вглядом и ответила: "Ну, они использовали множество методов. Бойкоты услуг и тому подобное."

"Тому подобное?" – сказал я. – "Разве это не правда, что они обычно нападали на рабовладельцев и их семьи посреди ночи? Сжигая дома и избивая мужчин, женщин и даже детей до смерти?"

Она чуть не задохнулась, но быстро собралась.

"Ну, конечно, были случаи фанатично настроенных людей, занимающихся подобными вещи, но это случалось редко. Обычно они использовали другие меры, о которых я уже говорила. Нужно понимать, что для них борьба с рабством была очень важна. Они считали это неправильным. Есте-

ственно, что некоторые из них заходили слишком далеко."

"Правда?", – продолжал я давить. – "А я вот читал, что беспощадное насилие было скорее правилом, чем исключением. Видимо, я ошибся. Но Вы сказали, что они считали это неправильным. Не кажется ли Вам, что аболиционисты были больше мотивированы экономическими причинами, чем религией и моралью?"

Она потеряла дар речи.

"Подумайте над этим. Кем были южные аболиционисты? В большинстве своём, бедные белые, да?"

"Ну, да", – согласилась она, – "но..."

"Бедные белые без работы. Как они могли конкурировать с рабским трудом? Никак. Не правда ли, что они также убивали рабов, когда атаковали плантации? Не очень похоже на людей, заинтересованных в освобождении рабов."

"Ну, опять же, Билли", – твёрдо сказала она, – "то, о чем ты говоришь, было исключением, а не правилом. Были случаи, описанные тобой, но обычно они использовали экономические меры, такие как бойкоты, чтобы достичь своих целей. И за это многие были заключены в тюрьму или убиты коррумпированной южной системой".

"Ну, само собой", – фыркнул я. – "Они разрушали ценную собственность и угрожали почти идеальной экономической системе. Закон был на стороне владельцев плантаций. Думаю, они сильно на них отыгрывались, когда ловили."

Она была очень смущена всем тем, что я сказал.

"Что ж, это очень интересная точка зрения, Билли", – сказала она, – "но, думаю, мы достаточно обсудили это. Если ты не возражаешь, я продолжу урок."

Я улыбнулся.

"Конечно."

"Хорошо", – сказала она. – "В 1858 году существовало объединение людей под названием..."

Глава 2. Часть 9.

Хотя у меня и не было домашней работы на урок миссис Крукшанк, она не игнорировала меня в классе, как обычно. Она вспомнила мою диссертацию по системе кровообращение накануне и начала изучать меня, пытаясь понять, была ли это просто хорошо заученная шутка с моей стороны или нет. Её лекция была посвящена основным артериям тела, и она сделала свой первый выстрел в меня меньше, чем за две минуты.

"Итак, может кто-нибудь сказать мне, как называются артерии, которые питают почки?", – спросила она, а затем, не дожидаясь, когда кто-нибудь поднимет руку, повернулась ко мне. – "Билли, может быть, ты можешь нам это сказать?"

Она думала, что сможет меня подколоть. Я же, как обычно на её уроках, наблюдал, как её заманчивая фигура движется вперёд и назад. и делал вид, словно я вовсе не обращаю внимания на её слова.

"Почечная", – скучающе сказал я, вынуждая её посмотреть на меня тем самым Взглядом.

"Да", – кивнула она, очевидно удивившись, и продолжила занятие.

Во время лекции она несколько раз вызывала меня, делая вопросы всё сложнее и сложнее. Мы обсудили сонные артерии, круг Виллиса и все коронарные артерии. Нескольких вопросов не было не то, чтобы в лекции, их не было даже в школьной программе. Каждый раз я давал ответы монотонным голосом и с невыразительным лицом. Всему классу стало ясно, что между миссис Крукшанк и мной происходит какое-то сражение. Наконец, заскучав, я сдался, сказав ей, что не знаю ответа на вопрос, который она задала. В её взгляде читался слабый триумф и облегчение.

Она свернула свою лекцию незадолго до того, как раздался звонок, и дала нам домашнюю работу на следующий урок. Когда класс уже расходился, она позвала:

"Билли?"

Повернувшись, я вопросительно взглянул на неё.

"Ты не против, если я с тобой немного поговорю?"

"Конечно", – ответил я, подходя к ней.

Ее глаза осматривали меня сверху вниз, когда я стоял перед её столом. «

"У тебя, похоже, достаточно много знаний об анатомии и физиологии", – почти что обвинила она.

Я пожал плечами.

"Мне нравится читать."

"Правда?", – сказала она. – "Какие книги ты прочитал?"

"О, ничего особенного. Анатомия Грея, Руководство врача по анатомии и физиологии, что-то такое."

"Ты читал их?", – ей было трудно в это поверить.

"Да", – кивнул я. – "Увлекательное чтение. Я даже немного почитал Ваш учебник. Он неплох, но немного всё упрощает, Вам не кажется?"

Она сглотнула, сделала глубокий вдох и сказала:

"Билли, я специализируюсь в биологии, у меня обширные познания в анатомии и физиологии. Сегодня я задавала тебе вопросы, которые намного превосходят уровень школьных знаний, и ты ответил правильно на все, кроме одного."

"Я только притворился, что не знаю ответ", – сказал я ей. – "Мне казалось, что Вы, скажем так, слишком выделяете меня, и мне хотелось Вас остановить", – я цинично улыбнулся. – "Как-то непрофессионально для учителя, не правда ли?"

Она уклонилась от темы своего профессионализма или его отсутствия, покачав головой.

"Понимаю. Значит, ты говоришь мне, что всё это время знал ответы на мои вопросы, но ты не отвечал на них ни в классе, ни на тестах, ни в домашней работе до вчерашнего дня?"

Снова я пожал плечами.

"Ну, что я могу сказать?"

"Что ты можешь сказать?", – спросила она, начиная немного злиться. – "Это не имеет никакого смысла. Зачем такое делать?"

"Ну, миссис Крукшанк", – сказала я ей, – "я классический пример отстающего в школе. Это означает, что мой интеллект выше среднего и я отлично способен мыслить, но мне скучно до смерти в школе, потому что учебная программа настолько сокращена, что не бросает мне вызов. Это создаёт порочный круг, в котором я прекращаю слушать и выполнять работу, и, следовательно, сильно отстаю. Это, в основном, моя вина, но сама система тоже частично виновата, поскольку она ставит такие абсурдно низкие стандарты, в первую очередь, чтобы заполнить статистику. Если региональные оценки тестов низки, то что вы делаете с образовательной системой? Усиливаете ли вы обучение или переоцениваете свои методы обучения? Нет. Вы сокращаете учебную программу и понижаете порог прохождения, чтобы «проблемные» ученики прошли. Но это делает учёбу скучной для тех, кому больше по душе сложные задания, бросающие вызов. В итоге, многим из тех, кто потенциально могут быть лучшими учениками, просто наплевать, в то время как многие из менее умных и менее достойных имеют свои хорошие оценки, которые им подаются, обучая методам Дика и Джейн."

Она уставилась на меня. Я знал, что набросился на тех самых преподавателей, которые ей нравились в течение многих лет. Через несколько лет, после нескольких судебных процессов над лицами, окончившими школу на функционально неграмотном уровне, в то время, как перспективные

люди попросту бросали учёбу, реформа образования ударила по штату Вашингтон кувалдой, заметно улучшив ситуацию. Мне почти хотелось, чтобы я мог ей это сказать. Она всё ещё будет преподавать, когда это произойдёт. Но я этого не сказал.

"О психологии я тоже читал", – сказал я ей, направляясь к двери.

Глава 2. Часть 10.

Я наткнулся на Дебби за обедом. Заметив меня, она улыбнулась. Я поприветствовал её, осматривая её сверху вниз, вспоминая, как чувствовал её обнажённое молодое тело под собой.

"По школе ходят слухи, что я всех динамлю", – сказала она мне.

"Это неплохо", – улыбнулся я. – "Лучше, чем если бы тебя считали самой большой шлюхой, правда?"

Она кивнула, вновь захихикав.

"Все девочки спрашивают, почему я с тобой целовалась."

"Да?", – ухмыльнулся я. – "И что ты им сказала?"

"Что ты классно целуешься. Лучше всех."

"Спасибо", – сказал я с благодарностью, задумываясь, как скоро ещё одна из девочек решит опробовать это на себе. – "Как у тебя сегодня дела?"

Она скромно улыбнулась.

"Я бы не отказался от ещё одного поцелуя", – покраснела она.

"Сегодня у меня есть чем заняться после школы, но почему бы тебе не дать мне свой номер телефона? Может быть, я позвоню в субботу."

Она протянула мне клочок бумаги. Она уже успела написать свой номер.

"Звони в любое время", – сказала она, уходя.

Четвертым занятием, до которого я вчера так и не добрался, были уроки вождения. Приятно видеть, что хотя бы к этой теме они относятся серьёзно. Информацию, хотя и очень знакомую мне, не сократили ради школьной программы.

Пятый уроком шла физкультура. На ней мы изучали тонкости баскетбола. И хотя мне нравилось наблюдать за школьницами, прыгающими в своих обтягивающих футболках, я никогда не был хорош в спорте.

Когда я переодевался в раздевалке, несколько друзей Ричи Фэрвью были со мной. Обычно они наводили ужас на раздевалку. Сейчас они нервно смотрели на меня и не приближались. Когда они начали подходить к какому-то бедному парню из младших классов, вероятно, намереваясь заставить его плакать просто ради своего удовольствия, я пристально посмотрел на них, и они тут же нашли, чем ещё заняться. Я улыбнулся про себя. Может быть, я и не могу изменить мир, но я, по крайней мере, делаю хоть что-то.

Шестой, последний урок на сегодня – английский. Мы обсуждали написание параграфа. Из вежливости я слушал учи-

теля и записывал домашнее задание. Я старался молчать. Когда раздался звонок, я взял свой рюкзак, встретился с Майком и мы направились домой.

Дома я взял очиститель стёкол и рулон бумажных полотенец. Трейси лежала на диване, перелистывая журнал о рок-музыке, и только хмыкнула в ответ на моё приветствие, когда я зашёл в дом. Заметив, что я направляюсь к двери с чистящими средствами, она сочувствующе взглянула на меня.

"Идёшь чистить окна Аниты?", – спросила она.

Я кивнул, делая на лице выражение, полное напускного отвращения.

"Угу. Сама знаешь, какого это."

"Да, я знаю, какого это. В субботу вечером буду с её пиздюками сидеть", – она покачала головой. – "В субботу, мать твою, вечером! Как же это подло. Мама и папа сами меня подписали на это дерьмо. А знаешь, зачем ей нужна сиделка на ночь?"

"Зачем?", – спросил я, останавливаясь у двери.

"Потому что она собирается на вечеринку. На вечеринку! А чем, по их мнению, я собиралась заняться? Мне надоело, что они о такой херне сообщают в последний момент. У меня тоже есть жизнь."

Я улыбнулся.

"Да, есть", – сказал я ей. – "Давай я поговорю с ней. Посмотрю, что я смогу сделать. У меня нет планов на субботу, может, она разрешит мне посидеть с детьми вместо тебя."

"Тебе?", – спросила Трейси в ужасе. – "Ты не можешь быть нянькой!"

"Почему нет?", – спросил я, заранее зная, что она ответит.

"Ты же мальчик!"

"И что? Какое это имеет значение? Почему девочки автоматически считаются хорошими няньками, а мальчики не заслуживают доверия?"

"Ну...", – она попыталась придумать что-то, но у неё не получилось. – "Просто потому что. Мальчики не такие ответственные, как девочки."

"Правда что ли? А почему?"

"Потому что", – сказала она, – "если мальчика оставить одного дома, он будет делать всякие вещи."

Я рассмеялся.

"Что?", – спросила она.

"Когда ты сидела с её детьми, ты пила её выпивку?"

"Нет", – возмутилась Трейси.

"Ой, да ладно тебе, Трейси", – упрекнул я её.

"Ну, может раз или два", – призналась она.

"А парня в её дом приглашала?"

"Ну, да."

"А травку на её диване курила? Или, может быть, использовала её кровать для..."

"Ладно!", – крикнула она, засмеявшись. – "Ладно, я тебя поняла. А вот родители и Анита вряд ли купятся на это."

"Я просто предложу", – сказал я ей. – "Подкину Аните"

идею, пока буду у неё. А родители согласятся с решением Аниты. Не переживай, я умею с людьми разговаривать. А если не работает, то тебе от этого хуже не будет, правда?"

"Думаю, нет", – ответила она, вся засияв. – "Спасибо, Билл. Надеюсь, ты уговоришь её", – она хихкнула. – "Мне всё ещё трудно представить тебя в роли няньки."

"Дети любят меня и я люблю их, всё будет хорошо."

Я направился к двери, а затем остановился.

"А как её детей зовут?"

Глава 2. Часть 11.

Дом Аниты Броулинг был одноэтажным, с небольшой лужайкой и маленьким задним двором. Как и все дома в округе, он был построен примерно в 1970 году, в период роста населения в Спокане. Как и у многих других домов в блоке, краска отслаивалась из-за экстремальных погодных условий.

Я знал, что в ближайшем будущем меня заставят покрасить её дом. Это произойдёт этим летом? Кажется, что да. Глядя на краску я знал, что сейчас этого ещё не сделал, и я также знал, что сделал это до смерти Трейси. У меня ушло почти две недели под палящим солнцем, чтобы покрасить дом.

Анита была дома, когда я постучался. Я вспомнил, что работала она ранним утром. Трейси часто просыпалась в пять утра, чтобы пойти сидеть с детьми на выходных. Но, как бы я ни старался, я не мог вспомнить, кем именно работала Анита.

Она была одета в пару свободных штанов, что прикрывали её слегка широкие бёдра. Сверху была рубашка на пуговицах, открывающая её большую грудь. Её каштановые волосы были собраны в хвостик. Она мягко улыбнулась, увидев меня на пороге с чистящими принадлежностями.

"Билли", – поприветствовала она, открывая дверь и приглашая меня зайти. – "Ты пришёл почистить окна? Это так мило с твоей стороны."

"Без проблем", – ответил я, улыбаясь в ответ. – "Моргнуть не успеете, как я начищу их до скрипа."

Её двое детей (Райан и Дженнифер, Райан и Дженнифер, повторял мне мозг) раскрашивали картинки за кофейным столиком.

Они бегло посмотрели на меня и вернулись к своему занятию. Гостиная была слегка загромождена игрушками, но оставалась удивительно чистой, как для женщины с двумя детьми. Телевизор был выключен, а стерео наоборот играло. Барбара Стрейзанд пела о том, что любовь не знает возраста и она вечно молода. Что бы это ни значило.

"Я ценю, что ты делаешь это для меня, Билли", – сказала Анита. – "Окна так сильно загрязнились за зиму, а мне сложно подниматься по лестнице."

"Рад помочь", – убедил я её. – "С чего мне начать?"

Я взял лестницу из её гаража и начал с внешней стороны окон, двигаясь от одного к другому, стирая застывшую грязь, вытирая дорожную пыль и прочее дерьмо, что летает в воз-

духе и зимой скапливается на окнах.

Во время этого процесса, Анита оставалась в доме, хотя я и ловил порой её белые взгляды через стекло, когда она находилась в комнате, окна которой я в тот момент чистил.

Когда я замечал её, я начинал рассматривать её фигуру и представлять все возможности. Она была слегка пухловата, но в этом нет ничего плохого. Её кожа казалось нежной, её лицо красивым, а её прекрасная грудь попрыгивала, когда Анита ходила. Конечно, подросток никогда не признается, что хочет её, таков закон давления со стороны сверстников. Но у взрослого не было бы с ней никаких проблем. А я был, по большей части, взрослым.

Она махала мне рукой, когда замечала, что я смотрю на неё, или, на худой конец, улыбалась, но больше никакого флирта с её стороны не исходило.

Я начал сомневаться, правильно ли мой мозг всё запомнил. Не путал ли я свои фантазии во время мастурбации с реальностью?

Когда я зашёл в дом, чтобы помыть окна с внутренней стороны, хватило всего пары минут, чтобы я получил первый намёк. Я стоял на стремянке и чистил окно в гостиной, она пришла и предложила мне газировку. Когда она передавала мне банку, я внимательно посмотрел на Аниту. Она растянула верхнюю пуговицу рубашки, позволяя мне осмотреть грудь целиком. Я мог видеть весь объём её белой груди, скрывающейся под лёгким, кружевным бюстгалером. Я был

уверен, что до этого верхняя пуговица её рубашки была застёгнута. Я так же был уверен, как 15-тилетний не был бы, что она полностью осознаёт, какой она открывает мне вид. Она презентовала мне себя. Но зачем?

"Спасибо", – улыбнулся я, взял газировку и немного отпил, а затем протянул ей банку. – "Можете оставить газировку здесь?", – спросил я, указывая на кофейный столик рядом со стремянкой.

"Конечно", – ответила она, забирая банку у меня из рук.

Когда она наклонилась, чтобы поставить газировку, гравитация отделила её грудь от тела и оттянула рубашку. Наконец, у меня был хороший обзор. Когда она выпрямилась, она заметила, что я смотрел на неё, и я резко отвернулся, как сделал бы подросток. Зачем сразу раскрывать все карты?

Пока я двигался от окна к окну, я всё сильнее убеждался, что она отчаянно пытается показать себя. Зачем она это делает? Хочет поиздеваться над подростком? Или она хочет чего-то большего? Я не знаю. Несмотря на то, что мои воспоминания о её заигрываниях были верны, я вспомнил, что она так же не предпринимала настоящей попытки соблазнить меня. Что мне делать дальше? Как мне узнать её намерения?

Глава 2. Часть 12.

Пока я чистил окна, я также общался с двумя её детьми, помня о своём обещании Трейси. Дженнифер было четыре года, Райану – шесть. Я действительно любил детей, а эти

двое были ещё теми милашками. Я использовал все знания, что накопил за 32 года своей жизни, чтобы очаровать их. Они отвечали мне взаимностью, что очевидно, впечатлило Аниту.

"У Вас очень милые дети", – сказал я ей, и она лучезарно улыбнулась.

Но дети мешали мне узнать, насколько далеко Анита может зайти в своей небольшой игре. Она была внимательной и ответственной матерью. Инстинктивно я понимал, что она ничего не сделает, пока они здесь. Поэтому у меня появился план.

"В какое время вы с Дженни ложитесь спать?", – игриво спросил я Райана.

Он надул губы.

"В восемь, если завтра в школу", – сказал он. – "А мы в это время даже не устаём!"

"Вот облом", – сказал я ему, мысленно рассчитывая время. – "Мама такая вредина, да?"

"Ага!", – согласились они вдвоём и захихикали, от чего их мама тоже засмеялась.

Пока я чистил окна её спальни, она складывала вещи на кровати и общалась со мной. Она спрашивала о школе, и мне приходилось долго искать в голове ответы на её вопросы, потому что я провёл всего два дня в этом месте. Думаю, я не сказал ничего лишнего.

Когда я закончил с окном, я спустился с лестницы и взгля-

нул на дверь в ванную. Это была бы её ванная комната.

"Можно я воспользуюсь Вашей уборной?", – спросил я, направляясь к двери.

"Конечно", – ответила она, указывая мне рукой направление.

Я зашёл и закрыл за собой дверь. После того, как я опустошил мочевой пузырь, я застегнул штаны, нажал на смыв и использовал шум туалета, чтобы заглушить звук, с которым я открывал аптечку. Я заглянул внутрь, быстро осмотрев полки, наполненные аспирином, старыми антибиотиками и другими лекарствами.

Я нашёл то, что искал, на нижней полке. Квадратный пластиковый корпус с маленькими белыми таблетками и рядами розовых. Каждая таблетка была помечена днём недели. Розовые – это сахарные таблетки, они были там только для того, чтобы женщина сохраняла привычку принимать таблетки в течение своего цикла. Я взял флакон и улыбнулся, увидев, что она сейчас принимает таблетки, и что её месячные закончились неделю назад.

Мне пришлось бы придумать другой план, если бы она не принимала противозачаточные. И возможность предсказать её месячные – это бонус, на который я и не рассчитывал.

Когда я вышел из ванной, она складывала вещи в шкаф.

"Анита?", – спросил я, складывая лестницу.

"Да?", – она повернулась ко мне.

"Трейси будет сидеть с детьми в субботу, так?"

Она слегка приподняла бровь.

"Да", – согласилась она. – "Твоя мама сказала, что она будет."

"Ну", – начал я осторожно, – "дело в том, что у Трейси были планы на этот вечер, и мама их вроде как разрушила, вынудив Трейси сидеть с детьми."

Анита резко поменялась в лице.

"О, Боже мой, я понятия не имела, что у Трейси были планы. Если бы я знала, я никогда бы не стала просить твою маму", – она покачала головой. – "Она сказала мне, что Трейси будет рада посидеть с детьми."

"Ага", – согласился я. – "Это в стиле мамы."

"Ничего, я просто отменю свои планы", – объявила она. – "Не хочу, чтобы Трейси пропустила свою вечеринку. Особенно после всего того, что она сделала для меня. И вы, дети, никогда не берёте денег за то, что вы делаете."

"Вам не нужно отменять свои планы", – сказал я ей. – "Я поговорил с Трейси об этом, и я не занят в субботу. Я подумал, может быть, я займу её место. Таким образом, вы обе сможете пойти на ваши вечеринки."

"Ты?", – спросила она, сомневаясь.

"Почему нет?", – сказал я. – "Я люблю детей, они любят меня. Я смогу о них позаботиться. Мы хорошо повеселимся."

Потребовалось ещё несколько минут, но в конце концов я её убедил. Вскоре после этого я пошёл домой. Но я не оста-

нужно там надолго.

Когда я пришёл, мама с папой уже были дома. Мама готовила на кухне что-то, что пахло как стейк. Папа смотрел новости по телевизору. Я быстро с ним поздоровался и направился к маме. Она была авторитетна в вопросе, который я собирался обсудить.

Потребовалось десять минут и телефонный звонок Аните, но я получил её разрешение на то, чтобы сидеть с детьми вместо Трейси. Она сомневалась в этом, и я знал, что она, вероятно, будет звонить каждые десять минут, пока я буду там, но я смог её убедить.

С улыбкой на лице я направился наверх. Остановившись у комнаты Трейси, я постучал в дверь. За ней опять звучала какая-то подростковая группа. Музыка утихла и дверь открылась. Трейси смотрела на меня.

"Кажется, ты пойдёшь на вечеринку в субботу", – сказал я ей.

"Тебе удалось их убедить?", – спросила она, не веря в это.

"Как два пальца об асфальт", – убедил я её.

"Спасибо!", – завизжала она, притягивая меня к себе и крепко обнимая. Она отодвинулась назад и посмотрела на меня. – "Знаешь, Билли, порой ты не такой уж и придурок."

"Приму это как комплимент, Трейси", – сказал я, уходя.

Я зашёл в свою комнату и понял, что давно не был так счастлив.

Глава 2. Часть 13.

После ужина я пошёл наверх и принял душ. Тщательно помылся, почистил зубы и использовал большое количество ополаскивателя для рта. Я надел самые узкие штаны, какие только мог найти. Они сидели так плотно, что чувствовались, как вторая кожа. Затем я надел самый чистый свитер и причесал волосы. Я посмотрел на часы. 18:40. Есть ещё полтора часа. Я достал учебники и начал учиться.

В 20:30 я закончил всё домашнее задание и аккуратно сложил его в рюкзак. Я пошёл к комнате Трейси и постучался. Она открыла дверь.

"Трейси, можно я воспользуюсь твоим телефоном?", – спросил я.

"Конечно", – ответила она, рукой приглашая меня войти. Она делала свою домашнюю работу. Учебник по биологии и куча бумажек устлали стол. Сама Трейси была одета в джинсы и свободный свитер. Тот альбом с подростковой музыкой всё ещё играл.

Недавно я заглянул в записную книжку моей мамы и нашёл там номер Майка, который сам я, конечно же, не помнил. Я взял телефон Трейси и набрал номер.

Трубку взяла его мама и я попросил позвать Майка. Вскоре он подошёл к телефону.

"Ей, чел", – начал я. – "Я скажу родакам, что иду к тебе. Так что не звони мне."

"Без проблем, чувак", – заверил он меня. – "А что такое?"
"Да мне просто нужно свалить на время"

"Будешь делать что-то клёвое?", – спросил он, намекая на приглашение.

"Не-а", – ответил я ему. – "Просто съебусь ненадолго."

"Ну и ладно", – разочарованно сказал он, слегка надувшись, но, по крайней мере, теперь меня не спялят из-за его звонка. – "Увидимся завтра."

Когда я повесил трубку, Трейси вопросительно взглянула на меня.

"Куда намылился?", – спросила она.

"Отсюда", – сказал я ей.

"Просто отсюда?"

"Просто отсюда", – повторил я, намекая своим тоном, чтобы она не совала нос в чужие дела. Я направился вниз по лестнице.

"Мам, я пойду к Майку ненадолго", – сказал я, проходя мимо гостиной.

"Хорошо, дорогой", – отстранённо ответила она, её внимание было приковано к телевизору. – "Будь дома к десяти."

"Буду."

Спустя три минуты я уже стоял перед домом Аниты. Я заметил, что в гостиной всё ещё горел свет и мерцал голубой экран телевизора.

Я занервничал, размышляя о том, что я буду теперь делать. Это точно хорошая идея? Если я неправильно всё понял, то у меня будут большие неприятности. Возможно, меня даже заставят ходить к мозгоправу.

Но мой маленький друг уверял меня, что я делаю всё правильно. Даже в 32 года я прислушивался к нему больше, чем следовало бы.

Я подошёл к двери. После небольшой, испуганной паузы, я постучался.

Её голос послышался за дверью.

"Кто это?"

"Это Билли", – ответил я, не слишком громко, но достаточно, чтобы меня услышали.

"Билли?", – спросила она в недоумении.

Вскоре дверь открылась на 15 сантиметров, открывая мне Аниту. На ней был халат, облегающий её тело. На лице не было макияжа, а голова была обёрнута в полотенце, с торчащими тут и там волосинками.

"Здрасьте", – смущённо сказал я, даже не притворяясь. – "Могу ли я... Ну, поговорить кое о чём?"

"О чём?", – недоумевающе спросила она.

"Это личное", – ответил я ей. – "Могу я войти?"

"Эм..."

Она засомневалась на секунду, и это заставило меня поверить, что я совершил ужасную ошибку. Затем она сказала:

"Конечно, заходи."

Она распахнула дверь, позволяя мне зайти. Войдя в её гостиную, я закрыл за собой дверь.

Сейчас её гостиная была безупречно чистой. По телевизору шли новости. На кофейном столике возле дивана сто-

ял бокал вина. Взглянув на кухню, я заметил полупустую бутылку вина. Надежда вновь вернулась ко мне. Она пила.

"Присаживайся", – сказала она, смотря на меня. – "Тебе предложить что-нибудь выпить?"

"О, нет, спасибо", – ответил я, направляясь к дивану и садясь рядом с тем местом, где сидела она.

Она подошла и села рядом, её халат слегка задрался, позволяя мне быстро взглянуть на её молочно белые бёдра, прежде чем она прикрыла их тканью. Отпив немного вина из бокала, она взяла пульт и убавила громкость на телевизоре.

"Я не сильно помешал?", – нервно спросил я.

"Нет, вовсе нет", – ответила она, покачав головой. – "Я просто смотрела новости, ждала пока начнётся Даллас. Что-то случилось?"

"Ну", – начал я, – "это немного неловко, но..."

"Билли, что произошло?"

"Ну", – продолжил я, – "Мы вроде как хорошие друзья и я могу Вам доверять."

"Конечно ты можешь доверять мне", – ответила она.

"Но с моей матерью Вы тоже дружите", – сказал я. – "И мне бы очень не хотелось, чтобы она узнала о нашем разговоре."

"Если ты не хочешь, чтобы я рассказывала ей, я не буду", – заверила Анита. – "Считай меня своим доктором."

Глава 2. Часть 14.

На секунду я замолчал, обдумывая всё. Наконец, я сказал:

"Ладно, хорошо. Вы моложе моей матери, вы женщина и всё такое, и мне кажется, что Вы сможете это понять."

"Понять что?", – спросила она.

"У меня есть девушка!", – выпалил я.

Она улыбнулась.

"Это же прекрасно", – добродушно сказала она. – "Как её зовут?"

"Дебби", – назвал я первое имя, что пришло ко мне в голову. – "Мы встречаемся уже некоторое время и..."

"И что?", – спросила она.

"И, ну...", – я взял долгую паузу, тщательно обдумывая слова. – "И мы уже дошли до той стадии, когда она, ну, знаете, хочет заняться кое-чем."

Она подняла бровь и слегка покраснела.

"Чем заняться?"

"Ну, знаете", – сказал я. – "Типа, эм... сексом."

"Сексом?", – спросила она, краснея ещё сильнее.

"Да", – кивнул я.

"Билли", – строго сказала она, – "а ты не слишком молод, чтобы думать о сексе?"

Я посмотрел на неё в недоумении.

"Анита", – честно сказал я, – "только о сексе я и могу думать. Как много лет было Вам, когда Вы впервые, ну, знаете, сделали это?"

Она слегка облизнула губы.

"Окей", – улыбнулась она. – "Я понимаю. Так, говоришь,

она хочет заняться с тобой сексом?"

"Да."

"И ты хочешь заняться сексом с ней?"

"Больше всего на свете", – ответил я. – "Но, видите ли, я никогда, ну... Никогда не занимался, эм... сексом раньше."

"А она?", – спросила Анита.

"Думаю, что да", – сказал я. – "В этом и проблема. Я не знаю, как это делать."

"Ну, если она тебя любит...", – начала Анита.

"Любит?", – прервал я. – "Любовь здесь ни при чём. Я не люблю её, она просто моя девушка. Она ожидает, что я займусь с ней сексом, и я ей сказал, что уже делал это раньше."

"Ты солгал ей?"

"Да", – сказал я. – "Представляете, что будет, если все узнают, что я девственник? Я в старшей школе. Либо ты ведёшь себя как бабник, либо тебя будут считать педиком!"

Она взяла паузу, чтобы переварить сказанное, видимо, вспоминая о своих школьных годах. Обдумав всё, она слегка кивнула и вновь облизнула губы.

"Думаю, ты прав", – сказала она. – "И что ты хочешь от меня?"

"Можете рассказать мне, как делать это?", – я взглянул на неё с надеждой. – "Пожалуйста?"

"Рассказать, как делать это...", – повторила она себе под нос, ёрзая на диване.

"Да", – кивнул я. – "Чтобы я знал, как сделать вид, что

занимался этим раньше. Типа, что мне делать с её сиськами и... прочим? Как, ну, вставлять его? Как двигаться, когда я внутри неё? Такому нигде не учат! Дебби ещё та сплетница. Если я сделаю всё неправильно, на следующий день вся школа будет знать, что я девственник. Вы должны мне помочь!", – слёзно умолял я.

"Билли", – сказала она. – "Я понимаю твои опасения, но нельзя просто рассказать кому-то, как это делать. Единственный способ научиться – это, ну, попробовать несколько раз. Это то, что приходит с опытом."

"Но я сказал ей, что уже занимался этим! Она же узнает! Можете хотя бы немного рассказать, как делать это? Что насчёт прелюдии, например?"

"Прелюдии?", – спросила она.

"Да", сказал я. – "Я слышал, что нужна прелюдия. Я даже не знаю, что это такое!"

Она шокированно взглянула на меня и рассмеялась. Я покраснел, глубоко стыдясь.

"Забудьте", – разозлился я и встал с дивана. – "Я просто пойду домой."

"Нет, нет", – сказала она, сдерживая смех. – "Я не над тобой смеюсь, а над твоими словами. Прости."

Медленно я сел обратно на диван, заметив блеск в её глазах. Впервые я почувствовал, что делаю какой-то прогресс. Я заметил, что она оставила открытой часть своего халата, показывая мне её ноги до середины бедра. Она также оста-

вила открытым верх халата, раскрывая небольшую часть её груди и подтверждая мои догадки, что на ней не было лифчика. Видимо, я не ошибся, придя сюда.

"Слушай", – сказала она, – "занятие любовью состоит из многих вещей. Этому нужно учиться всю жизнь. Но ты просто хочешь сделать вид, что занимался этим раньше, так?"

"Да!", – подтвердил я.

"Окей", – сказала она, допивая вино и ставя бокал обратно на столик. – "Посмотрим, что я могу сделать."

"Спасибо!", – выпалил я.

Она сделала глубокий вдох.

"Скажи мне, как далеко ты заходил?"

"Ну", – начал я, – "мы много целовались и как-то раз она дала мне пощупать её грудь через футболку."

"Окей", – кивнула Анита

"И однажды она разрешила мне просунуть руку под её футболку. Но не под лифчик."

"Это всё?"

"Да."

"Но она намекала, что хочет большего?"

"Ага", – сказал я. – "Поэтому я и пришёл к Вам."

"Окей", – сказала Анита. – "Это останется между нами. Ни твоя мама, ни твои друзья, никто не должен узнать об этом разговоре. Ты понимаешь это?"

"Да", – сказал я, чувствуя, что грядёт нечто интересное. – "Я обещаю."

"Окей", – она улыбнулась, слегка откидываясь на спинку дивана. – "Я научу тебя, как заниматься сексом."

Глава 2. Часть 15.

"Я знал, что Вы поможете мне, Анита", – ухмыльнулся я, чувствуя, как поднимается мой член.

Блеск в её глазах усилился, соски затвердели, я видел их под тонкой тканью халата. Она двигала ногами вперёд и назад, сидя на диване. Она показывала отчётливые знаки возбуждения. Знаки, которые 15-тилетний бы не заметил, но для 32-летнего они были очень знакомы.

"Рада помочь", – сказала она мне. – "Итак, самое важное – это поначалу быть нежным. Девушкам не нравится, когда ты грубо с ними обращаешься. Если она разрешит тебе потрогать её грудь, не сжимай её, а ласкай."

"Ласкай?", – переспросил я.

"Да", – кивнула она. – "Прикасайся к груди нежно, словно она хрупкая, как яйцо. Помни об этом. Не разбей яйцо. Плавно двигай руками и не нападай сразу на соски. Пробеги по ним быстро пальцами. Легко прикасайся к ним. Это очень заводит девушек."

"Вау", – сказал я. – "Как-то так?"

Я поднял руки и грубо подвигал своим большим и указательным пальцем в воздухе.

"Нет-нет", – покачала она головой. – "Ты должен..."

Она взяла паузу, чтобы всё обдумать.

"Ну", – мягко сказала она, – "Думаю, будет проще, если

я покажу тебе."

"Покажите мне?" – спросил я, изображая смущение, но чувствуя, как мой член уже пришёл в полную боевую готовность. Да, я сделал это! Она собирается показать мне!

"Да", – сказала она. – "Повторюсь, тебе нельзя об этом никому рассказывать, но в образовательных целях, думаю, я смогу послужить тебе практическим примером."

"О чём Вы?" – наивно спросил я.

Она медленно раскрыла халат у груди, открывая свою шёлковую кожу. Её грудь была великолепна, размером с апельсин, лишь слегка свисала. Большие соски затвердели, желая, чтобы их потрогали и облизали.

"Дай мне руки", – сказала Анита.

Медленно я потянул к ней свои руки. Она взяла их и положила на свою грудь, позволяя мне почувствовать мягкую, упругую кожу. Твёрдые соски упирались мне в ладонь.

"Теперь ласкай их", – сказала она мягко, её глаза сияли. – "Представь, что я Дебби."

"Окей", – сказал я, изображая заикание.

Я принялся сжимать их и мягко ласкать пальцами мягкую плоть, кружась вокруг сосков, что были диаметром с монету. Я приподнял грудь в руках, ощущая вес, пробуя их, прежде чем вернулся к ласкам. Её взгляд смягчился, её дыхание участилось.

"Очень хорошо", – сказала она, подвигаясь ко мне ближе. – "Ты быстро учишься."

"Круто", – пробормотал я, продолжая свои действия. Я посмотрел вниз на её живот. Её кожа, слегка загорелая, казалась мягкой, несмотря на несколько растяжек. От её большого пупка шла вниз дорожка тёмного пушка. Я практически мог увидеть её промежность, но халат всё ещё прикрывал эту часть её тела.

"Может мне, ну, пососать их?", – спросил я Аниту. – "Девушкам это вроде как нравится."

"Они это обожают", – Анита тяжело дышала и направила ко мне плечи. – "Но это тоже нужно делать осторожно. Относись к ним, словно младенец. Представь, что сосёшь бутылку. Не присасывайся к ним, как пылесос."

"Можно попробовать?", – спросил я её. – "Убедиться, что я делаю это правильно."

"Думаю, да" – разрешила она, кладя свои руки на мой затылок.

Она направила мою голову к своей левой груди, губы соприкоснулись с мягкой кожей чуть выше соска. Я легко поцеловал её и направился ниже, беря её большой сосок в свой рот. Когда я начал нежно их посасывать, она застонала, её пальцы бегали по моим волосам. Я положил руки на её живот, скользнул за её спину и придвинул Аниту ближе к себе.

Я жадно вылизал каждый миллиметр её соска, прежде чем переместился к правому. Взяв сосок в рот, я сделал с ним всё то же самое.

Я оторвал свою голову от её груди.

"Так вот что такое прелюдия?", – спросил я её.

"Дааа", – простонала она. – "Но если ты действительно хочешь освоить прелудию, тебе нужно научиться кое-чему ещё."

"Чему?" – спросил я, лизнув сосок.

"Как вылизывать женщи... эм, девушку."

"То есть..."

"Тебе нужно научиться вылизывать киску", – сказала она.

"Вы научите меня?", – спросил я, глядя на её покрасневшее лицо.

"Да", – кивнула она и положила руки на мою макушку, направляя вниз.

Она раскрыла халат и расставила пухлые ноги, открывая промежность.

Она была покрыта ковриком густых, кучерявых чёрных волос. Её розовые губы, набухшие от возбуждения, выделялись в центре кустика. Её клитор выглядывал из своего капюшона. Густой, чистый аромат раскрылся предо мной, усиливая моё желание зарыться головой между её нежных ног. Я забыл про всё свои претензии и прильнул к ней, атакуя своим языком.

"Оххх!", – удивлённо застонала она, когда я двигал свой язык, лакая её сок. Она была прекрасна на вкус. Нет ничего лучше, чем вкус киски женщины, которая только что вышла из душа. Ничего!

Глава 2. Часть 16.

Я лизал вверх и вниз, внутрь и наружу. Руками она при-
двигала меня всё ближе, её голые ноги обвивали мою спину.
Я гладил её ноги, восхищаясь мягкой, шёлковой кожей.

Когда она начала взыматься, я перешёл к клитору, выли-
зывая его и, наконец, зассасывая. Она стонала так громко,
что я боялся, как бы соседи нас не услышали. Не то, чтобы
это останавливало меня.

Она кончила спустя всего лишь несколько минут, спро-
вождая оргазм громким криком. Её ароматный сок плеснул
мне в лицо, она вырвала несколько волосков из моей головы.

Когда она, наконец, успокоилась, я взглянул на неё. Моё
лицо мокрое, волосы торчат между зубов. По её лицу чита-
лось, что она не верила в то, что происходит.

"Я правильно всё делаю?", – спросил я, скользя пальцами
по её влажной промежности.

Она кивнула, не в силах говорить.

"Научите меня трахаться?", – спросил я, снимая с себя
свитер и кидая его на пол.

Спустя минуту я был уже полностью голым. Я двигал сво-
им пятнадцатилетним членом вверх и вниз по её влажной
киске. Она резко схватила мою задницу и подвинула к себе.

Я легко проскользнул в неё, чувствуя, как она сжимается,
как мои лобковые волосы встречаются с её. Хотя она и не бы-
ла такой узкой, как Дебби, она точно была более опытна. Её
бёдра поднимались, встречаясь с моими, она экспертно сжи-
мала свои мышцы. Она была замужем, в конце концов, она

умела трахаться. И она умела делать это хорошо, как быстро я понял, когда ускорил темп.

Её мягкий животик встретался с моим, когда я двигал тазом в её ритме. Её нежные бёдра соприкасались с моими, отблеки пота помогали мне скользить между ними.

Я наклонился, чувствуя, как её грудь давит на меня. Наши губы встретились, наши языки начали отчаянную борьбу, пока мы ублажали друг друга снизу.

"Трахни меня!", – закричала она, сжимая мою задницу. – "Я больше не могу, трахни меня!"

"О да", – сказал я, ударяя сильнее, чувствуя, как она поднимается, чтобы встретить новый толчок.

Она разделила наш поцелуй и посмотрела мне прямо в глаза, вглядываясь в мои черты. Руками она скользила по моим ногам, спине, рукам, играя с помими подмышками.

Её лицо исказилось, словно она поверить не могла в то, что происходит. Это заставило меня подумать, что я исполняю её фантазии. Она хотела трахнуть пятнадцатилетнего парня, и я исполнил её желание.

"Сильнее!", – скомандовала она. – "Выеби меня сильнее!"

Я ускорился, беспощадно ударяясь о её бёдра. Она вцепилась ногтями в мою спину и я понял, что она опять кончила. Она закричала от удовольствия, когда её нахлынул оргазм.

"Кончи в меня", – сказала она, задыхаясь. – "Кончи в меня! Я хочу почувствовать твою сперму внутри! О Боже, пожалуйста, кончи в меня."

"Хочешь этого?", – спросил я, остановившись на секунду.

"Даааа!" – ответила она, двигая бёдрами и сильнее сжимающая мой член внутри. – "Я хочу почувствовать, как ты кончаешь!"

"Тебе нравятся пятнадцатилетние мальчики?", – спросил я, ударяя и ударяя. – "Тебе нравится, когда они кончают в тебя?"

"Ооох!" – застонала она, засовывая палец мне в задницу и двигая им внутри.

"Нравится?" – спросил я. – "Скажи мне. Скажи, что тебе это нравится и я кончу."

"О Боже", – простонала она, добавляя ещё один палец, от чего мне становилось практически больно, но с тем же и невероятно приятно. – "Я обожаю это. Я всегда хотела трахнуть подростка! Я всегда хотела трахнуть тебя! Пожалуйста кончи в меняяяя!"

"Готовься, детка" – сказал я ей, усиливая свой напор. Я почувствовал, как волна пробежала по моей спине. Сейчас это произойдёт, это неизбежно.

Мои бёдра размякли, волна чистого удовольствия пробежала по моему телу, когда сперма раз за разом выстреливала из моего члена в её киску.

"Дааааа!" – закричала она, чувствуя, как я кончаю. Даже когда мой напор ослаб, её продолжался. Наконец, мы оба остановились, обессилив.

Мы целовали друг друга, скручивали наши языки, как по-

слевкусие хорошего секса. Она посмотрела на меня, в её глазах виделись сомнения и стыд.

"Ты была прекрасна", – сказал я, сжимая её левую грудь.
– "Абсолютно прекрасна."

"Что я наделала?", – сказала она не столько мне, сколько себе. – "Боже мой..."

Я наклонился и снова поцеловал её, слегка облизывая её губы.

"Ты ничего не сделала, Анита", – сказал я. – "Ничего. Просто дала своему другу Билли дружеский совет."

Она яростно замотала головой.

"Нет", – сказала она, отталкиваясь от меня.

Я выскользнул из неё влажным чавком. Её ноги всё ещё были расставлены, большая капля моей спермы вытекла из её промежности. Она быстро закрыла ноги.

"Боже мой, что же я наделала?.."

Я перекатился и встал.

"Повеселилась?", – спросил я, немного разминаясь.

"Поверить не могу!", – сказала она практически в слезах.
– "Ты же сын Маргарет, а я... Я воспользовалась тобой."

"Ничего подобного, Анита!" – сказал я ей.

"Нет, это так!" – настаивала она, слёзы лились из её глаз.

"Нет", – повторил я. – "Это я воспользовался тобой."

Глава 2. Часть 17.

Она покачала головой, захлопывая халат.

"Очень мило с твоей стороны, Билли, но ты пятнадцати-

летний ребёнок, а я взрослая женщина. Ты пришёл за помощью, а я... Я воспользовалась тобой, потому что у меня давно не было секса. Я позволила похоти овладеть мною и сделать нечто ужасное. Я..."

"Анита", – сказал я, сидя голый на диване, её сок и моя сперма высохали на члене. – "Нет никакой Дебби."

"Что?", – спросила она.

"Нет никакой Дебби", – повторил я. – "Это было моё оправдание, чтобы прийти сюда. А ещё я занимался сексом раньше, несколько раз. Разве ты не заметила?"

Она посмотрела на меня в замешательстве.

"Да, мне показалось, что ты слишком хорош, как для подростка", – призналась она. – "Но зачем ты сделал это?"

"Потому что я хотел тебя", – сказал я. – "Я лежал ночами в кровати и мастурбировал, думая о тебе".

"Правда?"

"Да", – сказал я. – "Постоянно. Я так давно хочу тебя. Мне казалось, что если я тебя хоть немного привлекаю, и если я, ну, знаешь, всё правильно сделаю, то ты займёшься этим со мной. Я пришёл сюда, надеясь, что то, что мы сделали, произойдёт. Я пытался всё продумать. Ты на меня должна злиться. Я солгал тебе, я обманул тебя. И мне жаль, что ты расстроилась из-за этого. Ты была лучше, чем я мог представить."

"Правда?" – спросила она, её глаза заблестели.

"Да", – кивнул я. – "Простишь меня за то, что я обманул"

тебя?"

"Конечно, Билли", – сказала она. – "Но мне всё ещё не стоило этого делать. Ты хоть представляешь, насколько это всё серьезно? Меня могут арестовать за то, что я сделала."

"Я никогда никому не расскажу об этом", – сказал я ей. – "Обещаю."

Она слегка улыбнулась, вытирая лицо.

"Пятнадцатилетние много чего обещают, и очень редко осознают последствия."

"Анита", – сказал я. – "Я не простой пятнадцатилетний парень. Я думаю о последствиях, я одержим последствиями. Хочешь услышать пример этого?"

"О чём ты?" – спросила она.

"Когда я был у тебя сегодня днём, я уже начинал всё планировать, но беспокоился о том, что ты можешь забеременеть. Это совершенно не то, чего я хотел. Поэтому я заглянул в твою аптечку и понял, что ты пьёшь противозачаточные. Только когда я нашёл твои таблетки и убедился, что ты их принимаешь, я решил прийти к тебе этим вечером."

"Ты и правда это сделал?" – спросила она, пялясь на меня тем самым Взглядом.

"Твои месячные закончились восемь дней назад."

"Боже мой", – сказала она, смотря на меня со смущенным уважением.

"Ну что, похоже на типичного подростка? Мне нравится продумывать вещи, прежде чем делать их, устраняя все воз-

возможные неприятности. Так что, зачем мне рассказывать кому-либо о случившемся? Это даст мне разве что минуту славы среди моих друзей, и то они мне не поверят, а только сделают вид. Это точно того стоит, я не хочу терять такого друга, как ты", – я посмотрел на неё искоса. – "Очень особенного друга."

"Вау", – прошептала она, взглядываясь в меня. – "Даже не знаю, что сказать. Это самый странный момент в моей жизни."

"Не сомневаюсь", – сказал я ей. – "Но тебе же понравилось то, что мы сделали?"

"Ну...", – начала она.

"Тебе понравилось?", – переспросил я.

"Да. Безумно", – призналась она и покраснела. – "Я лежала ночами в кровати и мастурбировала, думая о тебе. Но я и подумать не могла, что однажды мы на самом деле... Знаешь, ты такой хитрый ублюдок. Воплотил одну из моих фантазий, практически слово в слово."

"Говорят, я очень проникательный."

"Это я говорю."

"Давай просто согласимся, что это был приятный опыт для нас двоих. Мне понравилось заниматься сексом с тобой, тебе понравилось заниматься сексом со мной. Мы оба воплотили свои фантазии, и я никому не расскажу об этом. Никто даже не знает, что я сейчас здесь. То, что произошло, навсегда останется в тайне. Обещаю."

"Окей", – кивнула она, вновь улыбаясь, а затем поменялась в лице. – "Но нам не стоит это повторять. Это всё ещё неправильно."

"Как хочешь", – печально согласился я.

"Так будет лучше для всех."

"Хорошо. Но я же всё ещё буду сидеть с детьми в субботу? Не хочу разочаровывать Трейси."

"О, конечно", – сказала она. – "Без проблем."

"Отлично", – я встал с дивана. – "Ничего, если я воспользуюсь твоим душем, прежде чем пойду домой?"

"Моим душем?"

"Да", – сказал я. – "Не хочу, чтобы от меня пахло сексом, родители начнут задавать неудобные вопросы."

Она посмотрела на меня и удивлённо покачала головой.

"Хорошая мысль, Билли", – сказала она мне. – "Ты знаешь, где душ."

"Спасибо", – ответил я, собирая одежду с пола.

Я сделал всего десять шагов в сторону её спальни, как меня позвал её голос. Я повернулся, чтобы посмотреть на неё.

Она стояла, её халат свисал, открывая мне её грудь и промежность. Я почувствовал, как мой пенис вновь немного дёрнулся.

"Может, мне стоит пойти с тобой?", – предложила она, соблазнительно улыбаясь. – "Просто хочу убедиться, что ты хорошо вымоешься."

Мой член пошатнулся ещё сильнее.

"Безусловно."

Если у вас найдётся минутка, напишите, что особенно запомнилось в истории. Мне очень важно узнать ваше мнение: каждая мысль — это новый взгляд на мир, который я создавала. Ваш отзыв — мой компас в творчестве. Буду благодарна за пару строк!

Глава 3. Часть 1.

На следующий день в школе не произошло ничего интересного. Я сдал всю домашнюю работу крайне удивлённым учителям. Впервые они стали действительно замечать меня: чаще вызывали на уроках и были очень довольны, когда я давал правильные ответы. На уроках, на которых я уже успел себя показать, всё немного устаканилось.

Миссис Крукшанк задавала мне обычные вопросы по анатомии, но больше она не делала мне вызовов. Она не уходила от темы занятия, и вызывала меня не чаще, чем других своих любимчиков. Незаинтересованных учеников она продолжала игнорировать, как и меня раньше.

Учительница истории, напротив, словно боялась меня. Она ни разу меня не вызвала, но постоянно глазела в мою сторону, когда обсуждала спорную тему Гражданской Войны. Ради "нежных молодых умов" всю тему разделили на чёрное и белое, хороших и плохих. Она боялась, что я опять выступлю с ещё одной мини-лекцией. Но я сидел тихо, витая в своих мыслях, понимая, что она меня ничему новому не научит.

Сегодня вечер пятницы. Вечер, когда родители Майка разрешат ему взять машину. Он скажет им, что мы просто покатаемся по округе. Я помнил это, потому что он говорил подобное каждую неделю, и каждую неделю они верили ему.

На самом же деле мы ехали в парк возле водопада, где устраивались пивные вечеринки. За два бакса так можно было выпить столько пива, сколько влезет.

Вечер был прохладным, как обычно поздним февралём в восточном Вашингтоне, но погода оставалась хорошей. Звёзды и полная луна стояли на небе, освещая парк. Когда мы приехали, уже царила праздничная атмосфера. Мы заплатили деньги и наполнили первые пластиковые стаканчики холодным пивом.

Повсюду были дети от 14 до 18 лет, в группах по три, четыре, восемь человек. Они слонялись возле машин, сидели за столиками. Музыка играла из, как минимум, десяти магнитол машин и пяти бумбоксов, конфликтуя друг с другом.

Я взглянул на водопад, наблюдая, как с утёса льются миллионы галлонов воды, превращаясь в белую пену. Недалеко от этого места Трейси встретила свою судьбу. Надеюсь, эта встреча отменяется.

Я выпил пива в её честь, а затем присоединился к вечеринке.

Я пил пиво за пивом, чувствуя приятное опьянение. Сделал несколько застёжек косяков и трубок, что проходили мимо меня, увеличивая приятное опьянение до полной интоксикации.

Я слушал разговоры, которые, должен признать, были не таким уж и активными. Люди обсуждали рок-группы, машины, наркотики, драки, кто был сукой, а кто не был. Разговоры

были приправлены излишней незрелостью, особенно словом "блять", горячо любимым среди этой возрастной группы.

Меньше, чем через час, ко мне подошла девушка по имени Стефани. Худощавая, осветлённая блондинка, но привлекательная. Она тоже училась в старшей школе и была практически на два года старше меня. Она немного поболтала со мной, а затем перешла к теме.

"Слышала, у тебя что-то с Дебби", – спросила она, подкуривая сигарету. – "Это правда?"

"Нет", – ответил я. – "Мы просто друзья."

"Друзья?", – она хихикнула. – "Слышала, вы больше, чем друзья. Слышала, она прям напала на тебя в доме Райсина."

"И кто тебе это сказал?", – спросил я, потягивая пиво.

"Лонни", – ответила она. – "Ещё он сказал, что ты был не очень-то и против."

Я улыбнулся ей и посмотрел в глаза.

"Понятия не имею, о чём ты говоришь", – сказал я. – "Мы с Дебби немного пофлиртовали, но не больше. Сама знаешь, как распространяются слухи."

"Ага", – сказала она, выкинув сигарету и затушив её своими кедами. – "Знаю. Некоторые люди просто не умеют держать язык за зубами."

"Ага", – согласился я. – "Но некоторые умеют."

Меньше, чем через час, мы пошли на "небольшую прогулку" в лес рядом с парком. Мы сели у дерева, наблюдая за водопадом, шум фестиваля издали доносился до нас. Мы по-

целовались, что привело к моим рукам под её свитером, что привело к тому, что я снял с неё штаны, вылизал её киску на холодной земле. Я вытянул два оргазма из неё и достал из своего кармана презерватив.

Спустя минуту мои штаны уже были сняты, мой член в презервативе, и я входил в ещё одну узкую, подростковую киску.

Мы вернулись на вечеринку, идя рядом, словно два друга после обычной прогулки на природе. Выброшенный презерватив указывал место нашей неосмотрительности.

"Где ты был?", – спросил Майк, уже изрядно поддатый, когда я вернулся к нему.

"Эм", – сказал я абсолютно повседневным тоном, – "Да просто базарил с ребятами."

"Ну ладно", – кивнул он и вернулся к своему детальному описанию того, как он выебал одну девчонку и её сестру на похожей вечеринке. Парни уважительно выслушали его историю, а затем попытались её победить.

Я нервничал, возвращаясь домой с Майком, особенно когда мы на высокой скорости вырулили на ухабистую дорогу. На мне не было ремня безопасности, его тогда попросту не было, и меня кидало из стороны в сторону, когда он на поворотах превышал скорость чуть ли не в два раза.

Но меня успокаивал тот факт, что он делал так уже сотню раз в моей прошлой жизни, и ничего плохого не произошло. Я и так знал, что буду жить до 32-х лет. В каком-то смысле,

я был бессмертен, правда? Ну, может и не бессмертен, но точно неуязвим.

Эта мысль обрадовала меня, когда мы ехали в 23:30 (мы оба должны были быть дома к полуночи). Когда меня кидало из стороны в сторону, это казалось весёлым. Даже когда задняя часть автомобиля скользнула на повороте, я не получил прилив адреналина. Я попросту обрадовался мастерству Майка водить машину и спросил, есть ли у него с собой травка.

Глава 3. Часть 2.

Суббота начиналась прекрасно.

Я проснулся в лёгком похмелье после пива, зная, что если бы выпил столько же взрослым, то едва ли смог встать на следующий день. Боже, как прекрасна юность.

После завтрака я помыл посуду и убрал её (у моих родителей не было посудомоечной машины, и она появилась только после того, как я переехал), и тут зазвонил телефон. Ответила Трейси.

"Это тебя, Билл", – сказала она, будучи очень добродушной, как для Трейси. Циничная часть меня утверждала, что она делает это только потому что я сегодня сижу с детьми вместо неё, и она пытается быть милой. Но обнадёживающая часть меня верила, что она просто улучшила своё отношение ко мне.

"Привет?", – сказал я, ожидая, что это Майк.

Нет, не Майк. Это была Дебби.

"Привет, Билл", – сказала она. – "Как дела?"

"Откуда у тебя мой номер?", – спросил я, зная, что не давал ей его.

"Ну, у меня свои источники", – загадочно ответила она, а затем перешла к сути дела. – "Моих родителей нет дома... Может ты, ну, захочешь прийти?"

"К тебе домой?", – спросил я.

"Ну, да", – сказала она. – "Если ты не занят."

"Не занят", – ответил я, улыбаясь. – "Когда мне подойти?"

Я использовал весь свой шарм на маме, чтобы выпросить несколько баксов, хотя мне и пришлось выдержать одну из её лекций о ценах. Вскоре я направился к двери. Я остановился в магазине и купил ещё одну упаковку презервативов. Через двадцать минут я был в доме Дебби.

Мы не заморачивались с прелюдией. Уже через десять минут мы раздевались в её спальне. Она умоляла меня снова вылизать её, как в доме Райсина, и я немного поддразнил её, говоря, что я не хочу нарушать закон.

Наконец, я зарылся лицом между её бёдрами бедрами. Затем оттрахал её, надев презерватив, конечно же. Я научил её основам минета и остановил перед тем, как я кончил бы ей в рот, потому что хотел снова трахнуть её.

Я показал ей превосходную позу для женщины, и она быстро уловила суть, поняв, что если она будет определённым образом тереть себя, то словит кайф.

"Видишь", – сказал я после того, как во второй раз кончил

в презерватив, – "ты можешь делать это с любимым парнем и не надеяться на его навыки. Достаточно только заставить его не кончать до тех пор, пока ты сама не кончишь."

Её голое, потное тело упало на моё, её грудь упиралась в мою, руками я водил по её твёрдой заднице.

"Но", – сказала она, – "как мне заставить их не кончать? Я мало с кем занималась сексом, но каждый раз парень кончал чуть ли не меньше, чем через минуту."

"Сначала отсоси ему", – советовал я, зная, что делаю её будущего любовника крайне счастливым. – "Используй то, чему я научил тебя, когда ты сосала мне. Потом прикажи отлизать тебе. Скажи, что он ничего не получит, пока не вернёт должок."

"Вау", – сказала она, слизывая языком пот с моей шеи.

Я чувствовал, что снова завожусь. Боже, как прекрасна юность!

"Пока он отлизывает тебе, у него снова встанет, но он не кончит так быстро, потому что недавно сделал это. Ты сможешь продержат его достаточно долго, пока не кончишь сама", – я похлопал её по заднице. – "В этом же и суть, правда?"

"Ага", – ответила она, скручивая свой язык с моим.

После полудня я вернулся домой и завалился спать. Мои яйца приятно болели, сообщая, что ими слишком часто пользовались. Я принял душ перед тем, как ушёл от Дебби, и у меня оставалось немного времени до того, как я пойду сидеть с детьми. Проснувшись, мне оставалось только надеть

чистую одежду, причесать волосы и, конечно, почистить зубы, избавившись от запаха киски изо рта.

Когда я направился к выходу, я заметил, что Трейси уже собирается на свою вечеринку. Она надела самые узкие джинсы и обтягивающий свитер. Она улыбнулась, когда я прошёл мимо.

"Идёшь к Аните?", – спросила она.

"Ага", – кивнул я. – "Повеселись сегодня."

"Повеселюсь", – сказала она. – "И снова спасибо тебе."

"Рад помочь, Трейси", – ответил я, направляясь к лестнице. – "Рад помочь."

Глава 3. Часть 3.

На Аните было красное платье, подчёркивающее два её достоинства. Её пухлые ноги прикрывали тёмные колготки. Она взглянула на меня, когда я вошёл в дом, и слегка покраснела.

"Отлично выглядишь", – похотливо сказал я ей. – "Ты точно хочешь идти на вечеринку сегодня?"

Она захихикала, словно подросток.

"Меня там ждут", – ответила она. – "Да и дети не спят."

"Конечно", – кивнул я и повернулся к детям, что играли на полу с машинками. Заметив меня, они завизжали и побежали ко мне.

"Но иногда", – задумчиво сказала она, – "иногда девушке может стать плохо и она будет вынуждена вернуться домой пораньше. Скажем, в девять вечера."

"Правда?", – улыбнувшись спросил я, думая, способен ли мой член на ещё одно представление после Дебби.

"Правда", – сказала она и повернулась к детям. – "Поцелуйте мамочку, ей нужно уходить."

Она вернулась в десять минут десятого, сразу после того, как я уложил детей спать. После небольшого распроса по поводу их самочувствия, она подошла ко мне и взяла мою руку. Она повела руку под своё платье, скользя за капроновые колготки к основанию своих ног. Я чувствовал влажность и тепло от её промежности.

"Чувствуешь, какая я мокрая?", – спросила она, скрепя ноги и уводя мою руку, давя на свои чувствительные места.

"Да", – ответил я, в моём рту слегка пересохло.

"Это от мыслей о тебе и о всём, что я собираюсь с тобой сделать", – сказала она мне.

"Отлично", – вздохнул я.

"Почему бы тебе не снять с меня колготки?", – спросила она, откидывая свои туфли. – "Мне не помешало бы проветриться."

Как она и сказала, я опустился на колени перед ней и снял колготки, и пока я делал это, она накинула на меня подол своего платья.

Её голые ноги и промежность были прямо перед моим лицом, шёлк платья ласкал мне спину. Влажный, насыщенный запах ударил мне в нос. Из её киски сочилась влага. Она рас-

ставила ноги и приблизилась, руками притянула мою голову к своей промежности.

Я вылизал её до оргазма, её ноги стали ватными, когда она кончала, и ей пришлось опереться на мои плечи.

Затем она толкнула меня на пол, стащила ботинки с моих ног, штаны и нижнее бельё. Она раздвинула платье рядом с моими бёдрами и села на мой напряжённый, очень напряжённый член.

Медленно она опустилась на мой член, вбирая его своей влажной киской, и задвигала бёдрами вверх и вниз.

Должен признать, она подарила мне один из лучших сексов в моей жизни, до и после моей переработки.

Интересно, почему её муж развёлся с ней? Вряд ли он смог найти кого-то лучше. Может кого-то красивее, но точно не лучше в постели.

В ту ночь я пришёл домой около половины одиннадцатого и сразу завалился спать. Моя промежность пульсировала с ударами сердца, у моего члена было уже привычное влажное чувство.

Я уснул с улыбкой на лице, поблагодарив Бога за мистера Ли, и за то, что я не был в приподнятом настроении той ночью и не пожелал, чтобы я был хот-догом от Oscar Mayer или что-то подобное. Ещё никогда в жизни у меня не было так много секса за такой короткий промежуток времени. И с тремя разными девушками! Перед сном я подумал о том, что принесёт завтра.

Я быстро уснул. Всё моё тело ныло и болело.

Так как воскресенье – это, в конце концов, День Господень, я провёл весь день дома. Это был день отдыха. А завтра была школа.

Глава 3. Часть 4.

Плохая погода вернулась в понедельник, когда я шёл в школу. Температура держалась около нуля, снежинки падали на нас с Майком. Он всё рассказывал, как хорошо прошла пивная вечеринка в пятницу, и что мне следовало пойти туда в субботу.

"Чувак, я тебе отвечаю, там было столько сучек", – заявил он.

"Да?", – ответил я, смахивая с глаза снежинку и затягивая капюшон посильнее.

"Ещё как блять!", – ответил он. – "Я нажрался с одной девчонкой из старшей школы и она мне отсосала за деревом."

"Отсосала?", – спросил я, словно меня это волновало. Интересно, Майк вообще хоть раз трахался?

"О да", – продолжал он. – "Отвечаю, она сосёт как ёбаный пылесос. Будь ты там, тебе бы тоже дали."

"Я жду свою единственную", – сказал я ему.

Он удивлённо взглянул на меня, а затем рассмеялся, поняв, что это шутка.

Я не рассмеялся в ответ и продолжил идти в тишине. Я волновался за Майка. Я знал путь, по которому он идёт, и любая моя попытка как-то повлиять на него проваливалась.

Мне хотелось помочь ему, отгородить от жизни 33-летнего неудачника, живущего с родителями и не работающего на одном месте больше года.

Разве он не хотел жениться и завести детей? Разве он не хотел того же, что и другие? Та жизнь, что есть у него, это же не то, о чём он мечтал, правда? Но я даже не знал, с чего начать. У него тяжелый характер. Характер независимого человека с улицы, который никогда не прислушается к чужим советам. Как достучаться до такого человека? Особенно если он всю жизнь был главным в вашей дружбе. Я без понятия, и надеюсь, что однажды ко мне придёт ответ. Пока что ответ укользал от меня.

"Смотрите кто вернулся!", – сказал Майк, когда мы подошли к школе.

Я посмотрел в ту сторону, куда он показывал, и увидел Ричи Фэрвью с его друзьями, что стояли на своём привычном месте возле парковки для велосипедов. На том же самом месте, с которого я отправил его в больницу. Даже издали я видел шину на его носу. На нём было плотное пальто, но я уверен, что под ним его грудь перемотана. Я слышал очень характерный хруст, когда ударил его.

"Ну и ну!", – улыбнулся я и повернулся в их сторону.

"Отхуяришь его опять?", – спросил Майк с небольшим страхом в голосе, но уже не так, как прежде.

"Если он сам будет нарываться", – ответил я, направляясь прямо к нему.

Нужно понимать, что для меня Ричи – это не просто Ричи. Это воплощение всех задир, всех тупых агрессоров, что доставали меня с первого класса. Квитессенция задир до и после Ричи.

Застенчивый, поддатливый ребёнок – я был для них лёгкой добычей. И они оставили у меня сильное впечатление, что я не осознавал в полной мере до того, как не встретил Ричи в мой первый день. Ричи воплощал собой всех, кто когда-либо говорил мне недоброе слово или задирали. Обыгрывая его на его же поле, я обыгрывал всех своих внутренних демонов, формирующих мою прошлую жизнь. Я хотел навредить ему, опустить его настолько низко, насколько смогу, чтобы задир больше не считали Богами.

Его друзья нервно захихикали, когда я подошёл, шепча что-то ему, а он нервно шептал в ответ. Сам факт, что он стоял во главе, несмотря на своё прошлое поражение, говорил о многом. Он точно сказал им, что собирается отомстить за подлое нападение на него. Они трепетно ожидали его мести. Я же был уверен, что никакой мести не будет. Все Ричи мира не очень хороши в продумывании вещей.

"Эй, хуесос!", – крикнул я ему, когда подошёл достаточно близко. – "Что тебе в больнице сказали?"

"Иди нахуй, уёбок!", – закричал он, подойдя чуть ближе, вновь показывая свои намерения только голосом.

Если бы он хотел подраться со мной, он бы сразу набросился. Но он не сделал этого. Он лишь подходил ближе, на-

деясь, что я испугаюсь и убегу. Когда я не сделал этого (и для меня остаётся загадкой почему он вообще решил, что я так сделаю, после нашей-то последней встречи), он замедлился, его мозг пересматривал стратегию. В тот момент я понял, что уже выиграл.

"Это ты так оскорбил меня?", – сказал я ему в ответ, подходя ближе. – "Думаешь, твои друзья впечатлены этим? Это не так. Это пустая болтовня. Если ты хочешь впечатлить своих друзей и восстановить репутацию, тебе нужно надрать мне задницу. Ты же это им обещал?"

"Да, я собираюсь надрать твой ёбанный зад!", – зарычал он, сделав неуверенный шаг вперёд.

Я засмеялся.

"Ой, правда что ли? Рискни", – я сделал рукой приглашающий жест. – "Надри мне задницу. Я хочу посмотреть на это."

Он смирно стоял, его лицо пылало от ненависти и стыда. Он хотел сделать что-то, но прекрасно помнил, чем это закончилось в прошлый раз.

"Я жду", – сказал я с нетерпением. – "Ты собираешься надрать мне задницу или как? Она прямо перед тобой. Действуй."

Он оставался неподвижным, его тело тряслось от ярости, и как же приятно было на это смотреть. Ещё приятнее, чем побить его.

"Ага, конечно", – сказал он наконец. – "Чтобы ты мой на-

стучать и меня бы посадили."

"Ой, я тебя умоляю", – выпалил я. – "Раньше тебя это не пугало. Почему ты просто не признаешь это? Ты боишься меня. Ты меня и пальцем не тронешь, даже если я опущу руки и закрою глаза. Больно было получить по морде, да? И ты не хочешь повторять этот опыт. Ты понимаешь, что если попытаешься, то тебя опять скорая увезёт."

"Иди нахуй!", – крикнул он практически в слезах, находясь на грани срыва.

Я покачал головой. Его друзья смотрели на него, в их глазах был страх.

Я плюнул, слюна приземлилась на его ботинок.

"Меня тошнит от тебя", – сказал я. – "Если захочешь подраться – найди меня, и мы подерёмся. Но если ты опять начнёшь слать меня нахуй, я не буду таким милосердным. Как я и говорил, это всё пустая болтовня. Хочешь действий – ищи меня. Не хочешь действий – не открывай свой ёбаный рот."

Я повернулся и пошёл в школу, Майк последовал за мной. Повернув к Ричи спину, я знал, что мне нечего бояться. Я знал это.

Глава 3. Часть 5.

Обед. В прошлой жизни я обычно ел один, потому что у нас с Майком разное расписание. Но теперь я находился в центре внимания. Люди подходили ко мне, хотели поболтать о чём-то. Как я понял, я становлюсь популярным, но не уве-

рен, что мне это нравится. Опять же, мне 32 года, не 15. Их разговоры мне не особо нравились.

Выслушав за пять минут большое количество глупых историй о сучках, машинах и наркотиках, я зашёл в кафетерий. Кафетерий всегда был наполнен самыми преуспевающими учениками. В тёплом воздухе витал аромат спагетти. Отовсюду были слышны разговоры и грохот пластиковых лотков по деревянным столам.

Я стоял возле дверного проёма, осматривая помещение и пытаюсь найти место, куда бы я мог сесть. Множество учеников, что были здесь, ходили со мной на те же занятия. Они всегда игнорировали меня, потому что я отличался от них, и у меня нет желания дружить с ними. С буррито и газировкой в руках я сканировал место и, наконец, заметил одинокую фигуру, сидящую в конце команты.

Это Нина Блэкмур, будущий врач неотложной помощи. Как обычно, она сидела одна, ела со своего подноса и читала книгу. Мы с Ниной учились вместе не только в старшей школе, но и в средней, и в младшей. Она появилась в нашей школе, когда я был в третьем классе, новенькая ученица откуда-то. Это, в сочетании с шепелявостью, что была у неё в то время, обрекло её на непопулярность. Она всегда была объектом шуток, хотя в младшей школе они были куда ужаснее. Третий, четвертый и пятый класс необычайно жестоки к детям, что отличаются от других.

Я сам был виновен в этом. Придумывал обидные рифмы к

её имени, высмеивал её, называл уродиной, издевался над её шепелявостью насколько жестоко, насколько способен четвероклассник. В средней школе она ходила к логопеду и избавилась от шепелявости, но это не сильно помогло. Она была аутсайдером, не принадлежала ни к какой группе, обреченная быть одна до колледжа. Уже потом она проявит себя, зарабатывая 130 тысяч долларов в год.

Но школьные годы навсегда оставят след на ней. Я знал её как фельдшера, часто перевозил пациентов в отделение неотложной помощи, где она работала. Среди фельдшеров и медсестёр у неё была репутация хладнокровной, мстительной суки. Она была тем врачом, который сомневался в каждом решении парамедика и фельдшера, независимо от результатов пациента. И она всегда делала мне самые резкие замечания. Я понимал, что это из-за того, что мы вместе учились и я издевался над ней в младшей школе.

Типичным примером её гнева является то, что произошло почти за год до моей переработки, в холодный январский день. Меня отправили на вызов к ребёнку с приступом в центр города. Парамедики не сильно волнуются по поводу таких вызовов к детям. Обычно у ребёнка либо есть история болезни, либо припадок возникает из-за высокой температуры. Приступы, как правило, не опасны для жизни.

Тем не менее, когда я вошёл в дом вместе с моим напарником и командой из Пожарной Безопасности Споканы, я взглянул на этого ребёнка и понял, что имею дело с чем-то

большим, чем просто приступом. Ребенок, которому было лет десять, лежал на ковре возле дивана. Его кожа была синей, словно полицейская форма, и он не дышал. Его пустые глаза выпучились. Он лежал неподвижно.

Была короткая секунда паузы, за которую мы все включили этот режим – режим это-действительно-чрезвычайная-ситуация. И тогда все глаза в комнате обратились ко мне, к фельдшеру, человеку, ответственному за весь этот беспорядок, ожидая, когда я скажу им, что делать

"Начинайте искусственное дыхание", – крикнул я одному из пожарных, она быстро открыла сумку и достала оборудование.

Я опустился на колени рядом с ребёнком и нащупал пульс на сонной артерии. Пульс есть, но слабый и очень медленный. Что, чёрт возьми, происходит? Я задумался, пытаюсь всё понять. Десятилетний ребёнок не может вот так внезапно рухнуть и умереть от приступа. Здесь что-то не так.

Глава 3. Часть 6.

Мать была, по понятным причинам, в абсолютной истерике, но, пока я открывал дыхательный мешок и настраивал трубку, она сказала мне, что услышала странный шум и, войдя в комнату, увидела, что её сын лежит на диване в припадке. Это продолжалось некоторое время, а затем он просто остановился, как раз перед тем, как мы приехали. Больше он не дышал.

Она сказала, что у него до этого не было проблем со здо-

ровьем. У него не было температуры, он был в полном порядке, когда она говорила с ним буквально за десять минут до того, как случился приступ.

Пока я доставал трубку для дыхания и ларингоскоп, пожарник начала делать искусственное дыхание ребёнку, проталкивая воздух в его лёгкие. Пока она делала это, мой напарник подключил ребёнка к нашей машине ЭКГ. Я быстро взглянул на показатели. Его сердце билось 30 раз в минуту, замедляясь с каждым ударом. Какого чёрта?

У пожарника, которая делала искусственное дыхание, похоже, возникли проблемы.

"Воздух не проходит", – сказала она мне. – "Он просто выветривается."

Вооруженный этой информацией, я снова осмотрел комнату. По включённому телевизору шли мультики. Полусъеденный хот-дог лежал на кофейном столике. Внезапно, над моей головой словно загорелась лампочка.

"Он ел?", – спросил я у матери.

"Да", – всхлипнула она, скрестив руки. – "Я только что дала ему обед."

"Блять", – пробормотал я, пазл начинал складываться воедино. – "Прекратите искусственное дыхание и подпустите меня."

Пожарник отступила в сторону, а я достал свой ларингоскоп. Я лёг на пол рядом с его головой, поместил лезвие в его рот и отодвинул язык. Лампочка на конце лезвия подсветила

мне его дыхательные пути. Они были заблокированы большим куском розового хот-дога.

"Мэтт, дай мне щипцы", – сказал я своему напарнику.

Он передал мне длинные щипцы, созданные специально для удаления инородных тел из гортани. Я никогда не использовал их раньше, подобные вызовы очень редко происходят, но щипцы работали как надо.

Я вытащил кусок мяса из его горла, освободив его голосовые связки и трахею. Секунду я подождал, надеясь, что он сам начнёт дышать. Когда этого не произошло, я взял дыхательную трубку и вставил её в голосовые связки. Пожарник присоединила дыхательный мешок поверх трубки и начала проталкивать чистый кислород в его лёгкие.

Его кожа заметно порозовела, а его пульс поднялся до ста ударов. Когда мы поместили ребёнка в машину скорой помощи, его глаза уже были открыты, и он явно был не очень рад проснуться и увидеть гигантскую трубу в своём горле. В госпитале я убрал трубку, потому что он уже дышал сам по себе. Он был слегка в замешательстве, но мог говорить.

Когда мы привезли его в приёмное отделение Нины, я сиял от радости, довольный, что смог выполнить свою работу. Довольный, что несмотря на кучу бессмысленных вызовов, один раз я всё же понадобился. Я помог, я что-то изменил.

И что же скажет добрый доктор Нина, услышав о нашем прогрессе на вызове?

"Нужно было попробовать сделать абдоминальные толч-

ки, прежде чем приступить к щипцам", – холодно сказала она. – "Или ты пропустил эту часть в школе?"

Она даже наступала на меня, и мне пришлось объясняться перед руководством. Мне сделали выговор и занесли этот случай в моё личное дело, потому что я не попробовал сперва менее опасные методы очищения дыхательных путей.

Справедливости ради, медицинский руководитель попытался извиниться, когда подписывал бумагу. Он пробубнил что-то про цель, которая оправдывает средства, и объяснил, что "некоторые доктора", похоже, затаили обиду на весь мир.

Несмотря на то, что я всё ещё злился на неё, – она всё-таки превратила важнейший момент в моей карьере в дисциплинарную процедуру, – я даже тогда понимал, что частично виноват в том, что произошло.

Я понял это ещё лучше, увидев её сейчас в столовой, сидящей в одиночестве и читающей книгу, ковыряясь в спагетти на тарелке. В конце концов, опыт с Ричи был ещё свеж в моей памяти. Чем её поступок отличается от того, что сделал я? Мы оба напали на воплощения страданий своего прошлого. Мы оба подчинились своей человеческой природе.

Слишком ли поздно для Нины? Я задумался, глядя на неё. Нанесён ли ей уже ущерб?

Я глубоко вздохнул и направился к ней.

"Ничего, если я присяду?", – спросил я, подойдя к ней.

Глава 3. Часть 7.

Она посмотрела на меня с подозрением в глазах, возмож-

но, подумала, что я опять собираюсь издеваться над ней, словно в младшей школе. Ожидая ответа, я смотрел на неё, удивляясь силе внушения. С третьего класса Нину называли уродиной. Это был признанный факт, среди тех, кто называл её уродиной. Но самое смешное, что это было далеко от правды.

Она была худощавой и с маленькой грудью. Поздно расцвела, как я уже говорил. На её лице не было макияжа, но оно было гладким и в какой-то мере действительно красивым. Её коричневые волосы не были уложены, но это всё ещё обычные волосы. Её называли уродливой и, вероятно, она чувствовала себя уродливой, потому что в третьем классе мы все согласились с этим.

Ещё её называли тупой. Заблуждение, построенное на том, что она ни с кем не разговаривала. И я тоже так заблуждался. Конечно же она была далеко не тупой. Человек с низким интеллектом не пройдёт через четыре года колледжа, четыре года медицинской школы и два года ординатуры. Может, стоит завести с ней осмысленный разговор?

Я посмотрел на книгу, которую она читала. "1984" Джорджа Оруэлла. Очень глубокая и тяжелая книга.

"Пожалуйста?", – спросил я снова. – "Я не кусаюсь."

Её взгляд смягчился, словно говоря, что она на время откладывает своё осуждение.

"Конечно", – сказала она наконец.

Я сел на скамейку напротив неё, поставил на стол свою

еду, напиток и салфетку.

"Это хорошая книга", – сказал я, кивая на обложку. – "Я читал её несколько раз. Заставляет задуматься."

Она кивнула, ничего не сказав, и продолжила смотреть на страницу. Подозрение так и исходило от неё. Может, уже действительно слишком поздно.

"А ещё", – продолжил я, – "это самая депрессивная книга, какую я только читал. Ты в первый раз её читаешь?"

"Нет", – ответила она мягко, – "я читала её раз пять или шесть."

"Тогда ты понимаешь, о чём я. Основная мысль в том, что всё контролируется. Всё. Война – это лишь шоу, прикрытие для людей, чтобы они не могли развиваться сами. История постоянно переписывается, чтобы контролировать то, как люди мыслят. Даже сопротивления, на самом деле, не существует. Когда их ловят и ты узнаёшь, что о них знали всё это время...", – я покачал головой. – "Очень тяжелая мысль, очень депрессивная книга. Но одна из моих самых любимых."

Теперь она смотрела на меня, в её взгляде было замешательство и небольшое любопытство.

"Это тоже одна из моих любимых книг", – осторожно сказала она, словно ожидая, что я начну смеяться над ней или пародировать шепелявость.

"Ты когда-нибудь задумывалась", – сказал я, – "что всё это может происходить прямо сейчас? Что мы, словно про-

лы, даже не осознаём этого? Насколько сложно с современными технологиями переписывать историю, контролировать медиа и следить за всеми?"

"Совсем не сложно", – сказала она, впервые откладывая книгу в сторону, показывая свой осторожный интерес. – "Порой мне действительно кажется, что это происходит так или иначе. Может, я просто параноик."

"Нет", – я покачал головой, – "я уверен, что самые умные люди знают, что ты понятия не имеешь, что происходит, как всё на самом деле работает. Мне кажется, они ведут себя совершенно не так, как нам рассказывают на уроках политологии."

Она улыбнулась, обнажив свои белые, идеальные зубы. Странно, что я этого раньше не замечал. Наверное, потому, что я никогда не видел её улыбки. Интересно, хоть кто-нибудь видел?

Мы продолжили говорить о других книгах Оруэлла. Кроме "1984" я читал только "Скотный двор", а она прочла все. Она ясно и доступно объяснила мне их завязку и основную мысль. Когда она начала говорить со мной, я заметил, что её речь весьма зрелая, а её взгляды тщательно продуманы. Я практически забыл, что говорю с подростком. Не успел я оглянуться, как обед уже закончился, и пришло время идти на следующий урок.

"Приятно было поболтать с тобой, Нина", – сказал я, будучи абсолютно честным.

"Спасибо", – удивлённо прошептала она, заметно покраснев.

"Может, увидимся завтра?", – спросил я с улыбкой. – "Приятно разговаривать с человеком, который похоже мыслит, правда?"

"Да", – она согласилась кивком. – "Я буду здесь завтра, если ты, ну, захочешь ещё поболтать."

"С радостью", – сказал я, махая ей рукой на прощание и направляясь к двери.

В приподнятом настроении я шёл один по переполненным коридорам, проходя мимо группы людей, что направлялась на водительские курсы. Я думал, что, возможно, Нина всё же немного смягчилась. К тому же, мне действительно понравилось болтать с ней. Как там говорится, в тихом омуте черти водятся? Это было про неё.

Осталось только понять, как я могу повлиять на Майка. Если бы только разговоры могли помочь ему сойти со своего пути...

Погружённый в свои мысли, я не заметил, как оказался за спиной Ричи Фэрвью. Он был вместе с двумя своими друзьями и пытался, в своей идиотской манере, завязать разговор с группой чирлидерш, что шли в том же направлении.

Заметив это, ко мне вернулась вся злоба к Ричи и задирам в целом. Он не знал, что я иду за его спиной, но скоро узнает. Я сделал подножку, когда он только собирался сделать шаг вперёд. Он отступился и упал на пол коридора, приземлив-

шись на колени и руки. За этим последовал хор довольного смеха со стороны чирлидерш.

Ричи резко перевернулся и встал на ноги, подняв кулаки, готовясь сказать что-нибудь оскорбительное. Затем он увидел, кто стоит перед ним, и застыл.

"Под ноги смотри, придурок", – бросил ему я, проходя мимо. – "А не то поранишься."

Я не оглянулся на него, просто продолжил идти по коридору на свой урок. Сзади меня чирлидерши всё ещё хихикали. На меня не нападут со спины, я знал это. Улыбка сияла на моём лице, когда я зашёл в нужный мне кабинет, готовый учиться основам вождения.

Глава 3. Часть 8.

На следующий день, когда мы с Майком шли в школу, на нашем пути не было ни Ричи Фэрвью, ни кого-либо из его банды. Видимо, они выучили свой урок. Мне удалось обезопасить беспомощных ребятишек. Ричи, наверное, теперь утонет в шутках над ним, особенно после того, как я уничтожил его главное оружие – репутацию. В каком-то роде, это было даже печально. На самом деле, я с нетерпением ждал ещё одной конфронтации с этим тупым идиотом.

Ну что же, в мире есть ещё куча задир, которые так и ждут своего часа. Мне начинает казаться, что я в каком-то роде супергерой. Сражающийся за права обделённых, борющийся со злом герой, чьё имя почитаемо всеми. Интересно, могу ли я заставить Ричи отдать деньги тем детям, которых он огра-

бил? Так и представляю, как я приказываю ему отдавать по доллару в день каждому ребёнку, которого он ограбил. И если он хоть раз нагрубит им, они могут обратиться к ВЕЛИКОМУ БИЛЛИ за справедливостью.

Я стоял возле своего шкафчика рядом с Майком и прогонял через себя все эти мысли, когда мои инстинкты внезапно предупредили меня об опасности.

Может, это моё периферическое зрение заметило проблеск тёмной фигуры, что приближалась ко мне. Может, это мои уши слышали ускоренные шаги. Может, это было что-то вроде шестого чувства.

Все мои инстинкты, что выработались за годы на улицах, в унисон предупреждали меня, что сзади кто-то приближается. Я среагировал быстро, но недостаточно быстро.

Я резко повернулся, подняв кулаки, и увидел, как на меня замахивается Ричи Фэрвью.

Рукой я закрыл голову, предполагая, что именно туда он и ударит. Из-за этого удар, нацеленный на мой живот, пришёлся на левый бок, выбивая воздух из моих лёгких. Это было больно, но всё же не настолько плохо. Я всё ещё стоял, и настало время расплаты.

Его правая рука вернулась на место, готовясь нанести ещё один удар. Я сделал шаг вперёд и схватил его запястье, когда он пытался сделать второй удар.

Я крепко сжал запястье и потянул к себе, намереваясь повернуть его и толкнуть на шкафчики, где я смог бы ударить

его по уязвимой спине и почкам. Может, я бы даже смог вызвать у этого ублюдка почечную недостаточность. Но стоило только мне начать воплощать свой план в действие, я взглянул вниз на руку, которую держал.

Рука не была пустой. В ней был раскладной нож. Лезвие, сантиметров 12 в длину, было в крови.

Осознание мгновенно пришло ко мне. Меня пырнули ножом! Насколько всё плохо?

Майк заметил, что Ричи держит нож примерно в то же время, что и я. Он встал за его спиной, обвил руку вокруг его шеи, удушивая его и сбивая с ног. Второй рукой он отодвинул руку Ричи с ножом подальше от меня.

Приоритеты резко изменились. Теперь целью было не избить Ричи, а выбить нож из его руки и закончить это всё как можно быстрее. Меня пырнули ножом!

Я нашёл для себя отличную возможность сделать это. Ричи, потерявший равновесие и испытывающий сейчас проблемы с Майком, широко расставил ноги, в попытках удержать их на месте.

Я отпустил руку, доверя Майку в том, чтобы держать нож подальше от меня, и сделал шаг вперёд, поднося своё колено к его промежности и ударяя настолько сильно, насколько я был способен. Я ударил так сильно, что боль прошла по всей ноге.

Ричи завизжал настолько громко, что я удивлён, как окна не разбились. Он начал задыхаться и давиться, забытый

нож выпал из его рук, стуча по бетонному полу коридора. Майк, увидев падение ножа, отбросил его в сторону и отпустил Ричи, который упал на пол в самой не элегантно манере, быстро сворачиваясь в клубок. Его сразу же вырвало.

Я сделал пару шагов назад, пока не упёрся спиной на шкафчики. Оперевшись на них, я почувствовал глубокую, жгучую боль в своём боку. Я посмотрел вниз на свою левую сторону, не увидев ничего, кроме дырки в моей куртке и пары перьев, что летали в воздухе.

Глава 3. Часть 9.

"Ты в порядке, Билл?", – спросил меня Майк, дрожа от переполняющего его адреналина. – "Он задел тебя?"

"Угу", – ответил я, пытаюсь сохранять спокойствие.

Коридор вокруг меня наполнился встревоженными разговорами. Я заметил, что к нам направляется пара учителей. Я расстегнул куртку и скинул её с себя. На моей клетчатой рубашке была небольшая дырка, края которой окрасились кровью. Я приподнял рубашку, открывая кожу.

"Выглядит не так уж и плохо", – сказал Майк с надеждой, взглянув на рану.

"Ага", – ответил я, смотря вниз.

Рана была чуть ниже моего левого ребра, примерно два сантиметра длиной, немного крови сочилось из неё. Конечно она выглядела не так уж и плохо со стороны, удары ножом редко выглядят плохо, но насколько всё плохо внутри?

"Ты в порядке?", – снова спросил меня Майк, обеспоко-

енный моим выражением лица.

"Думаю, мне нужно присесть", – ответил я и спустился вниз, пытаясь вспомнить строение этой части моего тела.

Первым делом я подумал о селезёнке. Если моя селезёнка разорвана, я истеку кровью в считанные минуты. Моя левая почка тоже находится там. В зависимости от того, насколько глубоко вошёл нож и под каким углом, она может быть в опасности. Если лезвие вошло под верхним углом, могло ли оно задеть моё левое лёгкое?

Меня пырнули ножом! Мой мозг продолжал кричать на меня. Ножом!

"Что здесь происходит?", – поинтересовался учитель, проталкиваясь сквозь толпу детей.

Он взглянул на Ричи, блюющего на полу, держась за свои яйца, и на меня, с поднятой рубашкой и с истекающей кровью из раны. Он увидел нож, что валялся на полу примерно в трёх метрах от нас. Друзья Ричи уже разошлись.

"Его ударили ножом, Мистер Джонсон", – сказал Майк учителю.

"Ударили ножом?", – шокированно переспросил учитель. Напоминаю, это 1982 год. Задолго до того, как подобное станет обычным делом в школах. – "Ты в порядке, парень?"

"Нет", – ответил я, глядя учителю прямо в глаза. – "Я хочу, чтобы Вы внимательно меня выслушали, окей?"

"Что ты..."

"Заткнитесь!", – сказал я ему. – "Меня ударили ножом в

левый верхний брюшной квадрант. Меня срочно нужно доставить в госпиталь. Пожалуйста, вызовите скорую."

"Но кто..."

"Забейте на это!", – кричал я с усилием. – "Вызовите ёбаную скорую. Сейчас же!"

Это заставило его пошевелиться. К тому времени ещё больше учителей подходили к нам.

Скорая появилась, и я чуть ли не закричал от ужаса, когда увидел парамедика. Это был Кен Талли, который будет руководителем операций с того времени, как я нанялся, до тех пор, пока национальная корпорация не выкупит нашу маленькую компанию четыре года спустя (сам он получит пакет выходных пособий, как и остальная часть старого руководства).

Кен – это ходячий мудозвон, делающий всю грязную работу для своей управляющей компании. Мне даже в голову не приходило, что он когда-то был практикующим парамедиком. Он не может быть хорошим врачом даже в теории. Это просто грёбаный кошмар.

Но, к моему удивлению, он на самом деле оказался компетентным в своей работе. Он перевязал рану и присоединил ко мне две капельницы на пути в лечебницу. У него даже были хорошие манеры, он постоянно повторял мне, что всё будет хорошо, что он просто принимает меры предосторожности, разрезая мою одежду и вставляя в мои вены два шланга. Если бы я не был настолько напуган сейчас, я бы да-

же задумался, что с ним случилось в будущем, что он стал таким мудаком.

Но я был очень напуган, дрожа в страхе от этого инцидента. Я постоянно повторял себе, что могу умереть. Прямо сейчас я истекаю кровью. Но больше всего волновала мысль, что раньше этого не случилось. Меня никогда не пыряли ножом, никогда я не был близок к смерти. Что это значило? Я не могу умереть, да? Я уже дожил до 32 и не мог умереть, будучи подростком. Разве карты не были уже розданы?

Когда меня завезли в реанимацию и окружили доктора, медсёстры и прочие специалисты, когда мою рану обрабатывали, когда в мои бедренные артерии вставляли иглы, чтобы проверить кровяные газы, когда в мою задницу засунули скользкий палец, проверяя сфинктер и перфузию кишечника, мысль всё продолжала преследовать меня. Раньше этого не случилось!

Мне сделали рентгеновские снимки, в мой пенис вставила катетер медсестра, которая была настолько старой, что моему отцу в матери годится. И всё же я продолжал думать: этого всего не было раньше!

"Билли", – сказал мне доктор, – "мы дадим тебе лекарства, от которых ты заснёшь. Нам нужно отключить тебя ненадолго, чтобы мы могли обследовать тебя и убедиться, что нет внутреннего кровотечения."

"Перитонеальный лаваж", – пробубнил я, от чего доктор заморгал.

"Да, именно", – сказал он. – "Тебе это уже делали?"

"Нет", – ответил я. – "Никогда."

Доктор на мгновение посмотрел на меня взглядом и обратился к медсестре.

"Дайте ему Мидазолам."

Спустя минуту я стал чувствовать себя очень сонным и расслабленным. Это слегка успокоило мой страх. Я знал, что они приведут меня в бессознательное состояние, вставят дыхательную трубку и подключат меня к вентилятору. Затем они разрежут мой живот, вольют в него физраствор и начнут высасывать его, чтобы увидеть, есть ли кровь.

Если там есть кровь, меня отвезут в операционную, где попытаются отремонтировать все повреждения, нанесённые мне Ричи. Если у них ничего не получится, я умру, даже не поняв этого.

Возможно, сейчас я переживаю последние мгновения своего сознания. Неважно, насколько сильно я расслаблен под лекарствами, это всё равно пугающая мысль.

"Отключайте его", – сказал доктор, и анестезиолог добавил что-то ещё в мою капельницу.

У меня осталось немного времени на последнюю мысль.

Раньше этого не случалось!

Глава 3. Часть 10.

Боль.

Это была моя первая мысль, когда я проснулся. Боль исходила отовсюду. Моё горло болело, как в то время, когда у

меня был тонзиллит. Ещё боль внизу моего живота, рядом с пупком. Мой член неприятно ныл, словно нужно было помочиться, а я не мог. И боль в моём левом боку.

Я чувствовал сильную слабость, будто не мог никак проснуться. И кто-то повторял моё имя снова и снова. Что происходит?

"Билли, ты може... снуться?", – слышал я глухой голос, что постоянно исчезал. – "...или? Дыши... этим."

Что-то положили на моё лицо. Оно постоянно шипело и было на вкус как пластик. Дышать этим больно, моё горло заныло сильнее. Что происходит?

Наконец, я открыл глаза, прищуриваясь от яркого света. Я смотрел на флуорисцентные лампы на потолке. Вокруг развешены жёлтые шторы. Молодое, прекрасное лицо смотрело на меня сверху. Вскоре я понял, что это была медсестра.

"Как ты себя чувствуешь?", – спросила она.

"Как дерьмо", – пробубнил я, поморщившись от боли в голосовых связках.

"Ещё бы", – ответила она с улыбкой. – "Продолжай дышать кислородом, тебе станет легче."

Кислородом? Что происходит? Зачем мне дали кислород? Я попытался сконцентрироваться и наконец-то вспомнил, что произошло. Меня пырнули ножом!

Меня отключили, чтобы сделать перитонеальный лаваж. Поэтому моё горло настолько сильно болело. Из-за дыхательной трубки, что врезалась мне в голосовые связки. Со

мною всё хорошо? Как много времени уже прошло?

"Как я?", – прохрипел я медсестре, каждое слово отдавалось агонией в моём горле, но мне нужно было узнать. – "Я буду жить?"

"Думаю, да", – ответила она мне. – "Похоже, ты будешь в полном порядке."

Через несколько минут я полностью очнулся. Мне дали Демерол, чтобы избавиться от боли. Доктор посвятил меня в курс дела. По-видимому, нож задел несколько незначительных вен, но кроме этого – ничего важного. Моя селезёнка, почка и лёгкие были в полном порядке. Тонкая и толстая кишка тоже в порядке. В общем, мне очень повезло. По-факту, я отделался небольшим порезом.

Меня оставят в госпитале на ночь, чтобы наблюдать за мной, и отпустят завтра утром. Примерно через неделю, если всё будет хорошо, я смогу вернуться в школу. Ещё доктор посоветовал мне держаться подальше от ножей.

"Твои родители и сестра ждут снаружи", – сказал он мне. – "Но прежде чем они зайдут, с тобой хочет поговорить офицер полиции."

"Окей", – кивнул я, с отвращением смотря на катетер, выпирающий из-под простыни. Когда они уже его снимут?

Полицейский был уже в возрасте. Я не был с ним знаком. Видимо, он ушёл на пенсию до того, как я дебютировал на улицах Споканы, со временем перейдя со всеми местными офицерами на "ты".

На нём была форма, которую через несколько лет изменят по виду и цвету, а в кобуре – кольт 38-го калибра, что скоро заменят на 9 мм.

Он бегло осмотрел меня. Его взгляд говорил мне, что он много где побывал и многое видел. Мне хорошо знаком этот взгляд. Со временем я сам его приобрёл.

"Итак, Билли", – сказал он, открывая свой блокнот. – "Расскажешь мне, что произошло сегодня?"

Я знаю, чего он ожидает. Он ожидает, что я скажу ему, что понятия не имею, кто сделал это и зачем. Что я не успел разглядеть человека, напавшего на меня. Что я не смогу определить его на опознании. В общем, он ожидал, что я поведу себя, как типичный подросток.

"Ну что же, офицер... Морган", – сказал я, читая его бейдж. – "Меня ударил парень по имени Ричард Фэрвью."

"Правда?", – спросил он, глядя на меня.

"Правда", – ответил я. – "Он подошёл ко мне со спины, когда я стоял у шкафчика, и как только я повернулся, он пырнул меня ножом в бок. Мне удалось отбиться и не допустить второго удара. На самом деле, я так сильно ударил этого уёбка по яйцам, что, кажется, даже колено себе вывихнул."

Офицер Морган хихикнул.

"Ну и ну", – сказал он, – "это что-то новенькое. Но скажи мне, почему Фэрвью ударил тебя?"

Глава 3. Часть 11.

"Потому что он кусок говна, и последние несколько дней

я издевался над ним."

"Издевался над ним?", – спросил он, делая пометку в блокноте.

"Думаю, Вы слышали о его недавней поездке в госпиталь", – ответил я. – "Он местный вымогатель, отбирает деньги у детишек в школе. Ваш отдел уже встречался с ним раньше?"

"Ещё как", – сказал Морган, смотря на меня, словно на оптическую иллюзию. – "У нас на Фэрвью уже накопилось дело. Говоришь, это ты его в больницу отправил? Потому что, если это так, мне нужно привести сюда твоих родителей и зачитать тебе права. То, что случилось с этим парнем, называется преступным нападением."

"Он пытался ограбить меня", – сказал я. – "И когда я отказался отдавать ему деньги, он попытался напасть. Я просто оборонялся. Очень сильно оборонялся."

"Понятно", – сказал коп, смотря на меня с неким уважением. – "Пожалуйста, продолжай."

"Ну, после того, как я стал издеваться над ним каждый раз, когда видел...", – я пожал плечами. – "Думаю, я слишком увлёкся, и он решил действовать."

"Это очень мягко говоря", – сказал он. – "Сложно поверить, что такой мелкий пацан, как ты, смог побить этого ублюдка."

"Я немного занимался карате", – солгал я. – "Вы собираетесь арестовать меня?"

"Нет", – ответил он. – "Я посмотрел записи о тебе и о Фэр-

вью, прежде чем пошёл говорить с тобой. У Фэрвью куча арестов за всё подряд, от нападений до наркотиков и попытки изнасилования. Он просто придурок. Ты, с другой стороны, из семьи среднего достатка, у тебя не было приводов в полицию, и, на самом деле, тебя вообще нет в нашей базе. Все свидетели, и их, кстати, было на удивление много, говорят, что Фэрвью подошёл к тебе со спины и ударил ножом, а ты действовал в рамках самообороны. Твой друг Майк подтвердил эту историю. История самого Фэрвью – это самая тупая история, какую я только слышал. Он говорит, что это ты напал на него с ножом, когда он просто проходил мимо, и что он отобрал у тебя нож и ударил в ответ", – коп хитро улыбнулся мне. – "Он в паре палат от тебя, кстати."

"Правда?", – спросил я.

"Ага", – Морган кивнул с отчётливо заметным удовольствием. – "Не говори никому, что я сказал тебе это, но тебе, кажется, можно доверять. Он может лишиться своих яиц, настолько сильно ты его ударил. Даже если они останутся при нём, сомневаюсь, что у него будут дети", – полицейский взглянул наверх. – "Представь только, этот ублюдок не сможет наделать таких же мелких уёбков. Боже, есть в мире справедливость! Ладно, вот что я сделаю. Я запишу историю практически так, как ты мне её рассказал. Но я рекомендую тебе молчать о том инциденте, что случился несколько дней назад. Только ты рассказал мне о нём. Даже сам Фэрвью об этом не упоминал. Поэтому, дабы избежать лишних про-

блем, давай уберём эту часть из истории? Так будет лучше для всех. Ты не знаешь, почему он напал на тебя у шкафчиков. Не знаешь и всё, он просто так сделал. Окей?"

"Окей", – согласился я, поражённый тем, как он говорил со мной.

"Отлично. Я припишу ему нападение с применением холодного оружием. В свете прежних событий, он получит примерно год в колонии для несовершеннолетних. Не говори уже о том, что его выгонят из школы. Поздравляю, герой. Ты избавился от главного говнюка. Тебе стоит выдать ёбаную премию за заслуги перед обществом."

Ещё минут 20 он опрашивал меня по поводу инцидента. Он снова поблагодарил меня, а затем покинул комнату.

Спустя несколько минут в палату вошли мои родители вместе с Трейси. Мама выглядела так, словно она много плакала. Как и Трейси. Даже папа выглядел так, словно он постарел на несколько лет. Я почувствовал сожаление и стыд за то, что поставил их в такое положение и заставил чувствовать всё это.

"Билли?", – мама подошла ко мне и погладила по голове.

"Да, мама?", – спросил я. – "Я в порядке, честно."

Она сглотнула слёзы.

"Это же не из-за... Ну, не из-за наркотиков?"

Глава 3. Часть 12.

Вот так я и отметил недельную годовщину своего перерождения – лёжа на больничной койке. Всю ночь я был на-

качан лекарствами, но мне всё равно было тяжело уснуть. В мыслях я продолжал возвращаться к мысли, что в прошлой жизни меня не ударили ножом. Последствия этого были совершенно пугающими. Я не был неуязвим. Все ставки снижаются. Меня могут запросто убить в любой момент. Я могу умереть до того, как мне стукнет 32!

Так как я вернулся и теперь меняю естественный порядок вещей, могло произойти что угодно. Что угодно. Мысль о всех рисках, на которые я уже успел пойти, заставляла меня дрожать.

Поездка с пьяным Райсином или Майком за рулём без ремня безопасности. Опасные игры со школьными хулиганами. Даже игры разума с учителями. Как я мог быть настолько тупым? Как я мог только подумать, что я в безопасности? Разве я действительно думал о себе, как о супергерое, незадолго до того, как Ричи ударил меня?

Я сделал вторую торжественную клятву со времён своего возвращения. Сейчас я поклялся, что буду осторожен. Я слишком хорошо провожу время, чтобы умирать.

* * *

"Ты уверен, что будешь в порядке, Билл?", – спрашивала мама уже примерно в пятидесятый раз. – "Мы всё ещё можем отменить наши планы."

"Нет-нет, мам", – вновь настоял я. – "Мне становится гораздо лучше. В понедельник я уже вернусь в школу. Честно, всё будет хорошо."

Это была ночь субботы. Полторы недели я просидел дома, изнывая от скуки. Я не мог выходить из дома и делать что-то ещё, кроме как лежать в постели и заживлять свои раны. Мама взяла отпуск, чтобы сидеть со мной все эти девять дней. Она приносила мне суп и сэндвичи прямо в кровать. Она приносила мне газировку, когда я захочу. Я удивлён, что она разрешила мне хотя бы в туалет ходить самому. Честно, я безумно люблю свою мать, но за девять дней она уже начала действовать мне на нервы.

В субботу вечером её компания устраивала ежегодный банкет, на который она из года в год ходила вместе с отцом. Обычно они, изрядно напившись, возвращались домой под утро на такси. Меньше всего на свете я хотел, чтобы они оставались сегодня дома. Мне нужно немного покоя.

"Ну", – с сомнением сказала мама, – "если ты уверен..."

"Абсолютно уверен, мам. К тому же, Трейси будет здесь", – я кивнул в направлении своей сестры. – "Если будут какие-то проблемы, она с ними справится."

"Да, мам", – Трейси охотно согласилась, я бы сказал, даже чересчур охотно. – "Я пригляжу за ним."

Кажется, мама осталась довольной. Она ушла наверх, чтобы начать собираться. Через два часа родители направились к двери.

"Слава тебе Господи!", – сказала Трейси, когда их машина скрылась из виду. – "Как ты только вытерпел её все эти полторы недели?"

"Мама хорошая", – ответил я. – "Это родительский контроль бесит."

Она улыбнулась, но без Взгляда. Трейси уже привыкла к моим странным выражениям.

"Ладно", – сказала она. – "Ты умеешь хранить секреты?"

"Конечно", – ответил я, оскорблённый тем, что ей пришлось даже спрашивать это.

"У Синди есть несколько убойных шишек. Она принесёт их и мы накуримся, смотря Saturday Night Live. Если ты будешь держать язык за зубами, может быть, она поделится ими с тобой."

Я улыбнулся, зная, что делаю большой прогресс в отношениях со своей сестрой. В прошлой жизни я даже не знал, что она курит травку. Теперь она предлагает мне накуриться вместе с ней. Конечно, это не совсем кровная клятва верности, но это неплохое начало.

"Допустим, я скажу тебе, что не смогу держать язык за зубами", – спросил я. – "Что тогда?"

На секунду она посмотрела на меня в изумлении, а затем рассмеялась.

"Какой же ты придурок, Билли", – покачала она головой. – "Ты хочешь накуриться или как? Я никогда не делала этого с тобой, ты должен относиться к этому, как к привилегии."

"Звучит как план, Трейси", – сказал я. – "И да, это привилегия."

Глава 3. Часть 13.

Синди пришла в девять вечера. На ней были обтягивающие джинсы и свитер, который прекрасно подчёркивал её грудь. Её светлые волосы завязаны в высокий хвостик, а голубые глаза сияли.

Моя промежность зашевелилась от одного взгляда на неё, мой член был готов встать только от одного её вида.

На прошлой неделе я обнаружил, что, несмотря на травму, моё либидо оставалось пятнадцатилетним. Мне нужно было получать оргазм хотя бы раз в день. Мне начало казаться, что я становлюсь физически слабее, если не получаю оргазм. Я так часто дробил, что на моём члене уже появились ссадины. А Синди зачастую исполняла главную роль в моих фантазиях.

Меня порадовало, что, поздоровавшись с Трейси, она бросилась к моему месту на диване и села рядом со мной. Мой член снова зашевелился, когда я почувствовал запах её парфюма. Его было очень много на её коже, но у него был приятный, женственный аромат, и он ударил мне прямо в мозг.

"Бедняжка", – сказала она мне с притворной жалостью. – "Как ты?"

"Всё самое важное в полном порядке", – улыбнулся ей я. Она зихихикала.

"Чего нельзя сказать о Ричи Фэрвью", – ответила она. – "Можно посмотреть, куда тебя ударили?"

"Конечно", – сказал я ей, пока Трейси удивлённо смотрела на свою подругу.

Я поднял футболку, открывая рванную рану. Швы уже удалили, оставив только заживающую линию на моём боку. Похожая рана, где мне делали лаваж, находилась прямо под моим пупком.

"Оууу", – проскулила она, смотря на рану. – "Бедняжка. Она болит?"

"Не сильно."

"Вот", – сказала она, целуя свои пальцы и прикладывая их чуть выше шрама. – "Так полегчает."

Моя плоть скакнула от её прикосновения, чувствуя лёгкую влажность от её слюны, передавшейся с пальцев на мою кожу.

"Ты ещё один пропустила", – сказал я ей, указывая на хирургический надрез. Она вновь улыбнулась мне и повторила процесс на втором шраме.

"Надеюсь, им станет легче", – ответила она, переводя взгляд на выпуклость на моих штанах.

"Так и есть", – заверил её я. – "Правда, так и есть."

Трейси, похоже, была в полном шоке, наблюдая за тем, как её подруга открыто флиртует со мной. Когда они пошли на кухню наполнять бонг водой, я заметил, что они быстро перешептались, а затем Трейси взглянула на меня и покачала головой в неверии. Я тоже не верил в происходящее, но был полностью готов взять ситуацию под свой контроль. Почему Синди вела так себя сейчас, когда раньше она со мной практически не разговаривала? Не то, чтобы меня это силь-

но волновало, но мне было интересно.

"Любишь курить шишки?", – спросила меня Синди, доставая небольшой пакетик из своего кармана.

"Обожаю", – ответил я, смотря ей прямо в глаза, от чего она покраснела.

Трейси некомфортно пожалась, смотря на нас.

Синди начала заполнять бонг, который, как я настоял в интересах нашей безопасности, мы перенесли в гараж, чтобы курить там. Я знал, что запах остаётся в комнате на несколько часов, и ещё недавно я узнал, что все ставки слетели. Я вёл себя осторожно. Девушки немного посетовали на моё предложение, но всё равно согласились. Поэтому мы накуривались в окружении инструментов моего отца и машинного масла, в неотопливаемом гараже, где мы могли видеть пар от нашего дыхания.

"Разве вы не чувствуете себя в безопасности?", – спросил я девушек, когда мы уселись. – "Теперь, если родители внезапно вернуться домой, нам придётся волноваться только о том, как сделать вид, что мы не накурены. Нам не придётся беспокоиться о запахе в доме."

"Родители никогда не возвращаются домой рано", – пробубнила Трейси, отпивая Колу. – "Ты просто параноик, Билл."

"Трейси", – сказал я ей, – "если я чему-то и научился в жизни, так это ожидать неожиданного. Конечно, они, скорее всего, не вернуться сегодня домой пораньше, но это же всё

ещё в рамках возможного, да? Если ты сможешь предотвратить все риски, то будешь, в большинстве случаев, в полном порядке. Если ты будешь идти по жизни, думая, что плохое никогда не случится, однажды ты жёстко проебёшься."

Я смотрел ей прямо в глаза, когда говорил это, и было ясно, что она поняла мою мысль. По её рукам прошли мурашки, и на секунду она задрожала.

"Думаю, ты прав, Билл", – осторожно допустила она, очевидно вспоминая разговор, который у нас с ней недавно произошёл.

"Это пиздец какая глубокая мысль", – сказала Синди, подвигаясь чуть ближе ко мне. – "У вас есть что пожрать?"

Глава 3. Часть 14.

Пока Трейси ушла разогревать замороженные буррито, мы с Синди остались сидеть на диване.

"А где твой парень?", – спросил я её.

"Ты про Джеффа?", – она сморщилась и покачала головой. – "Я больше с ним не встречаюсь. Он придурок."

"Могу сказать о нём то же самое."

"Мы с ним поцеловались пару раз, а он всем говорил, что мы трахаемся. Парни и правда думают, что мы об этом не узнаем?"

"Порой я сам не знаю, о чём они думают", – ответил я. – "Думаю, что "думать" – это слишком сильное слово для того, что они делают. Мне кажется, что девушкам стоит придерживаться основных правил, когда они решают, с кем они

хотят, ну, повеселиться."

"Серьёзно?", – колко спросила она.

"Чем больше парень говорит о том, как много ему давали, тем меньше ему давали на самом деле. Джефф, наверное, постоянно говорил тебе, как много девушек он перетрахал, да?"

"О да", – сказала она. – "Словно это может нас впечатлить."

"Именно. С другой стороны, парням, которые подобные истории не рассказывают, обычно дают чаще. Видишь ли, они достаточно умны, чтобы понимать, что скрытность – лучшая часть честности. Это приятный цикл. Ты не говоришь об этом, ты чаще получаешь это, ты становишься лучше в этом. Лучшие любовники – это те парни, которые никогда не рассказывают истории о сексе."

"Как ты?", – спросила она, накручивая локон своих волос на палец.

"Может быть", – согласился я. – "Но, конечно, есть только один способ узнать, что кто-то хорош в постели."

"Правда?", – улыбнулась Синди. – "И какой же?"

"Обширное личное исследование", – сказал ей я, позволяя кончику своих пальцев скользить по её руке. – "Тебе нравится исследовать?"

Возвращение Трейси не позволило ей ответить. В руках она держала тарелку с буррито и газировку. Она заметила, как я пробежал пальцем по руке Синди и вновь вопроситель-

но взглянула на свою подругу. Я понимал, почему она в замешательстве.

Синди всегда нравились футболисты. Красивые, богатые мальчики из хороших семей, и всегда старше её. Теперь Трейси видела, как её подруга флиртует со мной, её братом, который не только не богат, не футболист и не выглядит как кукла Кен, но ещё и на два года младше её. Для Трейси словно ткань самого мироздания внезапно разорвалась на кусочки.

Я встал, чтобы сходить отлить (и немного подправить свой стояк, он был согнут под неудобным углом). Когда я вернулся, я увидел, что обе девушки что-то обсуждают. Синди моргала в мою сторону, а Трейси смотрела на меня так, будто она видела совершенно другого человека.

Через пару минут, когда Синди отошла в туалет, Трейси подождала, пока захлопнется дверь ванной, а затем повернулась ко мне чуть ли не в злости.

"Знаешь, что Синди сказала мне?", – спросила она.

"Что?", – мягко сказал я.

"Она слышала, что ты трахнул Стэф Мэйси у водопада на прошлой неделе. Это правда?"

"Нет", – ответил я. – "Мы прогулялись и это всё. Немного поболтали. Я пытался куда-то продвинуться, но она не хотела."

"Это не то, что слышала Синди", – возмутилась Трейси.

"Да?", – спросил я. – "И что же Синди слышала? И почему

её вообще волнует Стэф? Не то, чтобы они особо тусуются вместе."

Трейси сердито смотрела на меня.

"А как ты думаешь, откуда Синди достала шишки? Все знают, что брат Стефани – главный диллер травки в школе."

"Оу", – я взял паузу, обращаясь к своей памяти. Теперь, когда она упомянула это, я действительно вспомнил эту деталь истории. – "И что же она слышала?"

"Стэф сказала ей, что ты повёл её в лес и подарил ей лучший секс в её жизни", – Трейси покачала головой в отвращении. – "И поверь мне, у этой сучки было немало секса. Ты и правда трахнул её?"

"Нет", – сказал я. – "Ничего подобного."

"И зачем же ей тогда рассказывать людям об этом?"

Я пожал плечами.

"Она просто рассказывает истории о членах. Ты знаешь, девушки постоянно так делают."

"Истории о членах?", – спросила Трейси. – "Девушки не рассказывают истории о членах!"

"Трейси", – наконец спросил я, – "каким образом это относится к тебе?"

"Что?"

"Почему ты допрашиваешь меня сейчас? Что тебе с этого?"

"Потому что Синди теперь думает, что ты отличный любовник, и она хочет... ну, знаешь. Сделать это!"

"Тогда разве это не должно волновать саму Синди?", – спросил я.

"Я просто думаю, что она заслуживает знать правду", – возмутилась Трейси.

"Окей. Скажи ей. Отведи её в сторону и скажи, что я никогда не трахал Стэф или кого-либо вообще. Скажи, что я отрицаю и буду отрицать, что трахал кого-либо, где-либо, когда-либо. Даже на смертном одре я буду класться, что я девственник", – я улыбнулся. – "Может, это заставит её отступить."

Трейси открыла рот, чтобы сказать что-то, а затем остановилась, смотря на меня. Её мозг прокручивал всё, что я только что сказал. Это то же самое выражение лица, какое я видел у копа в госпитале. Выражение почтения и уважения.

"Видишь ли, Трейси", – продолжил я, – "может быть я и попробую куда-то продвинуться с Синди сегодня. Может быть, она даже пойдёт со мной в мою комнату. Но я всё равно никуда не продвинусь. Даже если мы проведём там час. Даже если Синди спустится и скажет тебе, что выебал из неё всё дерьмо, что я был лучшим любовником в её жизни. Это будет просто ложью. Я никогда и ни с кем не занимался сексом. Думаю, мне суждено умереть девственником."

"Вау", – изумлённо прошептала Трейси. – "Знаешь кого-то типа тебя?"

"К сожалению, нет", – ответил я. – "Всем парням, которых я знаю, постоянно достаются киски. Я уверен в этом, они же

постоянно рассказывают мне об этом."

"Как жаль", – прокомментировала она, когда дверь ванной открылась и Синди вновь вернулась.

"Меня обсуждали?", – захихикала она, увидев серьёзные выражения на наших лицах.

"Нет", – ответили мы одновременно.

"Так, просто болтали о своём", – добавила Трейси.

Глава 3. Часть 15

Сидя на диване в гараже мы выкурили ещё несколько шишек. Синди заявила, что ей холодно, и спросила, есть ли у нас плед, которым она может укрыться. Трейси достала большой синий плед из бельевого шкафа и кинула его нам.

Под покровом пледа я приступил к работе.

Пока мы смотрели телевизор, моя рука проскользнула к ноге Синди, обтянутой плотными джинсами. Я слегка провёл по её ноге и, не заметив возражения с её стороны, повёл руку наверх.

Мои пальцы медленно проводили по ткани между её ног и дошли до пояса. Вслепую я расстегнул первые две пуговицы её джинс и проскользнул пальцами в образовавшуюся щель. Подушечками пальцев я мягко прикасался к низу её живота. Она немного изменила позу на диване, открывая для меня ноги пошире.

Я расстегнул оставшиеся пуговицы и скользнул рукой под её джинсы. Пальцами я проводил по шёлковому материалу её трусиков, оставаясь за ними. Я скользнул ещё глубже вниз,

она ещё шире расставила ноги. Рукой я чувствовал волосы на её лобке и, ещё ниже, линию её половых губ, и влажность, что сочилась сквозь шёлк. Я нашёл точку прямо под клитором и надавил на неё, двигая рукой вверх и вниз.

Хотя я и старался смотреть на телевизор и сохранять спокойное выражение лица, я заметил, как поменялось дыхание Синди, пока я ласкал её. Интересно, кто-нибудь ласкал её так до этого? Думаю, нет.

Обычно первым делом, когда парни запускают свою руку в трусики женщины, они сразу тянутся к влагилицу и засовывают туда палец. Конечно, этому своё время, но точно не на первых стадиях прелюдии. Женщинам нравится медленно наращивать страсть, постепенно усиливая возбуждение.

Рука Синди проскользнула к моим ногам. Она сомкнула пальцы у выпуклости в моих штанах, нащупывая длину. Она удивлённо вздохнула, ощущая мой член, и мне стало труднее сохранять спокойствие. К моему приятному удивлению, она знала, что делала. Мой член занял, просясь на свободу, и прикосновение женской руки на нём чувствовалось тяжёлым.

Трейси, сидящая рядом с нами, продолжала смотреть в телевизор, либо не понимая, что происходит, либо делая вид, что не понимает. На самом деле, это не сильно важно.

Я слегка приподнял руку и проскользнул за трусики Синди. Пальцами я ощущал мягкую женскую кожу и кучерявые волосы. Я опустил руку вниз, надавливая сильнее, пока не

ощутил пальцами влажное и тёплое место. Скрутив средний палец, я проскользнул им вниз, между двумя губами, что с готовностью схватили его.

"Ааах!", – выпалила Синди, слегка подскакивая от контакта.

Трейси взглянула на неё со знающим и понимающим выражением на лице.

"Всё нормально, Синди?", – мило спросила она.

"Ага", – ответила Синди слегка сбивчивым дыханием. – "Просто... ооох...", – она задрожала, когда я принялся двигать пальцем, – "...икота."

"Мне бы такие икоты", – прокомментировала Трейси и вернулась к телевизору.

Вскоре её рука заползла под мои штаны, вода у моих трусов. Её холодные, мягкие пальцы сомкнулись у моей головки и принялись скользить вверх и вниз. Так приятно, когда тебя трогает другая рука, кроме твоей собственной, а Синди ещё и делала это с таким энтузиазмом, что плед сильно заметно поднимался вверх и вниз.

Трейси ничего не оставалось, кроме как смотреть, хотя она ничего не говорила и делала вид, что не замечает.

Свободной рукой я схватил запястье Синди и вынудил её слегка приостановиться.

Пальцами я продолжал ласкать её, чувствуя, как моя рука намокает, чувствуя, как она болезненно двигает мой член вверх и вниз. Я пытался придумать, как пробраться вместе

с ней в мою комнату, когда помощь пришла оттуда, откуда я меньше всего её ожидал.

"Заебал уже этот телик", – внезапно заявила Синди. – "Saturday Night Live только через час начнётся. Давайте лучше музыку послушаем."

"Эм, окей", – согласился я, и мне было плевать, даже если она польку сейчас включит.

"Ты пару недель назад новый альбом купил, да?", – спросила она меня.

Я взглянул на неё. Я действительно купил новый альбом? Думаю, да, раз она вспомнила сейчас об этом. Но я, конечно же, даже понятия не имел, какая это может быть группа.

"Да", – ответил я. – "Купил."

"Так почему бы тебе не подняться наверх и не принести его?", – спросила Трейси. – "Очень хочу послушать."

"Эм, почему ты сама не сходишь?", – спросил я в ответ.

"Не хочу в твою комнату заходить", – объяснила Трейси с улыбкой. – "Иди сам возьми. Может, Синди ходит с тобой? Возмёт ещё пару альбомов, которые захочет потом послушать", – она повернулась к Синди. – "У него очень большая коллекция."

"Окей", – мгновенно ответила Синди, её рука выскочила из моих штанов так быстро, словно её никогда там не было. Она вытащила мою руку из своих джинс и застегнулась, не особо стараясь спрятать то, что она делала, от Трейси. Застегнув штаны, она встала. – "Пошли, Билли, посмотрим на

твои альбомы."

"Не торопись", – сказала Трейси. – "Тщательно осмотри их, прежде чем сделаешь выбор"

"Ещё как", – ответила Синди, направляясь к лестнице. – "Ты идёшь, Билли?"

Я соблазнительно улыбнулся ей и начал вставать, остановившись, когда я понял, что мои штаны, должно быть, сильно выпирают.

"Ну, Билли?", – спросила Трейси, глядя на меня.

Я посмотрел своей сестре в глаза и заметил там лишь удивление.

"Ага", – сказал я, откидывая покрывало и вставая с дивана. Глаза Трейси упали на мою торчащую промежность.

"Похоже, ты туда что-то уронил", – прокомментировала она, а затем многозначительно посмотрела на меня. – "Ты мой должник."

"Видимо, да", – согласился я и направился вверх. – "Несмотря на то, что у меня с ней ничего не будет."

Глава 3. Часть 16.

Синди ждала меня наверху лестницы. Она взяла меня за руку и повела в мою спальню. Как же я рад, что успел прибраться. Будь это прежний я, на этом месте у нас бы всё и закончилось. Мы зашли, и она закрыла за собой дверь, повернувшись ко мне.

Несмотря на возбуждение, я видел, что она нервничала, её тело слегка дрожало.

"Ты прекрасна", – сказал я ей, осматривая её сверху вниз, зная, что скоро буду это всё целовать и ласкать.

"Спасибо", – мягко ответила она. – "Поверить не могу, что я здесь с тобой..."

"Хочешь уйти?", – спросил я.

"Нет", – ответила она, делая шаг вперёд и обвивая меня руками. Я обнял её в ответ, моя голова закружилась от одного ощущения её тела рядом с моим. Она наклонилась ко мне. – "Я хочу остаться."

Зная, что теперь у меня есть репутация и её нужно поддерживать, я буду делать всё, на что только способен. Мне помогал тот факт, что это была девушка, о которой я всё время мечтал, что до моего возвращения, что после.

Несколько минут мы стояли у двери и просто целовались, скручивая наши языки вместе. Она хорошо целовалась, лучше, чем я ожидал, хотя и не настолько хорошо, как Анита. Но она возбуждала меня больше, чем Анита, больше разогревала мой аппетит. Пока я целовал её шею и уши, и распуская её хвостик, позволяя светлым волосам свободно упасть на спину, она вновь проскользнула руками за мои штаны, обхватывая мой член и быстро поглаживая его.

"Ну же", – не выдерживала она, – "давай сделаем это!"

Я слегка щипнул её за нос и мягко поцеловал возле глаза.

"Терпение", – сказал я ей. – "Таким опытом следует наслаждаться медленно."

Знала бы она, что я как могу удерживаюсь от того, чтобы

кинуть её на кровать, разорвать на ней бельё и выебать её, как животное.

Вместо этого я провёл её до кровати, ну или она провела меня, потому что отказалась отпускать мой член из рук.

"Хочешь, чтобы я отсосала тебе?", – спросила она, целуя меня и сжимая мой член.

"Конечно", – сказал я, скидывая с себя обувь.

Хотя я и не надеялся на это, отказываться я точно не стану. И если она заставит меня кончить, это даст мне больше сил сдерживаться в будущем.

Медленно она упала на колени у основания кровати, спуская за собой мои штаны и трусы. Мой член выскочил и ударил её по щеке, когда освободился. Она захихикала, а затем медленно провела языком от основания до головки.

"Ооох", – простонал я, довольный ощущениями. Я был ещё более доволен, когда она заглотнула мой член и двигалась вниз, где её губы встречались с моими лобковыми волосами. Медленно она поднималась вверх, всасывая сильнее. – "О Боги", – прошептал я. – "Где ты этому научилась?"

"Тебе нравится?", – спросила она, осыпая мой член поцелуями. – "Ты ещё всего не видел."

Она взяла мой член глубоко в рот и начала водить головой вверх и вниз. Рукой она обхватила член у основания и водила рукой в ритме своей головы. Её язык извивался, увлажняя меня, вынуждая капельки слюны стекать вниз к моим волосам, ртом она приятно всасывала член. Мои бёдра поднима-

лись и мгновенно падали обратно на кровать.

Боже, как же хорошо. Семнадцатилетняя девчонка умеет сосать. В этом плане я бы сопоставил её двадцатилетней шлюхе.

Она лизала, сосала и хныкала совсем недолго, уже скоро мой первый оргазм прошёлся по спине.

"Я сейчас кончу, Синди", – предупредил я сбивчатым голосом.

"Мммм", – простонала она и ускорила свой темп.

Я принялся кончать ей в рот большими сгустками спермы. В это время она продолжала водить рукой и ртом высасывала мою сперму у головки. Она всё глотала и глотала каждую каплю.

Когда она убрала своё лицо от моей промежности, я заметил, что мой член был влажным, словно начищен до блеска. Она улыбнулась мне, облизывая губы.

"Не только у тебя есть навыки, знаешь ли", – сказала она, поднимаясь с колен и толкая меня на кровать. – "И чем же ты мне оплатишь?"

"Что-нибудь придумаю", – сказал я, придвигая её лицо к себе и целуя.

Глава 3. Часть 17.

Я стянул с неё свитер и бюстгальтер, оголяя потрясающую грудь. Есть что-то неописуемо прекрасное у сисек, что принадлежат семнадцатилетней девушке. Груды такие молодые, острые, очень возбуждающие. Может ли быть на свете что-

то более привлекательное?

Мне нужно было попробовать их, поэтому я перекатился в кровати и кинул её на спину, нависнув над ней. Я взял одну грудь в рот, облизывая и дразня сосок, вызывая у неё стоны наслаждения.

Я немного поласкал её вторую грудь, а затем встал и потянулся к её поясу.

Она наблюдала за моими действиями, её лицо покраснело, когда я расстегнул её джинсы и стянул их. Её ноги были стройными и длинными, гладкими и приятными на ощупь, не считая пары мягких волосков на ляшках.

Её трусики были тёмно-красными, в белый горшок. У промежности они темнели из-за влаги, что впиталась в них. Указательным пальцем я провёл вверх и вниз между её широко раскрыты ног, наслаждаясь ощущением мягкой, молодой кожи.

Наконец, я вернулся к её промежности и завёл палец за резинку трусиков. Пальцем я чувствовал влажное тепло. Я потянул палец и она подняла свои бёдра, позволяя мне стянуть трусики с её тела.

Я и представить себе не мог более сексуальные половые губы. Её светлые лобковые волосы были лишь слегка темнее, чем на её голове. Под редкими волосами виднелись две набухшие губы и один очень возбуждённый клитор. Не думаю, что когда-либо видел более превосходные губы.

"Тебе нравится то, что ты видишь?", – спросила она меня,

расставляя ноги ещё шире, очевидно зная, что её промежность – это мечта любого мужчины.

"Очень", – ответил я, закидывая её ноги на свои плечи. – "Думаю, я вылижу её."

"Ооох", – простонала она, когда я наклонил голову.

Она была подростком, но пахла как женщина. Острый, томный, насыщенный феромонами запах. Мой член снова встал, когда я учуял её аромат.

Я ощущал её трепкий вкус, когда скользил языком между этими надутыми губами и погружал язык внутрь. Я входил им и выходил, лакал её, наслаждался своим пиршеством, чувствуя, как мягкие светлые волосы щекочут мой нос.

Когда она начала поднимать и опускать свои бёдра и вырывать волосы из моей головы, я перешёл на клитор, зажимая его между своих губ. Она закричала, когда кончила мне в рот.

Когда её колебания закончились, она схватила меня руками и потянула к себе.

"Трахни меня!", – приказывала она.

"Я хочу ещё полизать тебя", – сказал я, пытаюсь вернуться назад.

"Трахни меня!", – прорычала она. – "Трахни меня, сейчас же! И когда ты кончишь, я хочу, чтобы ты снова отлизал мне."

Значит, у неё есть фантазии. Но я подумал, что это будет не так прекрасно, как она себе представляла, потому что я

собирался надеть презерватив.

"Мне сначала нужно резинку взять", – сказал я ей, пытаюсь встать.

Её сильные руки вновь притянули меня обратно.

"Я на таблетках", – сказала она мне. – "Теперь трахни меня! А потом вылижи!"

"Ты и правда на таблетках?", – засомневался я.

"Да, мать твою!", – хныкала она. – "Уже год их пью. Теперь трахни меня, Билли! Сейчас же трахни! Тащи свою задницу сюда!"

Я понял, что даже будучи возбуждённой, она вряд ли будет лгать об этом. Поэтому я взобрался на неё, скользя по её потному телу, просовывая головку моего члена между её влажных губ.

"Давай уже!", – прокричала она, её ноги обвили мою спину и притянули к себе. – "Трахни меня!"

Я резко толкнулся в её узкую щель, входя в неё одним мягким движением. Мы оба вздохнули, когда наши кости встретились.

"Сильнее!", – пыхтела она, толкая свои бёдра ко мне. – "Давай!"

Я грубо трахал её, толкался в неё, моё сердце билось, словно от занятия спортом. Пот капал с моего лица на неё.

Когда капли падали рядом с её ртом, она слизывала их. Она продолжала повторять "да, да, да, трахни меня", когда мой член атаковал её узкую киску, издавая влажные, хлюпа-

ющие звуки, и разливая её сок на простыни.

Я выгнулся вперёд, потирая членом верхнюю часть её влагища, где находятся нервы клитора. Я старалась, чтобы наши лобковые волосы встречались при каждом ударе, что приносило удовольствие и мне, и ей, приближая оргазм.

Я сжимал её грудь, дразня соски. Я чувствовал, как я тугая задница двигается подо мной. Я дал ей свои пальцы, позволив ей облизать их. Я чувствовал смутную боль как в боку, так и в животе, когда мои раны растягивались и тянулись от моих безумных действий.

Но это было неважно. Сейчас важно лишь то удовольствие, что её молодое тело доставляет мне.

Глава 3. Часть 18.

Она снова кончила, крича мне прямо в ухо и кусая мочку. Я кончил следом за ней, выпуская сгусток спермы в её бездонную пропасть.

Мои бёдра едва ли успели остановиться, как она уже начала толкать меня вниз.

"Теперь вылижи меня", – сказала она. – "Пожалуйста? Вылижи мою киску после того, как ты кончил в неё. Пожалуйста?"

Конечно, это была её давняя фантазия. Несмотря на то, что у неё уже большой опыт, сомневаюсь, что она когда-либо заставила кого-либо сделать это. Подростков и даже студентов отвращает сама мысль об этом. Чёрт, да даже зрелых и взрослых мужчин. Это не самое моё любимое занятие, но я

не то, чтобы возражал и брезговал.

Я делал это раньше (и понял, как много женщин фантазировали о том, что с них слизывают сперму). Моя политика всегда заключалась в том, чтобы обеспечить себе будущие совокупления любой ценой.

Поэтому я улыбнулся ей и опустился вниз. Я широко расставил её прекрасные ноги и взглянул на её киску. Она сочилась соком и спермой, протекая на простыни. Я немного засомневался, лишь для того, чтобы она ещё раз попросила меня. Долго мне ждать не пришлось.

"Ну?", – умоляла она. – "Сделай это, пожалуйста?"

Я опустил голову и приступил к работе.

Она очень быстро кончила, но я лизал её до тех пор, пока не наступил ещё один оргазм. Затем я перекатился на спину и поднял Синди на себя. Пара движений и её киска опустилась на мой член, и я вновь входил в неё.

В этот раз она не хотела, чтобы я кончил в неё. Вместо этого она соскочила с моего члена и взяла его в рот. Она снова применила свои потрясающие навыки минета и скоро я вновь кончил ей в рот.

Она взобралась наверх и упала на меня, целуя в щёки и губы.

"Боже мой", – заявила она. – "Это был лучший секс в моей жизни. Стэфи была права насчёт тебя."

"Стэфи?", – спросил я. – "Ты про Стефани Мэйси?"

"Билли, ты прекрасно знаешь, про кого я", – улыбнулась

она, слегка трясь об меня носом. – "Она сказала, что ты вылизываешь киски, словно в последний раз. И так оно и есть."

"Я понятия не имею, как она могла узнать об этом", – сказал я Синди.

"Ну ты и пиздабол", – нежно произнесла она. – "Она мне все подробности рассказала. Ты из неё всё дерьмо выебал."

Я покачал головой, слегка улыбаясь.

"Не-а", – сказал я. – "Я точно этого не делал. Она разрешила мне её поцеловать немного, но у нас с ней ничего не было."

Синди смотрела мне в глаза, пытаюсь понять, что за ними скрывается.

"Ты серьёзно?", – спросила она наконец.

"Настолько серьёзно, насколько могу", – сказал я, поднимаясь с постели. – "А знаешь что? У нас с тобой тоже ничего не было."

"Ничего?"

Я вновь покачал головой.

"Ничего. Мы посмотрели на альбомы, я попытался подкатить к тебе, но ты меня отшила. Чёрт, ты же не можешь винить меня за то, что я попытался?"

Она ухмыльнулась мне.

"Думаю, что нет."

"Но если ты когда-либо в окружении подруг захочешь рассказать историю о том, как младший брат Трейси вылизывал тебя, пока ты не закричала, или как он трахал тебя, а ты впи-

валась ногтями в его спину, или как он вылизал свою сперму из твоей дрожащей киски... ", – я облизал свои губы. – "Ну, ничем не могу здесь помочь. Конечно, я буду это всё отрицать, но ты же сама знаешь, как девушки любят истории о членах. Чёрт, люди верят всему, что слышат, да?"

"Думаю, да", – дразнила она. – "Но я не такая девушка. Допустим, я пообещаю тебе, что буду держать язык за зубами о том, что случилось сегодня."

"О, я не верю тебе", – сказал я. – "Думаю, мне просто придётся жить с той репутацией, которую создала мне твоя ложь."

"Думаю, придётся", – захихикала она. – "Это очень тяжёлая жизнь, да?"

Глава 4. Часть 1.

Время шло, как ему и свойственно. Я рад, что оно шло во взрослом темпе, а не в детском или подростковом. Каждый день я засыпал и просыпался в своей новой жизни. По-немногу я всё больше уверялся, что останусь здесь, что не вернусь обратно в 1999-ый. Эта идея начинала всё больше пугать меня, когда я привык к своей новой жизни.

Конечно, были вещи, по которым я скучал. Современная музыка, например. Порой я безумно хотел послушать альтернативный рок или современный хэви-метал, а не то, что считал раньше золотой классикой.

Я скучал по удобствам, к которым привык в девяностые, но которые не были распространены в ранние восьмидесятые. Ярчайший пример – видеомэагнитофоны и фильмы напрокат. У моих родителей видеомэагнитофон не появится до 1984-го. Даже первые магазины с кассетами начнут открываться лишь в начале 1985-го.

Но больше всего я скучал по Бекки. Порой я ночами лежал в кровати и рыдал, зная, что мне суждено больше никогда не увидеть её, не обнять её снова.

Как я и поклялся после того, как Ричи ударил меня ножом в бок, я был осторожен в своих действиях. Я ходил в школу каждый день, но больше не издевался над хулиганами. Конечно, если они сами будут нарываться на неприятности, я

оплачу им сполна, но пока что они не рисковали. Мои столкновения с Ричи установили мою репутацию того, с кем лучше не связываться. Хулиганы всегда найдут кого-то попроще, чем я, чтобы развлечься.

Я больше не издевался над учителями, как делал с преподавателями истории и анатомии. Я вежливо отвечал на их вопросы, когда меня спрашивали, тем ответом, который от меня ожидали. Больше я не поднимал с ними спорных тем. Каждый день я делал домашнее задание сразу, как только возвращался со школы (кроме тех дней, когда у Аниты нужно было что-то сделать, и это происходило удивительно часто).

Учебный год шёл, и когда зима уступила весне, мои оценки по всем предметам сильно возросли. Можно сказать, поразительно возросли. Даже невероятно возросли, как заметили некоторые учителя. К окончанию учебного года у меня были сплошные пятёрки, и мой средний балл заметно увеличился.

Похожим образом я больше не рисковал своим здоровьем. Работая парамедиком, я часто удивлялся тупости подростков, что считают себя бессмертными. После Ричи я понял, что я был ещё хуже, чем они. Нормальные подростки, по крайней мере, понимают, что они могут умереть, даже если думают, что такого с ними больше не повторится. Но я думал, что не могу умереть, что я в безопасности до 32-х лет. И это несмотря на то, что в течении восьми лет соскребал

остатки глупых подростков с улиц Споканы.

Меня всё ещё в дрожь бросает мысль о том, что я спокойно сел в машину с Майком в ночь пивной вечеринки. Он мог бы запросто выскользнуть с дамбы и утопить нас двоих в реке Споканы. Как было бы иронично, что я вернулся и предотвратил судьбу Трейси только чтобы самому повторить её, вынуждая родителей в любом случае проходить через это горе, только теперь с другим ребёнком.

Я избегал поездок с подростками, как только мог. Когда не мог, я пристёгивался и затягивал ремень настолько туго, насколько мог. В большинстве своём, это был первый раз, когда вопрос ремней безопасности поднимался вообще. Я бы мог сказать, что водители и пассажиры этих машин издевались надо мной, называли меня ссыклом, и использовали другие формы давления для своих неясных целей. Но они так не делали. Опять же, ситуация с Ричи Фэрвью мешала им выражать свои мысли вслух. Впрочем, порой кто-нибудь всё же спрашивал у меня, почему я это делаю.

"Ну, а если мы разобьёмся?", – спрашивал я тогда.

"Мы не разобьёмся", – неизбежный ответ.

"Скорее всего нет", – говорил я, – "Но это же возможно, да?"

"Думаю, да", – отвечали мне, пожав плечами.

"Ну", – размышлял я, – "если мы всё же попадём в аварию, я не так сильно пострадаю, если буду пристёгнут. Не вижу никаких причин не пристёгивать ремень. Он не давит, не ме-

шает мне двигаться, так почему же мне не пристегнуть его?"

Обычно они не находили ответа и закрывали на этом тему. Но они никогда не пристёгивали свой ремень в ответ. Они не хотели, чтобы их называли ссыклом.

От чего я точно всегда отказывался, так это от поездок с кем-то, кто напился и/или накурился. И так как мне не очень нравилось идти домой пешком из мест наподобие водопада, я просто избегал тех, с кем может возникнуть такая ситуация.

Такая политика привела к проблемам с Майком, словно нам и так проблем не хватало. Наши отношения изменились со времени моего возвращения, и уже не так сильно волновали Майка. Я больше не был его зашуганным другом, который соглашался на всё, что он предложит. Я больше не курил с ним травку на пути в школу, потому что хотел сохранять трезвый рассудок для занятий.

Он испробовал все формы давления, какие только мог придумать, чтобы заставить меня изменить своё решение, но, когда я продолжал отказываться, он надулся на меня. Он не разговаривал со мной и не ходил вместе со мной в школу три дня. Хотя это и просто детская реакция на очень глупую тему, этот эпизод меня сильно расстроил.

Я беспокоился за Майка и отчаянно желал сдвинуть его с пути, по которому он шёл. Моя убеждённость в этом ещё сильнее возросла после инцидента с Ричи Фэрвью. Майк набросился на него, без капли сомнений, схватил этого при-

дурка и оттащил от меня. Он сделал это, несмотря на то, что боялся Фэрвью, и что у него в этот момент был нож в руках. Майк отложил в сторону все свои инстинкты самосохранения, чтобы прийти мне на помощь, и я не мог забыть об этом. Возможно, если бы он не сделал этого, если бы он просто стоял там, неспособный пошевелиться, я бы просто позволил этой дружбе умереть и отпустил бы его идти дальше по своему пути. Но он не сделал так. Он набросился на него без задней мысли. Боже, я должен ему. Мне нужно попытаться!

Он не извинился передо мной за своё ребячество, такова уж его природа. Он просто появился утром понедельника у моей двери на пути в школу, и вёл себя так, словно ничего не произошло. Он достал косяк и мы пошли вместе, но мне он больше не предлагал. Думаю, это настолько близко к извинению, насколько он был способен.

Так я и продолжил ходить с ним в школу каждый день, несмотря на то, что в этом не было необходимости. Синди, у которой уже была своя машина и каждое утро она заезжала за Трейси, предлагала меня подвозить, если я хочу. В её предложение не входил Майк, которого она терпеть не могла. Поэтому я отказывался.

Глава 4. Часть 2.

После школы я порой шёл к Майку, или он приходил ко мне домой, и затем, после того, как я сделал всё домашнее задание, я курил с ним травку. Я научился опускаться на уровень шестнадцатилетних подростков в такие моменты, и мне

даже удавалось повеселиться. Впрочем, я больше не ходил с ним на вечеринки по выходным, всегда оправдываясь тем, что у меня есть другие планы, и зачастую так и было. Я нашёл более интересные способы проводить выходные, чем подвергать свою жизнь риску в поездках с нетрезвыми водителями. В большинстве моих планах участвовала Анита. И Синди тоже.

Майк, казалось, был расстроен, что я не проводил с ним время на выходных, но он не делал из этого трагедию. В наших отношениях выстроился статус-кво. Положение, которому не суждено было долго прожить.

В апреле того же года отец Майка, механик, починил Фольксваген Жук за двести долларов и подарил его Майку, чтобы тот ездил на нём все время.

Я хорошо помню эту машину. Она 68-го года, печка в ней не работала, обивка разорвана в клочья, а двигателю постоянно нужно внимание отца Майка. Ещё до моего возвращения мы с Майком отлично проводили время в этой машине. На ней мы ездили на пивные вечеринки, на тусовки, просто кружили по району. Мы использовали эту машину, чтобы прогуливать школу и ездить вместо этого на рыбалку к реке.

Хотя я и не планировал делать в этой машине большинство из тех вещей, что мы делали раньше, я подумал, что просто проехать пару-тройку километров в школу будет достаточно безопасно. И я ошибался.

И до моего возвращения меня пугало то, как Майк ездит

на своём Жукe. Сейчас же я был в абсолютном ужасе. Одной поездки с ним хватило, чтобы я понял, что ноги моей больше не будет в этой машине.

Он забрал меня из дома на пути в школу на следующий день после того, как получил эту машину. Как только мой дом скрылся за горизонтом, он достал косяк и подкурил его.

"Ты точно хочешь делать это, пока ты водишь?", – нервно спросил я.

"Делать что?", – ответил он с искренним удивлением.

Я затянул ремень посильнее и обхватил себя руками.

Во время этой непродолжительной поездки в школу, он безрассудно вилял на дороге в утреннем траффике. Он близко подъезжал к задней части автомобилей, когда у него не было места для манёвра. Настолько близко, что, если бы они резко остановились, у него не было бы времени даже нажать на свои тормоза, не говоря уже о том, чтобы вовремя остановиться. Один раз он проехал на красный свет и трижды мимо знаков СТОП, лишь безразлично взглянув на них. Он курил свой косяк всё это время. Когда мы заехали на школьную парковку, я уже весь дрожал от страха.

"Ты норм, чел?", – спросил он, глядя на меня укоренным взглядом.

"Ага", – ответил я, чувствуя острую необходимость поцеловать землю.

"Эй", – сказал он, – "может свалим после обеда? У нас теперь есть свобода."

"Эм... нет", – ответил я, покачав головой. – "У меня сегодня тест по английскому."

Он скорчил кислую мину, к которой я уже начинаю привыкать.

"Ну хорошо", – возмутился он. – "Но тебе придётся идти домой пешком. Я не собираюсь оставаться здесь весь день только потому что ты решил пойти на уроки."

"Всё в порядке", – спокойно ответил я. – "Доеду домой с Синди и Трейси."

"Ох", – сказал он. – "Ну и ладно."

Он зашагал прочь, а я вздохнул, наблюдая за тем, как он уходит. Я не могу, не хочу опять садиться вместе с ним в машину. И что мне теперь делать?

Как он и обещал, Майк и его машина уже давно испарились со школьной парковки, когда закончились занятия. Без особых проблем я отыскал Трейси и Синди, и они подвезли меня. Синди захотела остаться ненадолго у нас, когда мы приехали домой. Она спросила, не прикупил ли я новых альбомов со времени её последнего визита.

После нашего первого раза, я трахал Синди ещё примерно раз десять, всегда до взаимного удовлетворения.

Нас никогда не видели вместе на публике, и мы оба знали правила таких отношений. Это только сексуальные отношения. Наш эвфемизм этому был "посмотреть на альбомы", в честь нашего первого раза.

Несмотря на то, что я не приобретал новых альбомов со

времени своего возвращения, я сказал Синди, что недавно купил что-то новенькое.

"Так давай посмотрим на это", – улыбнулась она, вставая.

"Конечно", – улыбнулся я в ответ, следуя за ней.

Трейси посмотрела, как мы уходим, и покачала головой.

Позже в этот же день Синди и Трейси поехали в супер-маркет. Когда они уехали, я взял телефон и позвонил Майку. Я хотел встретиться с ним и поговорить, попытаться донести до него свою точку зрения. В уме я уже подготовил свою речь.

"Чё как?", – резко спросил он, когда подошёл к телефону. Я сразу почувствовал враждебность в его тоне.

"Слушай, может зайдёшь ко мне ненадолго?", – спросил я. – "Или может я к тебе приду."

"У меня есть дела", – сказал он. – "Тебя сегодня подвезли домой?"

"Ага", – ответил я. – "Синди подвезла меня..."

"Круто", – прервал он. – "Поедешь со мной завтра, или она опять тебя подвезёт?"

"Примерно об этом я и хотел с тобой поговорить..."

"Чувак, тебя завтра подвозить или как?", – потребовал он ответа, очевидный ультиматум слышался в его тоне. – "Мне как-то плевать."

"Нет", – ответил я. – "Синди подвезёт меня. Но..."

"Ну и ладно", – сказал он. Секунду спустя телефон протрещал в моём ухе.

Я хотел позвонить ему опять, но не сделал этого. Я знал, что из этого ничего хорошего не выйдет. Хотя у меня всё ещё была надежда на Майка, я не мог избавиться от мысли, что у меня ничего не получилось.

Школьный год всё ещё продолжался. Я продолжал ездить утром и вечером с Синди и Трейси на Chevrolet Caprice, машина, которую Синди купил её отец, сразу после того, как она получила водительские права. Примерно два или три раза на неделе у Синди появлялось жгучее желание пойти и посмотреть на мои альбомы. Я никогда не упускал возможности показать ей их.

Майк держал со мной дистанцию. Он больше не звонил мне, не приходил ко мне домой. Спустя недели две я увидел, что он катается по району на своём Жуке с парочкой ребят помладше. Ребята, над которыми он раньше издевался. Когда я видел его, он даже не махал мне, делал вид, что не замечает меня. Каждый раз, когда я видел его, мне становилось грустно.

Глава 4. Часть 3.

В течении этого учебного года я выработал привычку обедать вместе с Ниной Блэкмур. Уже меньше, чем через неделю, я перестал делать это то ли из-за простой жалости, то ли из-за чувства вины за свои прошлые грехи, то ли из-за попыток изменить будущую личность будущей стервы.

Теперь я обедал с Ниной просто потому что мне очень нравилось разговаривать с ней. Каждый день я с нетерпением

ем ждал обеда, чтобы мы могли ещё поговорить о литературе, взглядах на жизнь и прочих темах. Она была образованным и приятным человеком, если пробиться через её барьер, что выстроился после тех издевательств, что она пережила. Думаю, жизнь способна заставить некоторых людей взрослеть быстрее, чем это задумала сама природа. То, как загорались её глаза, когда она видела, что я подходил к её столу, подсказывало мне, что она тоже была рада меня видеть.

К тому времени, как Майк резко прекратил нашу дружбу, мы с Ниной стали довольно близки, и даже могли доверять друг другу. Я зашёл в столовую на следующий день после разговора с Майком, и Нина сразу заметила грусть на моём лице.

"Что случилось?", – спросила она, застенчиво улыбаясь мне.

"Ох", – начал я, садясь за стол и открывая свой ланч-пакет, – "помнишь моего друга Майка, о котором я тебе рассказывал?"

"Ага", – сказала она. – "Тот парень, который постоянно травку курит."

"Именно", – согласился я. – "Так вот, вчера..."

Я вылил на неё всю историю, исключая, конечно, ту часть, где я когда-то был 32-хлетним и теперь мне сложно понимать шестнадцатилетних. Она выслушала меня, ни разу не перебив, а затем, когда я закончил свою историю, задумчиво взглянула на меня.

"Кажется, словно ты винишь себя в этом", – сказала она.

Я пожал плечами.

"Мы были друзьями уже очень долгое время. Может, я просто слишком строг с ним. Разве это так плохо, что он предлагает подвозить меня в школу каждый день?"

"Если это подвергает твою жизнь опасности, то да", – ответила она. – "Мне кажется, что это его следует винить, а не тебя. Это он решил закончить дружбу из-за чего-то настолько глупого, как с кем ты едешь в школу и куришь ли ты с ним травку."

"Да, знаю", – согласился я. – "Но мы уже так давно дружим. Я не могу перестать думать о том, что я его в каком-то роде подвёл."

"Если вы и правда так давно дружите", – сказала она, – "то не кажется ли тебе, что однажды он всё же повзрослеет и поймёт, насколько глупо себя вёл? Он ещё вернётся."

"Может, к тому времени будет уже слишком поздно", – выпалил я.

Она взглянула на меня в замешательстве.

"Ты это к чему?"

"О, не обращай на это внимания", – ответил я ей. – "Порой я бываю чересчур драматичным."

В тот день я вышел из столовой, чувствуя значительное облегчение по поводу всей ситуации. Хотя ничего и не изменилось, мне всегда становилось лучше после разговоров с Ниной.

Ещё я выработал привычку читать бизнес-колонки в газетах каждый день. За завтраком я просматривал отчёт о фондовом рынке, запоминая и отслеживая различные акции. Для меня это стало настолько обыденной вещью, что отец вскоре перестал спрашивать меня, зачем я это делаю. В прошлой жизни я следил только за инвестициями моего пенсионного плана 401к. Теперь я пытался всерьёз взяться за фондовый рынок, и я начал постепенно изучать его и осваивать. Если я смогу освоить это, значит, я смогу освоить что угодно.

Начались летние каникулы. Когда я принёс свой табель маме, мне действительно показалось, что она упадёт в обморок, глядя на него.

"Одни пятёрки, Билли?", – спросила она, глядя на меня в недоумении. – "У тебя?"

"Думаю, я просто стал серьёзнее относиться к твоим словам о том, что образование – это самое важное в жизни, мам", – ответил я ей.

Продолжительная версия Взгляда последовала за этими словами.

"Может, приготовишь сегодня тако на ужин?", – спросил я следом.

"Конечно", – ошеломлённо произнесла она.

Глава 4. Часть 4.

Лето быстро пролетало за жаркими днями и сексуальной активностью. Хотя Майк больше и не тусовался со мной, я нашёл себе новую компанию в лице Синди и Трейси. Мои

отношения с сестрой улучшились настолько, что она теперь доверяла мне свои секреты. Она рассказывала мне о своих мечтах и надеждах. Что она хотела пойти учиться в юридическую школу, выйти замуж за хорошего парня и завести детей. Что она хотела большой, хороший дом и машину. Это то, что я никогда не знал о своей сестре, потому что её жизнь закончилась до того, как мы вышли из стадии подростковой ненависти друг к другу.

Она больше не беспокоилась о том, что нас могут увидеть вместе. Может, всё то, что я ей говорил, что я делал для неё, сильно её впечатлило. Всё лето она относилась ко мне как к другу и брала с собой на вечеринки, либо с Синди, либо с другими её друзьями.

Она тоже приобрела похожую неприязнь к нетрезвым водителям. Эту неприязнь она умудрилась вбить в голову и Синди. Когда мы где-то тусовали, одна из девушек обязательно оставалась достаточно трезвой, чтобы безопасно доехать домой. Они выработали правило ответственного водителя до того, как это вошло в обиход. Мне всегда казалось, что мой разговор с Трейси той ночью сильно повлиял на неё.

Именно из круга друзей Синди и Трейси я выбирал себе сексуальных партнёров. Они обе входили в популярную компанию, элитнейшие из элит. В своей прошлой жизни я был бы до чёртиков напуган, находясь с ними на одной вечеринке.

Но теперь всё по-другому. Я не мог заставить себя бояться

подростков, но ох, как же я хотел их. Редко я уходил с вечеринок, не воспользовавшись парочкой презервативов, которые я постоянно носил с собой. Я спал с девушками из моих фантазий, и обычно они сами подходили ко мне, спасибо той подпольной репутации, что я выработал среди женщин.

Парни на этих вечеринках, по большей части старше меня, либо выпускники, либо уже студенты, прекрасно понимали, что я делаю. Несмотря на мою репутацию после случая с Ричи Фэрвью, они считали меня безобидным, даже когда я уходил с их девушками погулять, пока они играли в игры на выпивание или заливали себе пиво в глотки прямо из бочки. Конечно, им было интересно, что я делаю. Я был младше всех, и они никогда не разговаривали со мной.

Меня это вполне устраивало. До тех пор, пока они не видят во мне угрозы, когда замечают, что я болтаю в женской компании или ухожу с их девушками на приватный разговор.

Трейси однажды рассказала мне, что большинство парней считают, что я гей. Они не издевались надо мной, потому что Ричи Фэрвью, но для них это объясняло, почему я предпочитаю компанию девушек разговорам о футболе и машинах с парнями.

Я никогда не пытался доказать им обратное, хотя меня в край поражала их странная логика. Если парень тусуется с девушками, значит, он гей.

У меня были очень строгие правила по поводу моих отношений на время лета. Обычно я не спал с кем-либо боль-

ше одного раза, и сразу давал ясно понять, что не хочу какого-либо дальнейшего развития подобных отношений. Я был согласен на секс, только на секс. Большинство из них понимало это. Они тоже были согласны только на секс и радовались, что я способен держать язык за зубами и распускать его, только когда он находился возле их киски.

У меня было только два исключения из этого правила: Синди и Анита. Я продолжал спать с ними. Это было довольно приятно. Они обе понимали правила, особенно Анита, которая меньше всего хотела, чтобы кто-либо узнал, что она трахается с подростком. К тому же, они обе принимали противозачаточные и мне не нужно было надевать презерватив с ними. Так приятно было время от времени, для разнообразия, проникать в голую плоть своей плотью.

Это было отличное лето, несмотря на мою разлуку с Майком и отсутствие разговоров с Ниной, по которым я безумно скучал. Лучшее лето, какое я только помнил.

В августе, когда мне исполнилось пятнадцать с половиной, мне дали разрешение водить машину. Отец "учил" меня водить.

"Ты прям на лету всё схватываешь", – сказал он, глядя на меня с подозрением. – "Трейси же не разрешала тебе водить, да?"

"Нет, пап", – заверил я его, профессионально меняя полосы, в экстазе от того, что я снова за рулём спустя... Сколько? Больше шести месяцев? – "Наверное, у меня просто к этому

талант."

"Талант, говоришь...", – сказал он. – "Думаю, нам не придётся много ездить вместе, а?"

Глава 4. Часть 5.

В сентябре начался мой новый учебный год и выпускной класс Трейси. У меня появилось много новых занятий по темам, которые я выбрал пару недель ранее. Я был особенно счастлив узнать, что мне больше не нужно ходить на физкультуру.

Моим первым занятием в семестре стала молекулярная биология. Миссис Крукшанк преподавала этот предмет, и это тема, в которой я очень плохо разбираюсь. Я взял этот предмет, чтобы избавиться от той тоски, что на меня нагоняла школа, и наконец-то узнать что-нибудь новое. Я вошёл в класс в первый день и миссис Крукшанк сухо поприветствовала меня.

"Билли", – сказала она. – "Рада снова видеть тебя в этом году."

"Я тоже рад Вас видеть", – ответил я.

"О молекулярной биологии ты тоже любишь читать?", – спросила она следом. В её лице и тоне читалась лёгкая насмешка и сарказм.

"Нет, миссис Крукшанк", – сказал я. – "Мои познания в молекулярной биологии девственно чисты."

Прежде чем она успела ответить, я повернулся, чтобы найти место. Я заметил, что Нина тоже сидит в классе. Она

сидела на переднем ряду и все парты вокруг неё были пусты. Она слабо улыбнулась мне, наверное, гадая, заговорю ли я с ней после лета.

"Привет, Нина", – поприветствовал я, садясь рядом с ней.
– "Как лето прошло?"

Выяснилось, что мы с Ниной ходим вместе ещё и на третий урок, геометрию. Там я тоже сидел рядом с ней. Когда раздался звонок на обеденный перерыв, мы с ней вместе пошли в столовую. Мы нашли наше привычное место и принялись разговаривать за обедом. Спустя уже пару минут мы общались так, словно это было вчера.

"Так ты всё ещё хочешь быть врачом?", – спросил я, пока мы ковырялись в местной версии бефстроганов.

"О да", – кивнула она. – "Поэтому я и пошла на молекулярную биологию. Нужно сильно налегать на науку, чтобы попасть туда. Особенно если ты хочешь получать стипендию."

"Куда поступать хочешь?", – спросил я.

"Куда возьмут", – ответила она. – "Но я предпочитаю Вашингтонский университет в Сиэтле. У него наивысший рейтинг, и он достаточно близко к дому, чтобы я могла возвращаться на праздники. Если я куплю хорошую машину, конечно. У моих родителей нет таких денег."

"У моих тоже", – согласился я. – "Пытаюсь заставить отца инвестировать в фондовый рынок, но он отказывается. Не думаю, что он доверяет моим предсказаниям по поводу хо-

роших вложений."

"Ты всё ещё хочешь изучать бизнес?"

"Не то, чтобы очень хочу", – сказал я. – "Но думаю, что должен. Мне кажется, что это моя судьба."

Она захихикала. Ещё год назад она не могла себе такое позволить.

"Ты и правда всё ещё считаешь это своей судьбой, а?"

"Думаю, у меня хороший склад ума для такого", – прогнозировал я.

Немного мы ели в тишине, а затем я спросил:

"Ты хоть что-то поняла в этой молекулярной биологии? Сегодня было только вступление, но мне это уже показалось безумно сложным. Сильно отличается от анатомии и физиологии."

"Ага", – сказала она. – "Я немного читала по этой теме летом, ну, знаешь, хотела получить небольшое преимущество. Но знаешь, что меня на самом деле озадачило?"

"Что?"

"Геометрия. Такое чувство, что он на латыни разговаривал."

"Так и есть", – подтвердил я. – "Но, думаю, с этим я разобрался. По большей части, нужно просто запоминать формулы. Математическая часть – это та алгебра, которую мы проходили в прошлом году. Если ты сможешь запомнить формулу, то справишься с этим."

"У тебя, видимо, такой склад ума", – сказала она мне, от-

кусывая ещё один кусочек от своего обеда.

"Раньше у меня его не было", – пробубнил я.

"Ты о чём?"

"Не, ничего", – ответил я, и мне в голову внезапно пришла идея. – "Слушай, мы можем друг другу помочь. Почему бы нам не встречаться пару раз на неделе и учиться вместе? Ты поможешь мне с биологией, я помогу тебе с геометрией."

Она обомлела, взглянув на меня, и её лицо покраснело.

"Всё хорошо?", – спросил я, пытаясь понять, что я такого сказал, что настолько смутил её.

"Ты хочешь... учиться со мной?", – спросила она.

"Конечно", – сказал я. – "Почему бы и нет? Можем заниматься у тебя дома или у меня. Ты вроде недалеко от меня живёшь, да?"

"Да, недалеко", – она покачала головой. – "Ты точно этого хочешь?"

"Учиться вместе?", – спросил я в замешательстве. – "Конечно хочу. Что не так?"

Она долго и пристально смотрела на меня, множество эмоций пробежали по её лицу. Страх, сомнение, восторг, разочарование, решительность.

"Ничего", – сказала она наконец. – "Когда начнём?"

"Не знаю", – ответил я, всё ещё в недоумении. – "Как насчёт того, чтобы заниматься, когда мы застрянем на чём-то? Мне кажется, что это будет часто происходить."

Её взгляд ненадолго прояснился, она показалась более

сдержанной. Она захихикала и покачала головой.

"Что не так?", – спросил я вновь, практически раздражённый.

"Ничего", – смеялась она. – "Просто странные мысли в голову пришли."

"Ко мне они тоже часто приходят", – сказал я, всё ещё гадая, о чём же таком она подумала.

Глава 4. Часть 6.

Конечно, я встречался с Майком в школьных коридорах, но он не разговаривал со мной, не подходил ко мне. Его шкафчик больше не находился рядом с моими. Кажется, у него появилась новая группа из ребят помладше, с которыми он заводится. Они словно молились на него. К своему сожалению я понял, что именно это ему и нужно. Ещё я знал, что он вылетит из школы в конце этого года, и я не могу предотвратить это. Пару раз я пытался подойти к нему, но он просто уходил от меня.

Мы с Ниной постоянно делали уроки вместе, и наши дружеские отношения дошли до той стадии, что мы стали достаточно близкими друзьями, способными понимать настроение друг друга одним лишь взглядом, способными говорить друг другу практически что угодно.

Мы стали ближе, чем я мог представить. Мы с ней были ближе, чем когда-либо с Майком. В конце концов, Нина не пыталась обогнать любую историю, какую я ей рассказывал, и не убеждала меня, что в ней побывала куча мифических

членов.

Она не заставляла меня курить сигареты или прогуливать школу, чтобы пойти обдолбаться. К тому же, с ней не было странного сексуального напряжения, как было с большинством девушек, которых я знал. Нам просто нравилось быть вместе и разговаривать друг с другом.

Она познакомилась с Трейси и моими родителями, когда мы в первый раз занимались у меня дома. Это было в каком-то роде неловко, потому что Нина очень застенчива перед незнакомыми людьми, а моим родителями было очень интересно узнать о девушке, с которой я решил их познакомить. Хотя я уже и дошёл до той стадии, что тыкаю свой член во всё, что шевелится, я никогда не знакомил кого-либо с родителями. Мне показалось даже ироничным, что единственная девушка, которую я представил родителями, была та, с кем я никогда не занимался сексом.

Нина пробубнила односложные ответы на расспросы родителей о том, где она живёт, чем хочет заниматься и прочее, и наконец, они оставили нас одних. Трейси лишь быстро поприветствовала Нину, приличия ради, и сразу ушла в свою комнату.

После того, как Нина ушла, и после того, как я ответил на все вопросы родителей и объяснил, что мы просто учимся вместе, что мы только друзья, что им не нужно планировать свадьбу, я поднялся наверх, чтобы поставить свои учебники на место.

Трейси сейчас сама делала уроки под аккомпанемент хеви-метала. Она заметила, что я прохожу мимо её комнаты и позвала к себе.

"Что случилось?", – спросил я её.

"У тебя вообще стыда нет?", – заявила она мне.

"Ты о чём?"

"Мало было того, что ты всех моих друзей перетрахал, но тебе не кажется, что это уже слишком? Тебе стало скучно, и ты теперь решил трахать застенчивых умных девочек? Ты просто уёбок."

"Я не трахаюсь с Ниной", – сказал я, ошеломлённо глядя на свою сестру. – "Мы просто учимся вместе. Она моя подруга."

"У тебя нет подруг", – обвинила она. – "У тебя есть только партнёры по сексу. Ты мне действительно сейчас заявляешь, что привёл эту девочку сюда, чтобы уроки с ней делать? И ты совсем не уходил с ней наверх для приватной сессии до того, как мы домой вернулись?"

"Нет!", – крикнул я, мотая головой. – "Боже мой, неужели я настолько плох?"

"Насколько ли ты плох?", – засмеялась она. – "Ты хоть представляешь, сколько отношений ты разрушил за последние пару месяцев? Ты знаешь, что четыре мои подруги бросили своих парней после того, как ты их трахнул?"

"Нет... Серьёзно?"

"Серьёзно", – кивнула она. – "Поначалу это было даже ми-

ло, видеть, как все эти девушки пытаются подкатить к тебе, чтобы ты их заметил. Но ты совсем из рук выбился. Девушки подходили ко мне и притворялись моими подругами, только чтобы я познакомила их с тобой. Они говорили, мол, конечно, я хочу, чтобы всё было по-тихому. Просто познакомиться с ним, поболтать немного. Ты знаешь, что они только о тебе и говорили в раздевалке и туалете? И знаешь, что конкретно они говорили о тебе?"

"Что?", – спросил я.

"Они говорили о тебе в том же ключе, в каком твои друзья говорят о девушках наподобие Стэф. Ты шлюха, Билли. Они описывали, как хорошо ты занимаешься этим, используя самые отвратительные термины, какие я только слышала. Они даже спрашивали, трахал ли ты когда-либо меня. Меня! Твою ёбанную сестру!"

"Мне жаль, Трейси, я никогда..."

"Но знаешь, что они никогда не говорили о тебе?", – продолжила она. – "Они не говорили, какой ты хороший и вежливый парень. Они никогда не подходили ко мне и не говорили 'Боже, Трейси, твой брат такая душка'. Они говорят только о том, как ты вылизывал их и трахал, пока они не закричал. Они не говорили, как хотят привести тебя к себе и познакомиться с родителями, или что они хотели бы встретиться с тобой. Они говорят, как хотели бы пробраться к тебе домой опять и снова переспать с тобой."

"Вау", – сказал я, не зная, что и думать. Конечно я пони-

мал, что у меня была репутация среди девушек, но я понятия не имел, что они говорят обо мне в том ключе, о котором мне рассказала Трейси. Меня так же печалила злость моей сестры. Последнее, чего я хотел, это чтобы она злилась на меня.

"Вау!", – передразнила Трейси. – "Какая, блять, глубокая мысль!"

Я присел у края кровати, ставя рюкзак, наполненный книгами, на пол. Трейси слегка приглушила музыку.

"Мне жаль, Трейси", – сказал я ей. – "Я не знал, что мои действия заденут тебя. Я думал, что просто безобидно веселился. Уверяю тебя, мы с Ниной просто друзья. Я не спал с ней и у меня даже нет такого намерения."

Она смотрела на меня некоторое время.

"Знаешь, что самое хуёвое?", – спросила она. – "Самое хуёвое, что ты на самом деле можешь быть хорошим парнем и душкой. Будь ты просто придурком, меня бы не волновало, что девушки так о тебе говорят. Но ты не такой. Меня бесит, что люди говорят такое о моём маленьком брате. Вот ты бы чувствовал нечто подобное, если бы услышал в раздевалке, как парни рассказывают, что Трейси хорошо сосёт члены и трахается со всеми подряд?"

Конечно", – согласился я. Чувствовал бы я подобное? Да я бы убил того, кто так говорил.

"Вот и я о том же", – сказала она. – "Но я даже не могу оправдать тебя перед ними. Ты и правда трахаешься со всеми подряд."

"Мне жаль", – повторил я. Я даже не знал, что сказать. Я точно не могу пообещать ей, что такого больше не повторится, потому что это будет ложью.

"Слушай", – сказала она. – "Я просто твоя сестра. И я не буду просить тебя перестать трахать девушек, я знаю, что ты всё равно этого не сделаешь. Но ты можешь хотя бы уюмониться ненадолго? Прекратить это всё на неделю-две? Или, может, трахнуть кого-либо больше, чем один раз?"

Я засмеялся, покачав головой.

"Попытаюсь, Трейси. Попытаюсь. Но помни, что мне пятнадцать, я сейчас на своём сексуальном пике, знаешь ли."

"Ой, иди ты нахуй", – засмеялась она в ответ. – "Прости, что накричала на тебя, но ты заслужил это."

"Думаю, да", – согласился я.

"Ты и правда не трахаешься с Ниной?"

"Правда."

"Может, на тебе ещё рано ставить крест."

Я действительно немного уюмонился, ради спокойствия Трейси. И ради своего спокойствия тоже. Мне не очень нравилось, что ко мне относятся, как к шлюхе. Я перестал сам искать женщин и вместо этого ждал, пока они сами подойдут ко мне. К тому же, я стал чаще заниматься сексом повторно.

К тому времени, как пошёл первый снег, в дополнении к новой лучшей подруге у меня появился небольшой круг девушек, с которыми я занимался сексом, вместо того, чтобы постоянно менять партнёров. Этого было вполне достаточно.

И когда одна из девушек уставала от таких отношений или хотела найти себе парня, я искал другую девушку.

Глава 4. Часть 7.

К моему удивлению, Трейси и Нина даже подружились. Нина приходила ко мне домой примерно два раза в неделю и моя сестра, интересуясь, что же за девушку я выбрал себе в друзья, обязательно разговаривала с Ниной каждый раз, когда видела её.

Нина долго привыкала к моей сестре. Я понимал, что это из-за того, как другие девушки раньше издевались над ней, и это продлилось дольше, чем насмешки от парней. Сам бы я об этом не догадался, если бы она не сказала мне, и меня печалила мысль, что прекрасный пол может быть куда более жесток по отношению к своим же, чем парни.

Но со временем Нина избавилась от стеснительности перед Трейси и даже Синди, что тоже была частым гостем в нашем доме. Две старшие девушки взяли Нину под своё крыло и обучили её всем тонкостям моды, уговаривая её заменить свой однотонный гардероб на более современные вещи. Они научили её наносить макияж и делать другие причёски, кроме хвостика. На самом деле, она кардинально поменяла свой образ. Я начинал видеть в ней того привлекательного доктора, каким она однажды станет, но без надменного выражения лица и стервозных манер.

И вот наступил день в начале декабря, когда холодный зимний шторм надвинулся на Спокану. Снег поднимался в

воздух порывистым ветром, что достигал больше 65 км/ч.

Когда я вышел из школы и направился к парковочному месту Синди, снежинки били мне в лицо, словно осколки стекла, обжигая мою кожу и вынуждая сильнее затянуть капюшон и шарф. Несколько зданий уже были погребены под тремя метрами снега, и вся земля была покрыта белым. Если бы так снежило утром, школу бы закрыли, но, к сожалению, шторм не поднимался до позднего утра.

Когда я добрался до места, где Синди обычно паркует свою машину, я оглянулся и ничего не нашёл. Я посмотрел вокруг, думая, не ошибся ли я с местом. Ветер сильно обжигал моё лицо, пока я пытался найти машину. Её нигде не было. Другие ребята бежали к своим машинам в группах по несколько человек, некоторые из них поскользнулись на льду. Я всё ещё нигде не видел Синди и Трейси.

"Какого хуя?..", – пробубнил я, гадая, куда они пропали.

Мне хватило минуты, чтобы осознать, что я застрял здесь и у меня нет другого варианта, кроме как идти домой пешком. Интересно, замёрзну ли я насмерть прежде чем успею дойти? И затем я увидел, что Райсин направляется к своей машине. Я побежал следом за ним.

Спустя пятнадцать минут Райсин высадил меня возле дома. Я увидел припаркованную машину Трейси и это не улучшило моё настроение. Я поблагодарил Райсина и попрощался с ним, с трудом пробираясь сквозь снег у дороги к входной двери, бубня себе под нос всё, что я думаю о своей сестре и

друзьях, которые бросили меня посреди грёбанной метели.

Дверь была закрыта, поэтому я воспользовался своим ключом, заходя в тёплую гостиную, собираясь вынести мозги этим предательницами.

Но их не было здесь. Телевизор выключен и вертушка стерео молчаливо кружилась над одним из моих альбомов, делая 33 и 1/3 оборота в минуту, ручка повисла над одним из треков.

Быстрый взгляд на кофейный столик подсказал мне, чем именно они занимались. Открытая пачка начос с сыром лежала рядом с остатками сэндвичей и парочкой обёрток от конфет.

Они накурились! Они оставили меня замерзать до смерти в снегу, чтобы они могли пойти домой и накуриться. И они наверняка выкурили всё до моего прихода. Вот сучки! Где они сейчас? Я принялся грозно расхаживать по дому, ища их.

Когда я подошёл к двери, ведущей в гараж, я услышал девчачий смех, доносящийся по ту сторону. Кипя от злости, я схватил ручку двери и резко потянул на себя. От увиденного я застыл на месте

Синди и Трейси были там. Запах травки сразу ударил мне в нос, небольшое пространство гаража застилал дым. Но больше всего меня удивило, кто был с ними.

Нина сидела там, ртом она прильнула к горлышку бонга, вдыхая дым через воду, пока Синди держала зажигалку

и подстрекала её.

"Давай, девочка!", – подбадривала Синди. – "Дуй!"

Трейси взглянула на меня с ухмылкой на лице и полузакрытыми глазами.

"Хэй, Билли", – сказала она. – "Хорошо, что ты добрался домой. Хочешь дунуть?"

Нина, услышав моё имя, быстро прекратила все свои действия, оставив дым кружиться у бонга. Она заметила мой ошарашенный взгляд и посмотрела на меня в ответ, а затем разорвалась истерическим смехом, выдыхая большое облако дыма из своего рта и носа. Трейси и Синди засмеялись вместе с ней. Они показывали на меня и смеялись ещё сильнее.

Где-то три минуты продолжалась эта истерика, пока я стоял у двери и просто смотрел на них. Поверить не могу, что они заставили Нину накуриться. Поверь не могу, что Нина согласилась! О чём они только думали?

Когда их смех прекратился, я подошёл к ним. Нина попыталась что-то сказать, но у неё снова началась истерика. Синди присоединилась к ней.

"Вы её накурили?", – спросил я Трейси, потому что только она сейчас не смеялась. – "И заставили прогулять школу?"

"Никто её не заставлял", – сказала Трейси, беря пакет травы и заряжая бонг. – "Она спросила, есть ли у нас травка. Она хотела её попробовать. Видимо, все те истории, что ты рассказывал, заинтересовали её", – она захихикала, указывая большим пальцем на Нину. – "Как видишь, ей понрави-

лось. Почему ты раньше с ней не курил?"

"Я не думал, что она этого хотела", – сказал я, смотря на лицо Нины. На секунду она успокаивалась, а затем вновь начинала смеяться.

"Видимо, ты ошибался", – сказала Трейси, передавая мне бонг и зажигалку. – "Думаю, ты многое не знаешь о Нине."

"Ты о чём?", – спросил я.

"Потом", – ответила она. – "Дуй уже."

Ну что же, не можешь побить – присоединяйся. Я щёлкнул зажигалкой и поднёс к себе бонг.

Глава 4. Часть 8.

Синди и Нина ушли незадолго до того, как отец вернулся домой с работы. Я беспокоится за них, ведь они поехали по заснеженной дороге с нетрезвым водителем за рулём. Я не мог уговорить их остаться, но взял с них обещание, что они пристегнут ремни безопасности. Я знал, что Нина сдержит обещание.

Ещё я знал, что у них небольшие шансы разбиться насмерть. Большинство аварий со смертельным исходом случаются летом, когда погода чистая и ясная, и водители ездят по дорогам на суицидальной скорости. В зимнюю погоду все водят медленно. Хотя аварий в это время и было больше, они обычно незначительные. Нельзя сгенерировать достаточное количество кинетической энергии, чтобы разбиться насмерть во время снежной бури. Если Синди и попадёт в аварию, она, скорее всего, отделается парой царапин. Но нет

ничего невозможного, поэтому я беспокоился.

После того, как ужин был съеден и посуда помыта, когда все в доме уже собирались ложиться спать, я вновь пробрался в комнату Трейси.

На улице всё ещё завывал ветер, задвижки грохотали и бились об окно. Занятия в школе отменили бы, но завтра и так была суббота.

Трейси лежала на кровати, читая последнюю (на то время) книгу Стивена Кинга. Она была в своей стандартной пижаме – длинной футболке.

"Что такое?", – спросила она, когда я постучался в распахнутую дверь.

"Я могу зайти?", – спросил я.

"Конечно", – сказала она, откладывая книгу в сторону и садясь на кровати.

"Сегодня днём", – начал я, – "когда мы курили..."

"Ага", – кивнула она. – "Убийственная дурь, да? Я ещё весь ужин укуренной была после неё. Хочешь покурить? У меня осталось немного."

"Нет", – ответил я, покачав головой, а затем поправился. – "Ну, может завтра. Но я не об этом. Когда мы курили, ты сказала, что я многое не знаю о Нине."

"Да?", – улыбнулась слегка Трейси.

"Что ты имела ввиду под этим?", – спросил я.

Она посмотрела на меня очень зрелым взглядом.

"Ты и правда не понимаешь, да?"

"Не понимаю что?", – спросил я.

Она глубоко вздохнула.

"Нина любит тебя, Билли."

"Что?"

"Она не просто запала на тебя. Это не симпатия, не щенячья любовь, чем бы это ни было. Это любовь. Л-Ю-Б-О-В-Ь. Сильная, большая любовь. Она по уши влюблена в тебя, братик."

Я ошеломлённо стоял в тишине. Затем я, наконец, заговорил:

"Это она тебе сказала?"

"Нет", – ответила Трейси. – "Ей и не нужно. Это довольно очевидно для всех, кто разговаривает с ней. Я поняла это сразу же, как только мы с ней стали болтать. Она всё время о тебе думает", – она пожалась. – "Бог знает почему."

"Погоди", – сказал я. – "Думаю, ты ошибаешься. Мы хорошие друзья, нам нравится разговаривать друг с другом, и я понимаю, что тебе могло показаться..."

"Я не ошибаюсь, Билли", – резко выпалила Трейси. – "Я просто делюсь с тобой информацией, сам решай, что ты будешь с ней делать. Нина любит тебя. В этом нет сомнений. И она страшно боится, что ты не любишь её и не заинтересован в ней, и что однажды ты разобьёшь ей сердце."

"Что? Откуда..."

"Потому что я девушка", – ответила Трейси, прежде чем я успел её спросить. – "Мы понимаем такие вещи. Она знает,

что ты можешь сделать ей больно, и она знает, что не способна это предотвратить, если ты решишь так сделать. Ей нравится быть вместе с тобой, но она хочет большего. Она не получает большего, но остаётся рядом с тобой, надеясь, что однажды она это получит. Она будет оставаться рядом, пока есть хотя бы слабая надежда. Единственный способ, каким ты можешь заставить её разлюбить тебя, это разрушить её надежду. Она может не оклематься после такого. Она очень хрупкая девушка, как ты мог заметить, и я осмелюсь предположить, что она не оклемается. Я не говорю это, чтобы запугать тебя или что-то в этом роде. Я просто хочу, чтобы ты понимал, с чем имеешь дело. Она любит тебя. Она боготворит тебя. Относись к ней осторожно, потому что ты имеешь дело с её ёбанными эмоциями. Ты меня понял?"

"Нет", – покачал я головой. – "Я не понимаю тебя."

Я начинал злиться. Вот он я, мне 32, почти 33, и семнадцатилетняя девчонка рассказывает мне о любви? Да что она вообще об этом знает? Она, видимо, прочитала своих любимых романов и теперь проецирует это на Нину.

"Мы с Ниной просто друзья. Не больше. Так оно и будет. Я ей нравлюсь, ей приятна моя компания, но она не любит меня. Я над ней в младшей школе издевался, в конце-то концов! Ты всё неправильно поняла."

Она снова взяла свою книгу.

"Верь чему хочешь, Билли", – сказала она, невербально отвергая меня. – "Но я не ошибаюсь."

Глава 4. Часть 9.

Зима продолжалась. В школе я продолжал получать одни пятёрки в первом семестре. Во втором семестре мы с Ниной ходили вместе уже на три занятия. Мы продолжали делать уроки несколько раз на неделе.

Когда мы были вместе, я осторожно наблюдал за ней и вслушивался в её слова. Само собой, ей нравилось быть рядом со мной, как и мне нравилось быть рядом с ней.

Она ценила моё мнение, и я ценил её. Она шутила при мне, показывая остроумное чувство юмора, что скрывалось под её стеснительностью. Чувство юмора, о котором не знал никто, кроме меня. Нам нравилось быть вместе. Мы были друзьями, хорошим друзьями, даже лучшими. Но любовь? Думаю, нет.

10-го февраля того года, 1983, я пошёл после школы с отцом в департамент транспортных средств. Я прошёл письменный экзамен, сдав на 100%. Затем я забрался в Dodge Diplomat своего отца вместе с экзаменатором, ворчливой престарелой женщиной, и получил свои права на вождение.

Инструктор была впечатлена моими навыками, заявив, что редко можно встретить начинающего водителя, который так хорошо управляет машиной. Она поставила мне 96% по итогам экзамена, занизив оценку из-за того, что я не сделал параллельную парковку ужасно хорошо. Это то, что я так никогда и не освоил. Затем я вернулся в департамент, где сделали моё фото. Теперь я был лицензированным водителем.

Пока я вёз своего отца домой в тот день, он поздравил меня и прочёл небольшую лекцию о безопасном вождении. Исполнял свой отцовский долг, понятное дело. Когда он закончил говорить, я повернулся к нему.

"Я бы хотел устроиться на работу, пап", – сказал я ему.

"На работу?", – спросил он, смотря на меня.

"Ага", – подтвердил я. – "Хочу начать зарабатывать собственные деньги. Ну знаешь, чтобы я мог купить себе машину и начать откладывать деньги на колледж. Что-то типа того."

"Ну что же, это похвально, Билл", – сказал он мне, откидываясь на спинку кресла. – "Я точно не собираюсь останавливать тебя."

"Могу я использовать машину по будням после того, как ты вернёшься домой? Если я найду работу, конечно."

"Полагаю, что да", – сказал он мне. – "До тех пор, пока она не понадобится нам. Конечно, ты должен понимать, что наши страховые взносы возросли, потому что вы с Трейси теперь внесены в наш страховой полис. К тому же, газ дорожает. А ещё есть Трейси, она тоже пользуется этой машиной."

"Я заплачу за все надбавки", – пообещал я. – "И мы с Трейси тоже что-нибудь придумаем."

"Да", – задумчиво произнёс он. – "Полагаю, вы что-нибудь придумаете. Вы с сестрой очень сблизились за последний год."

В ответ я пожал плечами в стиле подростков.

"Ваши отношения стали намного лучше, чем раньше. На самом деле, некоторое время назад произошло кардинально изменение в ваших отношениях и даже в личностях", – он уставился на меня. – "Это было незадолго до того, как тебя ударили ножом."

О чём он говорит? Я занервничал от его взгляда. Отец понимал, что со мной что-то произошло, но он не знал, что конкретно. Не знал же? Он просто пытается вытянуть информацию? Или он подозревает о правде? Правда же просто безумна, да? Он не мог подозревать об этом. Не мог же?

"Думаю, я просто разобрался со всем своим дерьмом, пап", – нервно ответил я. – "И Трейси тоже."

Некоторое время он продолжал смотреть на меня, а затем слегка покачал головой.

"Не говори 'дерьмо'", – ответил он наконец. – "Если хочешь найти работу, и, если вы с сестрой сможете разобраться с машиной, я даю своё благословение."

"Спасибо, пап", – сказал я ему.

Я точно не хотел работать на каторжном труде в заведениях быстрого питания, поэтому даже не пытался подать туда заявку. Я знал, что у меня есть время, поэтому я выжидал и тщательно подбирал вакансии, подавая заявку только в те места, где я смогу выдержать ритм заведения.

Нужно понимать, что я провёл восемь лет, работая парамедиком. Несмотря на все ужасы, с которыми нам приходилось сталкиваться, несмотря на всю ответственность, что ле-

жала на наших плечах, несмотря на все оскорбления, что мы слышали в свой адрес, у работы был далеко не самый бешеный ритм. За двенадцатичасовую смену мы обычно отвечали на примерно шесть вызовов, каждый из которых занимал примерно по часу, с момента выезда до момента завершения всей бумажной волокиты в госпитале. В итоге оставалось где-то шесть свободных часов на каждой смене. Иногда, на более спокойных сменах, свободного времени было даже больше. Я знал, что не смогу часами стоять и подавать бургеры.

В начале марта меня приняла на работу пиццерия. Менеджер разрешил мне пройти собеседование, но с самого начала сказал, что скорее всего не возьмёт меня на работу, потому что обычно он нанимает только тех, у кого уже есть опыт работы.

"Ну что же, сэр", – сказал я ему. – "Я ценю Ваше мнение. И полностью Вас понимаю."

"Серьёзно?", – спросил он, находя это смешным, и проверяя свои часы в ожидании следующего интервью.

"Серьёзно", – сказал я. – "Но вот что я Вам скажу. Наймите меня, и вы не пожалеете. Я даже осмелюсь сказать, что я буду лучшим сотрудником, какого Вы только наймёте. Знаете, почему?"

Это привлекло его внимание.

"Почему?", – спросил он.

"Потому что отец с детства вбивал мне в голову рабочую

этику. Он научил меня, что работа – это самое святое. Это, что нужно ставить выше всего, кроме семьи. Если я получу должность, Вы получите мою полную лояльность. Каждый день я буду приходить по графику вовремя, готовый к работе. Я буду делать любую работу в любой удобной Вам манере. Я не типичный подросток, который будет отпрашиваться с работы, узнав о том, что вечером будет пивная вечеринка у водопада. Я забуду о личной жизни, чтобы выполнять свои обязанности в ресторане, и, надеюсь, Вы продвинете меня по карьерной лестнице в награду." – я искренне улыбнулся ему. – "Наймите меня, и Вы не пожалеете."

Глава 4. Часть 10.

Он нанял меня. Я приступил к работе на следующей неделе, делая пиццы и моя посуду с пятницы до понедельника, с 17:00 до 22:30. Я хорошо делал свою работу, приходил вовремя, как и обещал, и исполнял все требования без возражений. В конце концов, у меня была профессиональная этика взрослого человека. Менеджер был крайне впечатлён мною. Он часто подмечал, что я кажусь очень зрелым.

Мне платили жалкие гроши, \$3.25 в час, что было минимальной зарплатой в то время, но это было хоть что-то, и, как у ребёнка, у меня не было расходов, на которые я мог попросить надбавки. Нам платили раз в неделю, по пятницам. С моим графиком я получал \$71.50 по каждому чеку. Дядюшка Сэм и Тётя Вашингтон забирали \$12.00 из этой суммы, оставляя мне \$59.50.

В своей прошлой жизни я кошмарно распределялся собственными финансами. Я жил от зарплаты до зарплаты и никогда не откладывал деньги, не считая моего пенсионного плана 401к, средства на который автоматически вычитались. Я постоянно был в серьезных долгах по кредитным картам и машине, не говоря уже об алиментах и финансовой поддержке ребёнка.

Я был в ситуации, знакомой многим американцам. У тебя много вещей, а ты можешь позволить себе платить только минимальные взносы. Конечно, в конце каждого месяца каждого года ты оказываешься в одной и той же ситуации, потому что тебе нужно всё больше вещей, а минимальные взносы так и подстрекают тебя.

Даже до того, как Мистер Ли изменил мою жизнь, до того, как Департамент Пожарной Безопасности Споканы угрожал забрать мою работу, я всегда хотел заново пережить свою финансовую историю. Теперь у меня есть такая возможность. Я дал ещё одну торжественную клятву. Я буду распоряжаться всеми деньгами разумно, научившись на тех жестоких уроках, что я выучил ещё в своей прошлой жизни. Больше я не буду жить не по средствам. Это не по-американски, конечно, но это то, что я собирался сделать.

С каждой зарплатой я брал \$10.00, чтобы потратить их на развлечения и собственные вещи. \$5.00 я платил за газ, что использовал в машине отца, и ещё \$5.00 шли на страховые взносы. В итоге у меня оставалось лишних \$39.50 каждую

неделю.

Я открыл сберегательный счёт в ближайшем банке. Я был удивлён и даже слегка оскорблён, что им нужно разрешение моего отца, дабы открыть счёт на моё имя. Боже мой, неужели в мире наступит хаос, если несовершеннолетние смогут открывать банковские счета без регулирования?

Я принялся класть деньги на этот счёт с каждой зарплаты. Процентная ставка на счету была мизерной – едва ли два процента, но этого хватало. Деньги на счету я сберегал до тех пор, пока не накоплю какой-то капитал. Как только я накоплю достаточно денег, у меня уже была мысль, где их хранить.

Мои родители с интересом наблюдали за этим. Они не удивились моей профессиональной этике, которой я, в конце концов, научился от них, и меньшего они не ожидали. Они удивлялись моей бережливости.

Нужно понимать, что своему умению распоряжаться финансами в прошлой жизни я тоже научился от них. Мои родители, что в моём детстве, что в подростковом возрасте, распоряжались деньгами примерно так же хорошо, как я, будучи взрослым. То есть, совсем не хорошо. Конечно, я не виню их за мои проблемы с деньгами в будущем, просто объясняю, почему они удивлялись, откуда у меня такие умения распоряжаться финансами.

Каждую неделю они смотрели, как растёт мой сберегательный счёт (им пришлось подписаться на мой депозит) с уважением и почтением, и больше, чем просто недоумени-

ем. Чёрт возьми, они даже предлагали мне время от времени снимать деньги со счёта, чтобы потратить их на себя.

"Я откладываю на колледж", – говорил я им. – "И, может быть, на машину в ближайшее время."

"Понятно", – отвечали родители. – "Это очень мудрое решение, Билли."

Мой рабочий график слегка подпортил мою сексуальную жизнь, потому что раньше я трахался именно по выходным. Но это не было особой проблемой. Девушки, что очень хотели узнать о моих навыках, находили время и по будням. Обычно они приходили сразу после школы. Я вел их в свою комнату, доставлял им удовольствие, которого они жаждали, и выдворял их незадолго до того, как отец придёт домой.

В большую часть таких дней Нина приходила сразу после того, как уходила последняя девушка. Мы учились вместе, или просто сидели на диване и болтали, пили газировку и ели чипсы, порой смотрели телевизор. Родители были уверены, что Нина моя девушка, и я находил это даже смешным. Они понятия не имеют, что я трахаю кучу девушек, пока их дома нет.

Они даже гордились тем, что я до сих пор хожу к Аните косить её газон, чистить окна, сидеть с детьми и ставить или убрать задвижки на окна. Они понятия не имели, что их дражайшая подруга расплачивалась мне за услуги чем-то куда более ценным, чем деньги. Не думаю, что даже Трейси понимала, что происходит между мной и Анитой.

Глава 4. Часть 11.

Месяцы шли один за другим. Затянутая зима уступила место весне 1983-го. До меня дошли слухи, что Майк собирается бросить школу ради независимого обучения. Этот слух наполнил меня ужасом и напомнил о том, что у меня всё ещё есть незавершённое дело.

Независимое обучение – это одно из тех зверств, спонсированных государством, и именно из-за него и происходили все вылеты из школы. Вернее, происходят, потому что эта система всё ещё существует.

Бедного ученика подстрекали бросить обычную старшую школу и уйти в отдельный кампус на обучение. Им нужно было учиться всего двенадцать часов в неделю, и у них было множество способов обучаться в собственном ритме. Им и их родителям говорили, что можно легко получить образование, даже если заниматься всего ничего и выполнять минимальные требования.

Ученики в какой-то момент неизбежно понимают, что даже двенадцать часов в неделю – это слишком, и в итоге они забывают на образование и вылетают из школы. Это лишь ложная надежда для родителей и тупик для учеников.

Майк не был исключением. Он будет на независимом обучении меньше двух месяцев, а затем навсегда покинет школу. В конечном итоге он заплатит за диплом, чтобы попасть в ВВС, откуда его с позором уволят из-за употребления марихуаны.

Мне нужно было попытаться предотвратить это. Нужно было.

На этой неделе я положил на депозит всего \$24.50, оставив себе пятнадцать баксов. Само собой, потому что это бывалось из рутины, отец начал задавать вопросы.

"Поступаешься своими убеждениями?", – спросил он, когда я передал ему бланк.

Я пожал плечами, слегка ухмыляясь.

"Думаю, вы с мамой правы", – сказал я ему. – "Мне стоит порой тратить деньги на себя. Подумал, что потрачу в этот раз пятнадцать баксов на что-то в качестве награды."

"Ну что же, рад за тебя", – сказал отец. – "На что потратишь?"

"У меня нет каких-то планов", – солгал я. – "Может, потрачу всё на видеоигры и аркадные автоматы. Знаешь, типа Space Invaders."

"Ты заслужил это", – сказал он мне, ставя свою подпись рядом с моей.

В следующий понедельник в школе я нашёл Стэф, что шла по коридору. Она была рада видеть меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.